

Чугун, сталь и научпоп на душу населения

Как в Советском Союзе науку делали популярной

Андрей Ваганов. Жанр, который мы потеряли: Очерк истории отечественной научно-популярной литературы. – М.: АНО «Журнал «Экология и жизнь», 2012.

Удивительное дело: наука в России, по заявлениям самих российских ученых, находится в коматозном состоянии; но именно в этот исторический момент вновь стали выходить совершенно замечательные научно-популярные книги. И переводных, и отечественных авторов. Другой вопрос – кому он нужен, этот научпоп, в современной России?

Вот в этом-то и пытается разобраться Андрей Ваганов, заместитель главного редактора «НГ» и ответственный редактор приложения «НГ-наука». Собственно, многие из тех сюжетов, что составили книгу, автор обкатал именно в статьях, опубликованных в «НГ». То есть это уже не просто рефлексия науки (чем и занимается классический научпоп), это рефлексия над рефлексией науки. Кстати, этим фактом подтверждается то, что популяризация науки сама сгустилась, если можно так сказать, до концентраций, присущих научному знанию.

Книга Андрея Ваганова посвящена почти не изученной систематически в книговедении и культурологии проблеме – зарождение и формирование в России научно-популярной литературы и периодики как самостоятельного жанра.

Сегодня, когда тиражи научно-популярных периодических изданий упали на несколько порядков по сравнению с концом 1980-х годов, кажется совершенно невероятным, что в разрушенной первой мировой и гражданской войнами России научно-популярная литература составляла 36% от всей книжной продукции. Что произошло в начале XX века в России такого, что все более или менее заметные издательские фирмы считали своим долгом выпускать огромное количество научно-популярных серий? Какие социальные процессы привели к нынешней ситуации? Основываясь на богатом архивном и библиографическом материале, на малодоступных или полузабытых первоисточниках, автор реконструирует социальные механизмы становления, развития и падения научно-популярного жанра.

Соответственно названы и три главы книги: «Урна жанру», «Страна победившего научпопа», «Страна, победившая научпоп»...

Книга чрезвычайно фактурна. Недаром одних только примечаний – 27 страниц, около 30 таблиц и графиков. Иногда это несколько утяжеляет чтение. Но кто сказал, что рассказ о науке – это только инфотайнмент (от англ. infotainment – информация + развлечение). А ведь здесь не просто рассказ о науке: книга Андрея Ваганова, повторяю, это уже нечто другое, чем старая добрая занимательная наука в духе Якова Исидоровича Перельмана.

Иван САПРЫКИН, «НГ-Экслибрис», 24.05.2012.

От редакции. Собственно, одна из первых «обкаток» плана-конспекта этой книги произошла в Дубне, в 2007 году на семинаре «Наука и пресса», посвященном 50-летию нашей газеты. Доклад Андрея был посвящен престижу науки в обществе, взаимному влиянию науки и прессы. Почему современное российское общество не интересуется наукой, какова взаимосвязь между тиражами научно-популярных журналов, отношением к науке в обществе и состоянием экономики, – на эти и другие злободневные вопросы он попытался найти ответ, подобрав интересные статистические данные по России и не только.

Почти двадцать лет, с начала работы в НГ, Андрея связывают теплые дружеские отношения с редакцией нашей газеты, и благодаря ему на страницах приложения «НГ-наука» не раз публиковались материалы наших корреспондентов о жизни Института, да и сам он хорошо знаком ведущим ученым ОИЯИ, интервью которых с достаточной регулярностью публиковал в своей газете. За это время вышли в свет две книги Андрея Ваганова – его интервью с учеными: "Миф. Технология. Наука" – М., Центр системных исследований, 2000, и "Диалоги о научно-технической политике". – М., ООО "Полиграфикс", 2001. А лично мне доставило огромное удовольствие послесловие Андрея к моей книге «Беседу вел... Хроника, интервью, дневники», вышедшей в Москве в издательстве «Этерна» в 2011 году, в котором он заметил, что именно газеты, газетные публикации, фиксируя слабоуловимую в короткой исторической перспективе фактуру настоящего времени, остаются в истории...

Евгений МОЛЧАНОВ

Андрей Ваганов

ЖАНР, КОТОРЫЙ МЫ ПОТЕРЯЛИ

Очерк истории отечественной
научно-популярной литературы

Библиотека журнала «Экология и жизнь»

Андрей Ваганов

**ЖАНР,
КОТОРЫЙ
МЫ ПОТЕРЯЛИ**

**Очерки истории отечественной
научно-популярной литературы**

**АНО «Журнал «Экология и жизнь»
Москва**

ББК 76.01

В 12

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Ваганов А.

В 12 Жанр, который мы потеряли: Очерк истории отечественной научно-популярной литературы/ Ваганов А. — М.: АНО «Журнал «Экология и жизнь», 2012. — 248 с. (Библиотека журнала «Экология и жизнь»). ISBN 978-5-904553-06-7

Сегодня трудно поверить, что в разрушенной Первой мировой и гражданской войнами России издание научно-популярной литературы составляло более трети всей книжной продукции — 36%. Что произошло в начале XX века в России такого, что все более или менее заметные издательские фирмы считали своим долгом выпускать огромное количество научно-популярных серий? Основываясь на богатом архивном и библиографическом материале первой трети XX века, на малодоступных или полузабытых первоисточниках, автор делает попытку реконструировать социальные механизмы становления научно-популярного жанра.

Для широкого круга читателей, интересующихся проблемой междисциплинарного знания, историей науки и техники, культурной антропологией. Книга также полезна для студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава гуманитарных и технических (технологических) университетов, научных работников.

ББК 76.01

© Ваганов А.

© Оформление: АНО «Журнал
«Экология и жизнь»

ISBN 978-5-904553-06-7

Глава 1

УРНА ЖАНРУ (Для начала)

«**П**опуляризация науки равносильна умалению божества». Высказывание это приписывается некоему итальянскому ученому и принадлежит уже далекому XV веку. Веку, когда только-только обозначился первый абрис того, что лет через двести превратится в науку, как мы ее понимаем сегодня — в экспериментальный прежде всего способ познания окружающего мира.

Картина интегрального хаоса

Самое забавное, что и полтысячи лет спустя острота и даже потенциальная взрывоопасность обозначенной анонимным итальянцем коллизии нисколько не «рассосалась». «Популярные книги никогда научить не могут», — вынес свой приговор в середине XIX века великий Майкл Фарадей. В общем-то, о том же самом с автором этих строк говорил, уже в XXI веке, и выдающийся математик, академик Людвиг Фаддеев: «Фундаментальная наука всегда элитарна».

Итак, наука как максимум — «божество», как минимум — «элитарна». Все верно, кажется. И тем не менее...

В середине восьмидесятых годов прошлого века каждая двадцатая книга, издававшаяся в Советском Союзе, проходила по жанру научно-популярных. Тираж журнала «Наука и жизнь» превышал три миллиона экземпляров. Мало того, даже узбекский «клон» этого ежемесячника — «Фан ва турмаш» — выходил тиражом в полмиллиона экземпляров!¹

Как будто специально по этому случаю последний из великих древнеримских историков Тацит отчеканил: «*Omne ignotum pro magnifico est*» («Все неизвестное представляется величественным»). А спустя два тысячелетия Джон Хорган, обозреватель научно-популярного журнала «*Scientific American*», не без иронии тонко подметил: «Каждый писатель и журналист, пишущий о науке, время от времени сталкивается с людьми, которые искренне не хотят внимания от средств массовой информации, желая, чтобы их оставили в покое и не мешали выполнять свою работу. Ученые часто не понимают, что подобная черта делает их еще более соблазнительными».²

* * *

Итак, мы будем говорить об истории и перспективах популяризации науки. В основном в России. Но не только. О включениях и злокючениях, о мутациях и «перекоммутациях», о сплетениях и переплетениях научно-популярного жанра в литературе.

Что такое научно-популярная литература — знают все; дать четкое, всех устраивающее, а главное, «работающее» определение этого жанра не может никто.

Жанровые «разборки» одни из самых опасных. Опасных в смысле вполне реальной возможности сгинуть безвозвратно в этой клокочущей информационной бездне. Судите сами.

«Оказалось, что даже на такой простой вопрос, как “что такое жанр?”, затруднительно найти однозначный ответ, — дает сжатое представление состояния проблемы известный лингвист и литературовед Валентина Полухина. — Общеизвестно, что в XX веке идет активная дезинтеграция, декомпозиция, деформация всех жанров. Жанры на наших глазах теряют свое жанровое содержание, а их грани размываются. А между тем до недавнего времени, по словам Нортропа Фрая, “критическая теория жанров легко обнаруживается на том же месте, где ее оставил Аристотель”. <...> Методика поиска универсалий, да,

по-видимому, и само состояние современной литературы заставили французских теоретиков отказаться от греко-римской триады (эпос, драма, лирика). <...> Любой жанр, по Тодорову, представляет собой трансформацию других жанров средствами инверсии, смешения, комбинации, любой жанр может стать моделью для трансформации. Если для Тодорова жанр не что иное, как кодификация дискурса, то для Женетта — это слияние культурных и социологических факторов <...>. Оба подчеркивают онтологическую преемственность жанров, обеспечивающую их постоянство».³

Другой отечественный литературовед, Иван Кузьмичев, солидарен со своей коллегой: «...жанровая теория и критика в ее нынешнем состоянии на многие кардинальные вопросы дает прямо противоположные ответы, и читателю самому придется решать, где находится истина... Многочисленные попытки теоретиков Запада создать жанровую систематику, по словам польского профессора Стефании Скварчинской, “образуют картину интегрального хаоса в этой области”».⁴

«Типология — это та область лингвистики текста, в которой на сегодняшний день не существует однозначной общепринятой точки зрения на основания выделения отдельных типов/классов текста, т. е. отнесения текстов к тому или иному таксономическому разряду», — подчеркивает доктор филологических наук Валерия Чернявская.⁵

Мало того, существует даже точка зрения, что «жанры как таковые сошли со сцены современной литературы, а вместе с тем стала ненужной, излишней и жанровая систематика».⁶

Литературные справочники стараются избежать вовлечения в эти драматические коллизии. Их определения насколько безукоризненны, настолько же и бессодержательны: «Жанр (от фр. *genre* — род, вид) — это устойчивая разновидность одного из литературных родов — эпоса, лирики, драмы, — исторически повторяющийся тип единства художественного содержания и формы».⁷

Этот дайджест, напоминающий местами мартиролог, можно было бы продолжать довольно долго. Специальная литература по жанровой идентичности и систематике текстов, повторяю, практически исчерпаема. Но даже на этом фоне попытки определить жанры (виды, внутривидовые формы) так называемой научно-популярной литературы напоминают охоту за приведениями.

* * *

«Жанры научно-популярной литературы пока еще недостаточно изучены и неполно описаны», — подчеркивает известная украинская исследовательница Г.Н. Шведова-Водка.⁸ И тут же пытается залатать эту «брешь» (см. табл. 1.1).

За основу этой классификации взят функционально-стилистический метод: выявляются формы существования текста, определяемые социокультурными потребностями человека. «Конкретная разновидность текстовых произведений, объединенных общей целеустановкой, сходными композиционными формами и тематической одноплановостью, называется при этом жанром. Выделяются соответственно жанры (жанры речи), монография, статья, доклад, реферат, резюме и др.», — так определяет подобный принцип систематизации и Валерия Чернявская.⁹

В принципе это такое старое, проверенное, безобидное и безотказное плацебо — определить научный жанр просто через материализованную форму «упаковки» текста. «К научной литературе относятся собрания сочинений, монографии, тематические сборники, «Труды», «Ученые записки», «Краткие сообщения» и другие продолжающиеся издания, журналы, периодические издания, научно-справочная, справочно-энциклопедическая литература, научно-техническая информация (библиографическое описание, аннотация, реферат, экспресс-информация, информационный обзор, отчет и пр.), производственно-техническая литература и т. д.»¹⁰.

Таблица 1.1. Характеристика жанров научно-популярной литературы

Жанр	Предмет изложения материала	Цель как авторский мотив создания документа	Конкретная социальная функция документа
Заметка (научно-популярное сообщение)	Короткое сообщение о научно-техническом достижении	Оперативное информирование читателей-специалистов о достижениях науки	Популяризация достижений науки, техники, производства, их истории
Научно-популярная статья	Сжатое описание научно-популярным языком новейших достижений в отраслях науки, техники и производства	Популяризация современных научно-технических достижений для ознакомления с ними неспециалистов	Популяризация современных научно-технических достижений для ознакомления с ними неспециалистов
Научно-художественный рассказ	Сжатое описание научно-популярным и художественным языком известных фактов из истории и современного состояния науки	Популяризация научных знаний, ознакомление с ними малоподготовленных читателей, детей	Популяризация научных знаний, ознакомление с ними широкого круга читателей
Научно-популярная монография	Всесторонне изложение научно-популярным языком результатов исследования научной проблемы	Популяризация современных научно-технических достижений для ознакомления с ними неспециалистов	Популяризация достижений науки, техники, производства, их истории

Продолжение таблицы 1.1

Жанр	Предмет изложения материала	Цель как авторский мотив создания документа	Конкретная социальная функция документа
Научно-популярный справочник	Сжатое изложение в порядке, удобном для поиска и ориентирования, сведений о развитии науки и ее достижениях	Популяризация среди специалистов сведений по истории науки, техники, производства, искусства, о современных научно-технических достижениях	Популяризация достижений науки, техники, производства, искусства, их истории
Научно-популярный очерк	Описание научно-популярным языком отдельных периодов истории науки, техники производства, культуры или информации о современных достижениях в отраслях науки, техники, производства, культуры и т. п.; описание отдельных исследований или деятельности научных учреждений, предприятий, заведений культуры и т. д.	Популяризация среди специалистов сведений из истории науки, техники, производства, культуры и т. д.	Популяризация достижений науки, техники, производства, искусства, их истории

Научно-популярная энциклопедия	Популярное изложение в систематизированном виде основных сведений по одной или всем отраслям знания и практической деятельности, рассчитанное на читателей-неспециалистов	Ориентация специалистов в достижениях науки и культуры	Ориентация специалистов в достижениях науки и культуры
Научно-популярный энциклопедический словарь	Научно-популярная энциклопедия, содержащая статьи небольшого объема, изложенные в сжатой форме и расположенные по алфавиту их названий	Ориентация специалистов в достижениях науки и культуры	Ориентация специалистов в достижениях науки и культуры
Научно-популярное (рекомендательное) библиографическое пособие	Рекомендация читателю-специалисту лучших, доступных по изложению материала произведений по определенной теме или отрасли знания	Ориентация специалистов в достижениях науки и культуры	Ориентация специалистов в достижениях науки и культуры
Практические (полезные) советы для специалистов	См. «Жанры производственной литературы»	–	–
Памятка	См. «Жанры производственной литературы»	–	–

Особенно меня вдохновляют и интригуют эти замечательные «и пр.», «и т. д.». Впрочем, не меня одного.

Профессор Чернявская предлагает, например, при разговоре о типологии научных текстов отказаться от самого понятия «жанр», а использовать понятие «тип текста». Соответственно типы научных текстов, согласно Чернявской, представлены в следующем наборе:

академические (научно-теоретические), «реализующие собственно исследовательские цели и вербализирующие новое научное знание»;

научно-информационные;

научно-критические;

научно-популярные, «создаваемые с целью массового распространения, популяризации определенных научных сведений»;

научно-учебные, «связанные с дидактическими целеустановками, т. е. создаваемые специально для учебных целей...»¹¹.

Вроде бы нашли, откуда ноги растут у научно-популярной литературы! Но вот Майя Петровна Сенкевич категорически настаивает: «Не относится к собственно научному стилю научно-популярная и научно-фантастическая литература. В этих видах литературы используются элементы и научного, и разговорного, и публицистического стилей, а также стили художественной литературы».¹²

Предельно широкое жанровое определение научно-популярной книге дает советский библиограф А.Я. Черняк. У него научно-популярная книга — это: «1) книги познавательного характера; 2) пособия в помощь техническому любительству».¹³ Правда, непонятно, в какую категорию в таком случае отнести пособия по изготовлению скворечников? Но тем не менее Арон Яковлевич Черняк, известный советский специалист в области истории технической книги, во многом прав: огромный пласт научно-популярной литературы — это фактически разновидность технической литературы.

В общем, это достаточно увлекательная забава — конструирование жанров. Этим может заняться любой желающий. Надо только представить разумную аргументацию принципов такого конструирования. Недаром попытка составить полную и абсолютную систему классификации чего бы то ни было — мечта многих известных и еще большего числа безвестных ученых-систематиков. Аристотель, Линней, Ньютон, Дарвин, Маркс, Менделеев, Любищев... Систематика — это остов науки.

Кстати, возможно, у блестящего шведского натуралиста Карла Линнея мы нащупываем хотя бы подходы к определению — что такое род (в сочинениях Линнея *rod* и *vid* — понятия фактически синонимичные). «Не признак составляет род, а наоборот, — пишет швед. — Признак вытекает из рода, а не род из признака. Признак необходим не для того чтобы создать род, а для того чтобы распознать его... Признак — слуга, а не господин!»¹⁴

Другими словами, Линней призывает подыскивать признаки, соответствующие уже реально существующему естественному порядку. В нашем случае — реально существующему корпусу текстов, которые любой из нас почти безошибочно отнесет к научно-популярным. Но вот почему изначально мы относим те или иные тексты к этому жанру, почему возникает ощущение этого «естественного порядка» — объяснить можно с трудом. Мы так чувствуем! Ведь жанр (опять используя биологическую терминологию) по существу — это волевым усилием сформированный нами ценз текстов из некоего трансцендентного, «несчетного» принципиально множества текстов. Иначе говоря, жанр — это тяготение к образцам.

Если применить эту методологию к тому, чтобы попытаться хотя бы приблизительно «пальпировать» тело научно-популярного жанра, то в этот ценз попадут не только произведения, «создаваемые с целью массового распространения, популяризации определенных научных сведений», но и научная фантастика (*science fiction*), например. Мало того, даже создавае-

мые изначально как научные, некоторые тексты неизбежно «мутируют» в научно-популярные. Вот хотя бы такая запись о классическом, легендарном, даже лабораторном эксперименте:

«Гальвани готовил для своей жены, в то время больной, бульон из лягушек; он их почистил и положил случайно на изолятор недалеко от электрода электрической машины. Один из племянников, работавших у него, нечаянно прикоснулся концом скальпеля к внутренним бедренным нервам одного из животных; тут же мышцы органа сократились в сильной конвульсии. Жена Гальвани, присутствовавшая при этом явлении, была уверена, что оно совпало с электрическим разрядом...»¹⁵ Какое же это описание научного эксперимента?! Это тема для научно-фантастического романа.

Как бы там ни было, но мне понадобится, хотя бы для начала, некое рабочее определение параметров научно-популярного жанра. Можно было бы, кстати, воспользоваться Межгосударственным стандартом ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения». Пункт 3.2.4.1.3 этого документа так и называется: «Научно-популярное издание». Читаем, что же это такое: «Издание, содержащее сведения о теоретических и (или) экспериментальных исследованиях в области науки, культуры и техники, изложенные в форме, доступной читателю-неспециалисту». А пункт 3.2.5.2.4 уточняет, что такое научно-популярный журнал: «Журнал, содержащий статьи и материалы об основах наук, о теоретических и (или) экспериментальных исследованиях в области науки, культуры и практической деятельности, служащий распространению знаний и самообразованию. *Примечание.* Выпускаются научно-популярные журналы для детей».¹⁶

То, что надо! По ходу дела придется дополнить и развернуть эти определения. Нормальный итерационный процесс. Но для старта этих определений вполне достаточно. Я позволю себе только в дальнейшем использовать чуть-чуть менее строгое видовое название научно-популярной литературы — *научпоп*.

«...К пользе и увеселению служащие»

Прежде чем вкратце остановиться на предыстории жанра научно-популярной литературы в России, необходимо, по-видимому, пояснить, а в чем, собственно, прикладной интерес разбираться в закономерностях развития какого-то там научпопа? Это важно для дальнейшего понимания логики работы.

Подбирая материалы к этой книге, я натолкнулся на такой несколько неожиданный для меня факт. В первой четверти XVIII века в России выпускалось беспрецедентно много технической литературы. В общем объеме книжной продукции ее доля достигала 23% (если учитывать только книги гражданской печати).¹⁷ Таких показателей никогда больше в дореволюционной России не было достигнуто. И здесь нельзя не согласиться с Ароном Черняком: «Одна из закономерностей развития технической книги — соответствие тематики и содержания книг уровню развития науки и техники, общественным потребностям».¹⁸

Но если по отношению к технической книге такая зависимость вполне очевидна (промышленное развитие тянет за собой и развитие спроса и предложения технической литературы), то в отношении научпопа в общественном сознании явно существует мифологизированная картина. Почему-то в обществе существует уверенность, что увеличение тиражей научпопа, расширение его репертуара якобы положительно влияет и на развитие научно-технической сферы, на увеличение престижа науки в этом самом обществе. Оно, общество, как будто само себя гипнотизирует подобными заклинаниями. Но это именно аберрация общественного сознания. Не более того. Весь дальнейший анализ покажет это вполне четко.

* * *

Итак, до середины XIX века научно-популярной литературы на русском языке и не было вовсе. Впрочем, в XVIII веке можно отметить несколько попыток издавать журналы, которые, по сегодняшним меркам, можно было бы отнести к научно-

популярным. Так, Петербургская академия наук с 1728 по 1742 год выпускала «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях». Несмотря на, казалось бы, гуманитарный акцент журнала, в нем печатались, например, и такие статьи: «О металлургии или рудокопной науке», «О нефти», «О зрительных трубах», «О барометре», «О манометре»... В общем, «для своего времени “Примечания” были превосходным научно-популярным журналом», — уверен А.Я. Черняк.¹⁹ Однако издание это было рассчитано на узкий круг читателей, прежде всего на самих академиков, и не предназначалось для широкой публики.

И все-таки первым полноценным русским научно-популярным журналом считается «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», который издавался Академией наук в Санкт-Петербурге с 1755 по 1764 год. Он не просто стал научно-популярным де-факто; он и задумывался именно как научно-популярный. Девиз журнала на заставке титульного листа был краток и однозначен: «Для всех». Главным редактором был академик Георг-Фридрих Миллер. Название журнала менялось дважды: с 1758 года он назывался «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», в 1763–1764 годах — «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах».

В редакционной статье первого номера «Ежемесячных сочинений...» («Предупреждение») подчеркивалось: «...мы себе точных пределов не предписываем, но надлежит, смотря по различию читателей, всегда переменять материи, дабы всякой, по своей склонности и охоте, мог чем-нибудь пользоваться. И так предлагаемы будут здесь всякие сочинения, какие только обществу полезны быть могут, а именно: не одни только рассуждения о собственно так называемых Науках, но и такие, которые в экономии, в купечестве, в рудокопных делах, в мануфактуре, в механических рукоделях, в архитектуре... и в прочих, какое ни есть новое изобретение показывают, или к поправлению чегонибудь повод подать могут»²⁰ (орфография и пунктуация ориги-

нала. — *А.В.*). Произведения, «кои ради глубокого их смысла не всем ясны и вразумительны бывают», в журнал не включаются.

Это уже действительно научпоп в чистом виде. Подтверждает сказанное и тематика журнала. В нем печатались оригинальные и переводные статьи по вопросам техники, экономики, географии, этнографии, физики, химии, астрономии. Причем, как отмечают М. Винокур и Н. Старобинская, «удельный вес литературно-художественных произведений очень невелик».

Эти же авторы отмечают и еще одну важную для нашего дальнейшего рассмотрения деталь: «Наша отечественная литература была в те времена настолько в младенческом состоянии, что, для того чтобы приохотить русскую публику к чтению и заполнить журнал интересным и значительными материалом, приходилось широко использовать иностранную научную и научно-популярную литературу».²¹

Опять же не случайно, что в первом номере «Ежемесячных сочинений...» за 1755 год был помещен список иностранных научно-популярных журналов, послуживших образцом для него — «иностранные журналы равного с нашим намерения». В него попали французские, английские, немецкие, итальянские и датские издания. Больше всего немецких.

«Ежемесячные сочинения...» издавались первые два года своего существования тиражом в 2000 экземпляров. С 1758 года тираж был сокращен до 1250 экземпляров. С годами журнал завоевал популярность, спрос на него возрос настолько, что пришлось выпустить второе издание комплекта журнала за 1758—1762 годы. Всего было выпущено 120 номеров журнала. Известный библиограф XIX века Евгений Болховитинов писал в «Словаре российских писателей» о том, что «вся Россия с жадностью и удовольствием читала сей первый ежемесячник». Закрыт журнал был по непонятным до сих пор причинам.

В 1779—1781 годах выходил на русском языке еще один журнал, который с некоторыми оговорками можно было бы отнести к жанру научно-популярной периодики — «Академические

известия». На титуле первого номера, изданного в 1779 году, значилось: «Академические известия, содержащие в себе историю наук и новейших открытий оных. Извлечения из деяний славных академий в Европе, новые изобретения, опыты в естественной истории, химии, физике, механике и в относящихся к оным художествах. Отличнейшие произведения в письменах во всей Европе. Академические задачи. Любопытные и странные тяжбы и прочие примечательные происшествия».

Редакция оповещала своих читателей, что будет печатать «показания самых новейших трудов разных обществ и академий. Под заглавием сим приложено будет в каждой месячной части журнала сего по одной статье о самых новейших изысканиях и открытиях разных академий и других славнейших ученых обществ». Но репертуар этого издания был все же существенно беднее, чем в «Ежемесячных сочинениях...». Статьи по рудокопному делу, металлургии, металлообработке, химической технологии, общие рассуждения о пользе познания... Одним словом — тяжелая промышленность.

Под самый занавес XVIII столетия (1786—1796 годы) была предпринята еще одна попытка издавать академический научно-популярный журнал. Он получил название «Новые ежемесячные сочинения». К делу подошли серьезно, редакторами журнала были академики С.Я. Румовский, Н.Я. Озерцовский, А.П. Протасов. Издательская программа журнала предусматривала «описания разных художеств, ремесел, рукоделий и промыслов... вообще все рассуждения, какие только к приращению человеческих знаний способствовать могут». Потенциальная аудитория также мыслилась очень широко: журнал стремился печатать статьи, «которые бы для всякого рода читателей были понятны».

Но, как бы там ни было, погоды на рынке научпопа и этот журнал не сделал. Да, собственно, и рынка-то научно-популярной литературы и периодики никакого не было.

Глава 2

СТРАНА ПОБЕДИВШЕГО НАУЧПОПА

Роясь однажды в одном из московских букинистических развалов среди, как ее называют библиофилы, «лапши» (используется и другой, не менее образный термин — *брошюрятин*), мне в руки буквально вывалилась средней потрепанности книжка в мягкой обложке: «Печать в РСФСР в 1922 г.» На странице 34 этого, прямо скажем, «жиденького» (70 страничек) статистического сборника уменьшенного формата были приведены данные Российской центральной книжной палаты о распределении книг по типам в 1922 году (табл. 2.1).

Поразило вот что. В процентном соотношении научно-популярные книги идут на четвертом месте, совсем немного отставая от второго и третьего и заметно опережая даже политическую литературу. Мало того, научные издания — на втором месте. А если суммировать научную, научно-популярную, учебную и справочную литературу, изданную в 1922 году в РСФСР, то этот показатель составит 36%!

«Сквозь термины — к звездам!»

Итак, больше трети издаваемой книжной продукции — науч-поп (или, если применить более общую библиографическую классификацию, — научно-техническая книга). И это как раз в то время, про которое академик, директор Государственного института по изучению мозга В.М. Бехтерев свидетельствует: «Многие ученые, как известно, бежали за границу. И мне, конечно, представлялись разные возможности переезда за грани-

Таблица 2.1. Распределение книг по типам (1922 г.)

	Количество томов	%*
Ведомственные	3179	40,6
Научные	1055	13,4
Художественно-литературные	997	12,7
Научно-популярные	869	11,4**
Политические	666	8,5
Учебные	561	7,1
Справочные	321	4,1
Разные	106	1,4
Детские	86	1,1
Итого	7843***	

* Сумма составляет 100,3%, что, по-видимому, связано с ошибками округления показателей в оригинале.

** В оригинале приведено значение 13,4%, что очевидно является опечаткой.

*** Так в оригинале, что, по-видимому, тоже является опечаткой; если просуммировать количество выпущенных томов, то показатель составит 7840. (Все примечания мои. — А.В.)

цу; но я ничуть не завидовал тем, которые предпочли за границу своему дому, хотя должен сказать, что мне вместе с семьей приходилось в голодные годы питаться нередко лишь овсом и ржавой селедкой или воблой. Однако другим приходилось в это время еще хуже, ибо, как известно, вымирали от голода даже целые больницы и гибло от голода неисчислимое количество рабочих и крестьян. Нам же помогал Дом ученых, организованный по инициативе В.И. Ленина и М. Горького».¹

К этому эмоциональному описанию можно добавить и вполне аналитическое. Историк Гюстав Мекке в 1932 году отмечал: «В 1921 году, когда разразился голод, объем сельскохозяйственного производства <в России> составлял менее 60% довоенного <1914 год>, промышленное производство — всего 20%. Бо-

лее того, металлургическая промышленность составляла 2% довоенного уровня».² Чтобы было понятно, что это означало «на практике»: все косы, использовавшиеся русскими крестьянами, поставлялись в Россию из Австрии.

Возьмем во внимание и еще один существенный факт. Как раз в начале — середине 1920-х годов даже среди рабочих столичных заводов 60% вообще не читали книг, из остальных 40% большинство «брали в руки» политическую литературу. Более двух третей рабочих Советской России не имели дома ни одной книги.³

Кому и зачем в этих условиях могла понадобиться научно-популярная литература? Ситуация выглядит сюрреалистически. Особенно если принять во внимание еще и «плохую генетику» этого жанра в России.

«В этом отношении цифры, приводимые ниже, получают особый интерес, — подчеркивал выдающийся русский книговед Николай Александрович Рубакин в 1895 году в своем статистическом и социологическом исследовании «Этюды о русской читающей публике». — Возьмем сначала три главные категории книг: журналы, беллетристику и научный отдел. Разношерстный люд, пользующийся книгами из парижских муниципальных библиотек, распределяет свое внимание между этими последними двумя отделами чрезвычайно равномерно. Так, в 1888—1891 годах беллетристических произведений было взято из этих библиотек почти такой же процент, как и научных. Это отношение держится из года в год, поражая русского исследователя <...>. Что касается до научно-популярных книг по естествознанию, то спрос на них <в России> вообще невелик, как потому, что мало существует таких книг, так и потому, что в курсе средних и низших учебных заведений эти науки заняли одно из последних мест, а то и исключены из курса».⁴

Подчеркну еще раз, опубликовано это в 1895 году, а как будто про нас с вами сегодняшних... Впрочем, к аналогиям с современностью мы еще вернемся. А пока небезынтересно будет

проследить за родовыми муками становления в России самого названия жанра.

* * *

У того же Рубакина в «Этюдах о русской читающей публике» находим: «Толпе, вкусившей немного от древа науки и желающей продолжить свое самообразование, желающей читать научно-популярные книги, не из чего выбирать и нечего читать. Этим и объясняется явление, наблюдаемое во всех библиотеках, что на научно-популярную литературу 60-х гг. <1860-х годов> до сего времени запрос имеется. «Ботанические беседы» Ауэрсвальда и Россмесслера продаются по удвоенной цене, некоторые сочинения Уоллеса, Тиндаля, Фогта тоже... Словом, научный книжный багаж, отправляемый ежегодно в культурную публику, не удовлетворяет потребностей целого класса людей <...> Только немногие издатели, как, например, Ф.Ф. Павленков, направили свою деятельность на издание научно-популярных книг, доступных культурной массе, и в этом его положительная и огромная заслуга».⁵

Как видим, первые книги научно-популярного жанра в России — переводные издания. Во второй четверти XIX века, как отмечает Арон Черняк, сложился даже особый тип популяризатора-компилятора, «использовавшего готовый материал из иностранных журналов или сводных обзоров».⁶ Черняк называет фамилию М.С. Хотинского. Этому автору принадлежала, например, книга «История паровых машин, пароходов и паровозов». Характерно, что в ней не упомянуто вообще ни одно из изобретений российских ученых, инженеров и техников.

По данным все того же незаменимого рубакинского исследования, до 85% научно-популярных книг на русском языке в конце XIX века были переводными.⁷ Возможно, именно это обстоятельство — новизна непривычного для русского глаза и уха вида литературы — и определило тот факт, что само название жанра долго не могло оформиться, «устаканиться».

1883 год отмечен выходом двух выпусков «Трудов студенческого научно-популярного общества при Санкт-Петербургском университете».

1885 год: наступает эра научно-популярных книжных серий. Первая из них — «Научно-популярная библиотека», издававшаяся в Москве. Открывала серию книга Н.Н. Маракуева «Ньютон, его жизнь и труды»⁸ — очень грамотно составленное и структурированное издание компилятивного характера. В «Объяснении по поводу издания “Научно-популярной библиотеки”», предворяющем эту книгу, издатели так формулировали задачи новой серии: «Ея цель расширять мыслительные горизонты читателя при помощи многосторонняго знакомства с природой существующаго и дисциплинировать ум. Следовательно, «Научно-популярная библиотека», понимаемая таким образом, не может рассчитывать на быстрый и легкий прием среди читателей, для которых она назначена. *Здесь, следовательно, по преимуществу требуется содействие интеллигентных людей, дабы рекомендовать книжку читателю, растолковать значение ея, поселить желание ознакомиться с ней и возбудить решимость усвоить ея материал.* Итак, на задачу «Научно-популярной библиотеки» мы смотрим весьма серьезно» (курсив оригинала. — *А.В.*).

Санкт-Петербург ответил «Научно-популярной библиотекой для народа» в 40 томах, выходящей в 1895–1905 годах. Одна из лучших отечественных дореволюционных естественнонаучных популярных серий. Автор всех ее выпусков — В.В. Лункевич. Книги отличались высоким научным уровнем, хорошим литературным стилем и пользовались огромной популярностью. Серия неоднократно переиздавалась и до революции, и в советское время.

Надо сказать, что развитию такой сериальности в издании научно-популярной литературы в огромной мере поспособствовала деятельность известного российского издателя Петра Петровича Сойкина (1862–1938). В 1889 году он, вдвоем с тог-

да еще студентом, а впоследствии — крупным советским медиком Викториним Сергеевичем Груздевым, начал выпускать «популярно-научный» журнал «Природа и люди». Издание мгновенно стало одним из самых популярных в России: первые номера пришлось допечатывать вторыми и даже третьими тиражами. Сам журнал состоял из пяти основных отделов: историко-биографический, романов, повестей и рассказов, географо-этнографический, научный и отдел текущих известий.

Но не меньшую известность еженедельнику «Природа и люди» принесли приложения — естественнонаучные серии. Вот лишь некоторые, наиболее известные из них: «Полезная библиотека» (35 книг) — 1894–1904 годы; «Народный университет» (12 книг) — 1901–1902 годы; «Библиотека для самообразования» (8 книг) — 1903 год; «Народная библиотека» (21 книга) — 1903–1904 годы; «Общедоступная философия» (12 книг) — 1900–1904 годы; «Научная библиотека» (11 книг) — 1898–1902 годы; «Библиотека знания» (34 книги) — 1913–1917 годы; «Народы мира» (12 книг) — 1916 год; журнал «Знание для всех» (12 номеров в год) — 1913–1917 годы.⁹

Таким образом, по существу, уже в начале XX века был найден очень эффективный маркетинговый ход — выпуск научно-популярной, естественнонаучной и научно-фантастической литературы сериями. Возможно, именно на этом примере человечество в массовом порядке впервые столкнулось с феноменом *серийного мышления*. Ведь издатели научпопа фактически уже на самых первых стадиях его развития и формирования как самостоятельного жанра эксплуатировали еще и до сих пор плохо изученный психофизиологический и социальный феномен — коллекционирование (серийное потребление). Кстати, в некоторых современных экономических теориях коллекционирование рассматривается как некая парадигма потребления. «Страсть к коллекционированию, похоже, лежит глубоко в истоках поведения потребителей, за гранью рацио-

нального и полезного, и так часто имеет склонность к неограниченности и излишеству.. Можно утверждать, что коллекционирование — это яркий пример особого поведения потребителей», — отмечает профессор экономики Университета города Кассино Марина Бьянчи.¹⁰

* * *

Как бы там ни было, но на первую полноценную научно-популярную серию, в которой вышла книга Н.Н. Маракуева «Ньютон, его жизнь и труды», обратил внимание и Н.А. Рубакин. Он поминает Маракуева, правда, не очень добрым словом: «Выпустила кое-какие недурные популярно-научные книжки хотя и одушевленная добрыми намерениями, но бестолковая фирма Маракуева и Прянишникова (в Москве)...»¹¹ Не знаю уж, за что Николай Александрович маракуевскую фирму припечатывает эпитетом «бестолковая» (Николай Николаевич Маракуев (1847–1910) — автор лучшего дореволюционного курса алгебры — «Систематический курс элементарной алгебры», изданного впервые в 1896 году в двух томах), но и сегодня «Ньютон, его жизнь и труды» прочитывается, что называется, на одном дыхании — едва ли не эталон научной строгости и доступности изложения. Не случайно эта книжка выдержала четыре издания.

Интересно, что сам Николай Александрович Рубакин — даром что книговед — был еще и очень известным и плодовитым автором научно-популярных книжек: они были изданы на 28 языках! Увы, насколько это был талантливый библиограф и исследователь книжной культуры, настолько же весьма средней руки популяризатор научных знаний. «Основной и неизлечимый порок большей части его писаний кроется в фальшивом подходе к самой задаче популяризатора, — отмечал в рецензии в 1920 году на переиздание нескольких научно-популярных книжек Рубакина некто, скрывшийся под псевдонимом Перископ. — Прежде всего не позволителен и неуместен

усвоенный автором в большинстве брошюр вульгарный тон <...> Рассказ Рубакина, например, об открытии Нептуна, право, не слишком разнится от <...> пародии:

“...Вот Леверрье и давай высчитывать, не смотря на небо, по одним цифрам, где должно находиться на небе в это самое время это неизвестное никому светило. Высчитывал-высчитывал — и нашел, и высчитал, и объявил об этом по всему свету”... («Рассказы о подвигах человеческого ума»). <...> Балагурство и аляповатая подделка под народный язык всегда звучали фальшиво в популярно-научной книжке. <...>

Начитавшись его брошюр, читатель будет знать больше, чем знают сами ученые, потому что Рубакин не считает нужным делать какое-либо различие между фактами и гипотезами. У него нет никаких сомнений насчет физического состояния поверхности Юпитера («Подземный огонь») — вопроса, по поводу которого астрономы высказываются лишь гадательно. Давно уже был ему известен род теплового движения частиц твердого тела («Дедушка-время») — хотя физика только сейчас осторожно подходит к этому предмету. <...>

Из дюжины недавно переизданных книжек Рубакина¹² более или менее свободны от указанных недостатков только брошюры чисто географического содержания с преобладанием описательного и бытового элемента («Самые дикие люди на Земле», «На плавающих льдинах», «Вода на земле, под землей и над землей»). Остальные же, при всей остроте нашего книжного голода¹³, могли бы быть использованы разве лишь в качестве сырого материала для сведущего лектора, но отнюдь не как книжки для самостоятельного чтения масс». ¹⁴

Мало того, достается Рубакину не только от анонимного Перископа, но и от вполне узнаваемого, хотя тоже скрывающегося за инициалами «Я.П.» легендарного, уже советского, популяризатора науки Якова Перельмана: «Некоторые авторы, сами плохо владея предметом, стремятся дать читателю лишь поверхностные обрывки знаний, выдавая их за «послед-

ние слова» науки. Таковы на три четверти произведения Рубакина». ¹⁵

Однако, возможно, Перельман отчасти несправедлив к книжкам Рубакина: на его выводах сказывается как раз тот факт, что и до сих пор отсутствует более или менее полно разработанное описание жанров научно-популярной литературы. Сам Яков Исидорович — создатель жанра «занимательная наука»; с этими критериями он и подходит к текстам Рубакина. Хотя очевидно, что Николай Александрович писал свои «брошюры» в жанре, если можно так сказать, научно-популярного лубка, то есть для читателей начального уровня подготовки, даже малограмотных. «Надо заметить, что его читаемость превышает значительно читаемость даже беллетристов, — отмечалось в статье «Какие авторы научной литературы пользуются успехом у читателя-рабочего», напечатанной в журнале «Красный Библиотекарь» в 1925 году. — Рубакина читают и пожилые, и молодые, и мужчины, и женщины. Особенное впечатление он производит на малоразвитых начинающих читателей, они прочитывают некоторые его книги по нескольку раз». ¹⁶

По иронии судьбы Рубакин как раз на протяжении всей своей книговедческой исследовательской деятельности выступал принципиальным противником каких-то особых «книг для народа», с особым содержанием. Его знаменитый афоризм на этот счет звучал так: «Народу нужны не народные книги, а дешевые, потому что он бедняк, а не дурак». ¹⁷ «Народная литература как особое понятие стала синонимом литературы лубочной, — отмечал в 1916 году известный деятель русского просвещения В.И. Сыромятников. — <Народная литература> представляла из себя или обыкновенный, или интеллигентский лубок, то есть книгу, специально изготовленную для народа». ¹⁸ Но в истории литературы Н.А. Рубакин так и остался создателем жанра «народных научно-популярных книжек». ¹⁹

Вот кредо самого Н.А. Рубакина: «Нет самой сложной научной истины, которую нельзя было бы объяснить, сделать по-

нятной для самого малограмотного, самого неподготовленного читателя».²⁰ Свой творческий метод он вполне отчетливо сформулировал в книге «Среди тайн и чудес»: «В этой книжке было рассказано о том, что считалось и считается чудом у людей разных стран и времен. Чудом называется вмешательство каких-либо сверхъестественных и таинственных сил в жизнь природы или в человеческую жизнь <...>. В книжке было рассказано, в чем именно видят обыкновенно люди такое вмешательство. Иногда они его видят вокруг себя, в природе. А иногда чудеса, по их мнению, совершаются человеком или в человеке.

Как же узнать с точностью и достоверностью, чудо или не чудо то, что таким считается? <...> Настоящее объяснение заключается вот в чем: надо показать с точностью и достоверностью, как и при каких обстоятельствах совершается то, что называется чудом. Надо разобрать все его подробности. Надо отделить главное обстоятельство от неглавных, существенное от несущественных. Только благодаря этому будет видно, почему произошло чудо.

Но и этого мало, чтобы объяснить его. Нужно, чтобы были еще понятны и все обстоятельства, которые его вызывают. А у них тоже есть свои обстоятельства, которые произвели и их. А у этих обстоятельств, в свою очередь, есть свои причины. Нужно, чтобы были понятны и они, и так далее — чем дальше сумеешь разобрать и понять такую цепь обстоятельств, причин и следствий, тем лучше: значит, тем прочнее будет стоять объяснение. <...>

В этой книжке было показано, что чудеса существуют только для тех, кто в них верит. Но к чему же приводит такая вера? К тому, что неправда считается за правду, и то, что кажется, считается за то, что есть; фантазия, прикрасы, выдумки — за действительность. <...>

Во всяком случае, нужно помнить одно: все то, что кажется и считается чудом, необходимо исследовать, как и всякое другое явление. А при таком исследовании нужно прежде всего

добиваться истины — полной, точной, достоверной и беспристрастной. А главное — истины неопровержимой».²¹

Все очень правильно, очень пафосно и... очень банально. Так что перельмановские инвективы в адрес сочинений Н.А. Рубакина небезосновательны. Впрочем, сын Рубакина, Александр Николаевич, как раз отмеченные «шероховатости» стиля относит к достижениям своего отца: «Рубакин выработал свой необыкновенно простой и ясный язык, с многочисленными повторениями и вопросами. Некоторым он казался однообразным, бедным. Однако на деле огромная сила популяризации в произведениях Рубакина заключалась в том, что самые сложные вопросы науки в его изложении оказывались доступными понимаю даже совсем малограмотного человека».²² Любопытно, что очень часто корреспонденты Рубакина (а их у него было несколько десятков тысяч!), наоборот, стремились всячески «украсить» свою речь. Один из читателей Рубакина, обращаясь к нему, писал: «Вы — мой имманентный интернационал»...

Однако священных коров в научпопе того времени, кажется, не было вовсе. Не избежал критики в свой адрес и сам Перельман. Правда, произошло это несколько позже, в 1937 году. В короткой заметке с многослойным для советской культуры XX века названием «Популяризация вплоть до сумбура» В. Рихман разбирает «Занимательную механику» Перельмана. Отдав положенные ритуальные почести — «По Советскому Союзу в десятках и сотнях тысяч экземпляров расходятся популярно-научные книжки Я.И. Перельмана. Они, безусловно, приносят большую пользу нашей молодежи ввиду популяризаторского таланта автора, — Рихман остается принципиален: ...даже беглое знакомство с “Занимательной механикой” Перельмана вызывает сомнение в том, что Главная редакция научно-популярной и юношеской литературы ОНТИ читает книжки этого автора. Она, очевидно, полагается на личный авторитет Я.И. Перельмана и не желает разбираться в его методологических позициях».

Заключительный абзац заметки выглядит вообще как приговор революционного трибунала: «Вряд ли можно считать целесообразным отступление от принципов классической механики, изложенное всего лишь в нескольких строках по одному частному вопросу. Можно думать, что популяризация подобного рода внесет лишь путаницу и внедрит предрасположение к восприятию махизма в его современных формах, а это уже никуда не годится. Редакция юношеской научной литературы допустила крупный промах».²³

Никуда не деться, жизнь в очередной раз на стороне евангелиста Матфея: «Ибо каким судом судите, таким будете судимы». Но вот сам факт такого эмоционального обсуждения научно-популярной литературы говорит о многом. Например, о том, насколько серьезно (иногда — со звериной серьезностью) подходили в то время к такому не вполне серьезному, казалось бы, жанру, как научпоп. И подобного рода дискуссии, глубоко теоретические и одновременно предельно эмоциональные, были отнюдь не исключением. Показателен в этом отношении эпизод, который произошел в 1920 году.

Именно в этот год в Петрограде по инициативе М. Горького была создана Комиссия по улучшению быта ученых. В этом же году комиссия начинает издавать журнал «Наука и ее работники». Редакционную коллегию составили люди известные — А.М. Горький, А.П. Пинкевич, С.Ф. Ольденбург, А.Е. Ферсман. Титул издания украшал эпиграф из Лассалья: «В том-то и состоит величие этого века, что ему суждено выполнить то, о чем в предшествующие века и помыслить не могли, а именно привести науку к народу».

Первый номер журнала открывала программная статья самого Горького — «Что такое наука?». Вот несколько отрывков из нее.

«Основное богатство каждой страны заключается в количестве разума, в количестве интеллектуальных сил, воспитанных и накопленных народом.

В недрах русской земли лежат неисчерпаемые богатства, наша страна является одной из самых богатых сырьем и разнообразной рудой.

Но до сего дня мы жили бедно и несчастно, не умея делать ни хорошего мыла, ни хороших машин — почему? <...>

Работники науки должны быть ценимы именно как самая продуктивная и драгоценная энергия народа, а потому для них необходимо создать условия, при которых рост этой энергии был бы всячески облегчен.

В этом журнале напечатан список ученых, умерших за последние несколько месяцев, вы увидите, как велика потеря научной энергии в нашей стране.

Если этот процесс вымирания ученых будет продолжаться с такою быстротой, наша страна может совершенно лишиться мозга.

Из перечня — очень неполного — открытий и изобретений, сделанных работниками науки за последние два года, вы убедитесь, что, несмотря на нестерпимо тяжкие условия жизни в голоде и холоде, работа ученых столь же продуктивна, как всегда. Подумав над этим фактом, мы поймем, что истинная наука действительно беспартийна и что основное ее стремление, главная цель — благо всего народа, счастье всего человечества.

Жизнь ученого — в наши трудные дни — ужасна по условиям физическим и мучительная морально, ибо тяжело человеку, который, чувствуя себя в силах поднять гору, лишен возможности поднять и горсть песка. Когда на пути к величайшему научному открытию, которое, обогатив страну, осчастливит всю массу ее народа, когда на этом пути стоит постыдное препятствие в виде отсутствия света для работы, холода и голода, — это преступно. Ибо в том факте ясно чувствуется полное отсутствие понимания глубокой важности и бесспорной пользы научного творчества.²⁴

Как видим, достаточно жесткие обвинения еще мог позволить себе в адрес советской власти великий писатель...

Но почти мгновенно на эту статью отреагировало другое, только что возникшее издание — ежемесячный критико-библиографический журнал «Книга и революция», издавало который Петербургское отделение Государственного издательства (об этом издательстве речь ниже). Очень едкая и жесткая рецензия называлась «Какая-то невязка». Она заслуживает того, чтобы привести достаточно обширный отрывок из нее.

«Перед нами первый номер журнала “Наука и ее работники”, издаваемого Комиссией по улучшению быта ученых в Петербурге.

Во вступительной статье Максима Горького “Что такое наука?” сказано, что из напечатанного в том же номере списка ученых, умерших за последние несколько месяцев, видно, “как велика потеря научной энергии в нашей стране”, и затем добавлено: “Если этот процесс *вымирания* ученых будет продолжаться с такою быстротой, наша страна может совершенно лишиться мозга”. К такому страшному, просто катаклизмическому предсказанию знаменитый писатель, возглавляющий издающую журнал комиссию, счел нужным присовокупить и еще несколько выразительных строк <...>.

Мы не совсем ясно понимаем, кому именно надо стыдиться, что Петербург не может иметь полного освещения и недостаточно снабжен топливом и продовольствием, и кто, таким образом, совершает это преступление. По-видимому, как будто те неизвестные, которые блещут «полным отсутствием понимания глубокой важности и бесспорной пользы научного творчества», а с другой стороны — кто же не знает, что во всех этих “постыдных” преступлениях виноваты прежде всего все те, кто хоть косвенно принимал какое-нибудь, хоть самое микроскопическое, участие в расшатывающей Советскую власть оппозиции и в разных белогвардейских и “патриотических” видах борьбы с Советской Россией. Но они, особенно активные и не раскаявшиеся, вряд ли прочтут журнал — хочется думать, что все такие лица остерегаются даже и жить в наших пределах...

Между тем, из статьи М. Горького же ясно, что журнал издается, собственно, для широких кругов населения, которым и ставит своей целью “сообщать в краткой и понятной форме обо всем, что творится в мире науки, обо всех открытиях, изобретениях и работах ученых”. Да и самая элементарность общедоступной статьи явно подчеркивает именно эти круги своих читателей.

Что касается “моральной мучительности”, она более понятна, но мы ведь не в критику впадаем, мы только разбираемся.²⁵

Увы, весь идеологический и эмоциональный заряд этой рецензии немного сбивает то, что автор «Невязки» скрылся за псевдонимом Elevato. Как бы там ни было, но заключительное замечание рецензента все же очень «по делу»: «...при всем нежелании мы не можем, однако, не указать на один дефект журнала: насколько общедоступна публицистическая статья М. Горького, настолько весь остальной материал журнала совсем не приспособлен для широких, непосвященных в науку масс, а для ученых слишком популярен и... торжествен — мы сказали бы, если бы были уверены в своем личном впечатлении. Надо думать, что и здесь произошла невязка разных частей журнала, происшедшая, вероятно, вследствие быстро измененного не только текстового содержания, но и самого плана издания».²⁶

Все это весьма удивительно и показательно на фоне почти полного отсутствия заинтересованной критики научно-популярной литературы в современной России.

* * *

Но нас интересует в данном случае другое: зеркальный двойник к термину «научно-популярная» — «популярно-научная», промелькнувший в цитированном выше отрывке из Рубакина по поводу издательства Маракуева и Прянишникова («кое-какие недурные популярно-научные книжки»). Сам Николай Александрович использует оба термина, «научно-

популярная» и «популярно-научная», практически поровну, не вкладывая, судя по всему, никаких дополнительных смысловых оттенков в эту биполярную конструкцию. Вот выборка из его «Этюдov о русской читающей публике»:

«...что в области *литературы научно-популярной* наблюдается оскудение особенно сильное, доказывается множеством фактов» (с. 47);

«...этой науке <химии> особенно не везет, и бедность ее *популярно-научными книгами* особенно поразительна <...> в числе рекомендуемых книг фигурируют или далеко не популярные, или написанные задолго до того времени, когда была формулирована периодическая система элементов, т. е. совершенно устаревшие» (с. 48);

«...что широкая публика, жаждущая самообразования, стремящаяся продолжать образование, начатое в каком-либо учебном заведении, имеет чрезвычайно скудную наличность книг, способных удовлетворить ее потребности, — это отлично знают все, кому мало-мальски знакома наличность нашей *научно-популярной литературы* и знаком читатель ее» (с. 48);

«...просматривая существующую *популярно-научную литературу*, подчас просто поражаешься, как неумело авторы принимаются за свое дело, как мало знают они и тех людей, кому говорят, и условия жизни, в какие поставлены эти люди» (с. 92);

«...создание *популярно-научной литературы*, обнимающей всевозможные отрасли знания, в значительной степени еще дело будущего. Но оно должно стать делом русской интеллигенции» (с. 93);

«...одна из отраслей дела или, вернее, одна из задач интеллигенции — это создание такой *научно-популярной литературы*, которая дополняла бы знания, полученные в начальной школе и открывала бы к этим знаниям доступ для тех, кто не удовлетворяется тем количеством знаний, какое дает школа» (с. 102);

«...в области *литературы научно-популярной* не менее заметно иногда даже полное незнание авторами своих читателей и условий их жизни; *научно-популярные книжки* пишутся иногда, как бог на душу положит и, в лучших случаях, пользуясь наблюдениями, сделанными в том или ином уголке» (с. 103)...

И эта ситуация была очень характерна для рубежа двух веков. Раздираемый на части в этом силовом биполярном поле, — что русскому духу дороже: научность или популярность? — он, этот русский дух, все-таки сумел избежать участи буриданова осла. Как раз в конце XIX — начале XX века начинаются активные эксперименты с поиском новой формы для обозначения уже вполне сформировавшегося жанра. «Тип научно-популярной книги сложился в результате возрастания роли техники, производства в общественной жизни, формирования интереса к ним достаточно широких слоев населения, — отмечает упоминавшийся уже библиограф Арон Черняк. — <В России> формирование типов производственной, справочной, научно-популярной книги завершилось к концу XIX века».²⁷

Обратите внимание, на каком социально-экономическом фоне проходит рождение научпопа в России. В период с 1881 по 1896 год объем промышленного производства в стране увеличился в 6,5 раза при росте численности рабочих в 5,1 раза; количество фабрик за эти 15 лет возросло на 7228, а выработка на одного рабочего — на 22%.²⁸ С 1890 по 1900 год мощность паровых двигателей в промышленности России увеличилась с 125,1 тыс. л. с. до 1294,5 тыс. — на 300%!²⁹ Российская империя буквально содрогалась от тяжелой поступи промышленного прогресса: сейсмическая станция в Риге фиксировала двухбалльное землетрясение, когда в Петербурге на Ижорском заводе, втором в Европе по мощности, после крупновского в Германии, пресс усилием в 10 тысяч тонн гнул броневые листы.³⁰ (Впрочем, не надо и преувеличивать абсолютные значения показателей этого роста: в 1908 году суммарная мощность паровых двигателей в одной только Франции была в 15 раз больше, чем в России.³¹)

В 1990 году из всех существовавших на тот момент предприятий России 40% были основаны в последнее десятилетие XIX века. За десять лет (1891–1900) было проложено свыше 21 тысячи верст новых железнодорожных путей — почти столько же, сколько за все время с момента отмены крепостного права в 1861 году. Потребности одной только Транссибирской магистрали протяженностью более 6 тысяч верст потребовали увеличения продукции отечественной металлургии почти в два раза.³²

Как бы там ни было, но темпы роста русской промышленности были действительно беспрецедентными (табл. 2.2).

Неудивительно, что в 1870–1895 годы по темпам развития тяжелой промышленности Россия занимала первое место в мире. За десятилетие с 1887 по 1896 год выплавка чугуна в стране утроилась (США понадобилось 23 года, чтобы добиться такого прироста, Англии — 22 года, Франции — 28 лет, Германии — 12 лет). Добыча нефти за 25 лет (1871–1895) возросла в 226 раз!³³

А в доказательство тому, что жанр научно-популярной литературы действительно уже вполне оформился к тому времени как вполне самостоятельный род литературы, только два характерных примера.

Журнал «Библиограф» в 1885 году сообщал: «Академик Вильд оканчивает печатанием обширный, специально-научный труд — “О дождях в России”». ³⁴ Обратите внимание: *специально-научный*. То есть никто не должен быть введен в заблуждение: популярного, народного, общедоступного чтения, — несмотря на некоторые загадочные и даже мистические коннотации, проступающие в заглавии, — физик, академик Генрих Иванович Вильд не обещал.

Но вот другой академик, выдающийся русский химик Александр Михайлович Бутлеров, напротив, пишет и издает книгу для самой что ни на есть народной массы. «Академик А.М. Бутлеров написал популярное сочинение для народа по пчеловодству вообще. На издание этого сочинения он ходатайствовал

Таблица 2.2. Рост русской промышленности за последнюю декаду XIX века (1891–1900 гг.), %

Показатель	Англия	Германия	США	Россия
Выплавка чугуна	18	72	50	190
Производство железа	8	78	63	116
Добыча каменного угля	22	52	61	131
Рост числа веретен в хлопчатобумажной промышленности	3,8	33	25	76

Источник: По данным советского экономиста П.И. Лященко (1927 г.). Цит. по: Фонотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. — М.: Наука, 1993. С. 165.

перед собранием 1-го отделения Вольно-экономического общества об ассигновании ему 1000 р. из процентного уваровского капитала, положенного на нужды общества. Ходатайство это уважено обществом и издание будет выпущено в количестве 20 000 экземпляров», — раскрывает подробности готовящегося проекта «Библиограф». ³⁵

Появившаяся через несколько месяцев книжка (по современным стандартам — брошюра, как раз 48 страниц) называлась «Как водить пчел». ³⁶ «По своему содержанию эта книжка представляет нечто краткого катехизиса для изучения пчеловодства. В самых кратких положениях в ней сообщаются точные сведения о жизни и деятельности пчел, об устройстве ульев и пчельника и о способах ухода за пчелами. При своей краткости и обстоятельности и при большой дешевизне, без сомнения, эта книжка будет доступна для многих бедных русских людей и принесет несомненную пользу всем, кто пожелал бы следовать данным в ней наставлениям относительно занятий пчеловодством». ³⁷ Цена этому «краткому катехизису» была определена в 10 копеек.

Перед нами примеры предельной чистоты жанров: «специально-научный труд» vs «популярное сочинение для народа».

Фактически уже здесь даны основные критерии для одного и другого — научного или популярного (вернее, популярно-научного) рода литературы. Оставалось только закрепить это разделение в литературной и издательской практике.

Впрочем, немалое значение такая канонизация формы имела и для статистического учета печатной продукции. До начала двадцатых годов прошлого века такой учетно-издательской строки — «научно-популярная (или любое другое синонимичное название) литература» в официальных отчетах не существовало. Например, среди произведений печати, вышедших в России в 1913 году, среди 41 раздела, каждый из которых насчитывал бы более 100 названий, популярно-научного раздела не значится.³⁸ Хотя литература такого рода, как мы убедились выше, несомненно, была представлена на российском книжном рынке. Научпоп был как бы «размазан» по всем другим разделам — учебные пособия; народные издания; сельское хозяйство; медицина, ветеринария, гигиена; природоведение; технология; история; биографии; география, этнография, путешествия; железнодорожное дело...

Однако вернемся к началу исследуемого нами периода, в XIX век.

В 1870 году в России начинает выходить научный и критико-библиографический журнал «Знание».

В 1881-м — иллюстрированный журнал «Техник». Вот, кстати, очень любопытный, о многом говорящий отрывок из рекламного объявления о подписке на этот журнал: «Посвященный новостям и изобретениям по технике вообще и ее приложениям к промышленности, фабричному и заводскому делу, ремеслам и домашней жизни. “Техник” выходит 1-го и 15-го числа каждого месяца.

Редакция успела войти в постоянные сношения со многими зарубежными журналами и, имея в своем распоряжении значительное количество иностранных изданий, получила возможность знакомить русских читателей с наиболее выдающи-

мися новостями технической литературы в Старом и Новом Свете. Участие русских ученых, инженеров, техников и практиков дает журналу “Техник” возможность следить за успехами технического дела и в нашем отечестве. В нем, кроме того, печатаются все технические доклады Моск. Отд. Императорского Русск. Техн. Общества.

Особенное внимание редакции журнала “Техник” постоянно обращено на вопросы о пользовании даровыми силами природы и о передаче этих сил на расстояние, а также аккумуляцию их.

В журнале имеется специальный отдел сельскохозяйственной механики.

Подписная цена: без дост. 5 руб., с перес. и дост. на год 6 руб., на полгода 4 руб.»³⁹

С августа 1886 года начинает выходить «Вестник опытной физики и элементарной математики» — фактически первый в России физико-математический научно-популярный журнал, предтеча знаменитого советского издания «Квант». «Вестник» издавался в Киеве до 1917 года.

В 1890 году наступает время *общепонятно-научного иллюстрированного журнала* «Наука и жизнь». Именно такую атрибуцию имело периодическое издание, которому предстояло превратиться, если забегать вперед, в непотопляемый дредноут отечественного научпопа. Здесь уже сделана попытка ухватить по максимуму все возможные видовые и родовые признаки жанра. Самая настоящая — «урна жанру». О многом может рассказать даже просто дальнейшая эволюция жанровой самоидентификации этого издания: «*журнал для самообразования*» (после возобновления в 1934 году); «*научно-популярный журнал Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний*» (1954 год), плавно перетекающий в «*научно-популярный журнал Всесоюзного общества “Знание”*»; и, наконец, «*ежемесячный научно-популярный журнал*» (1990 год).

Вообще подобная самоидентификация периодических изданий — яркая иллюстрация тех поисков формы для научпопа, которые проходили в конце XIX — начале XX века. Названия журналов — это, по существу, мгновенные снимки (слепки) разных этапов этих поисков. Некоторые варианты названия научпопа представлены в табл. 2.3.

Какой богатый понятийный и образный ряд! Какими изощренными способами издатели пытаются расширить синонимичное поле — лишь бы увернуться от установления монотонного единообразия в названии жанра.

Сразу отметим одну важную особенность — научпоп, по крайней мере в его журнальной форме, непременно должен быть хорошо иллюстрирован. Это было понятно уже сто лет назад и даже раньше. Отсюда все эти *«общепонятно-научные иллюстрированные»* и *«общедоступные для самообразования с картинками в красках и иллюстрациями в тексте» «иллюстрированные»* журналы. В этом факте, помимо глубокого методологического смысла (или, если угодно, даже онтологического смысла всей научно-популярной периодики вообще) присутствовал и вполне прагматический аспект, отражавший российские реалии.

Так, один из почти забытых сегодня энтузиастов книги, директор книжного склада Дмитровского союза кооператоров В.М. Муратов, в своем очень фактурном пейпербеке* под говорящим названием «Продажа книг как культурная работа» (1919 год и, между прочим, уже 2-е издание!) наставляет культпросветработников: «Делая закупку, надо особенно принимать во внимание одно обстоятельство: в деревне любят яркие краски, и глаз крестьянина по большей части недостаточно развит, чтобы надлежащим образом воспринимать нераскрашенные гравюры».⁴⁰

Этот вывод Муратова как будто подтверждает тенденцию в выборе книжного репертуара сельским населением,

* Рекламная бумажная обложка. — *Ред.*

Таблица 2.3. Жанровая самоидентификация русских периодических изданий в конце XIX — начале XX века

Год начала издания журнала	Название периодического издания
1889	« Природа и люди », еженедельный популярно-научный иллюстрированный журнал науки, искусства и литературы, Санкт-Петербург
1889	« Вестник воспитания », научно-популярный журнал, Москва
1890	« Наука и жизнь », общепонятно-научный иллюстрированный журнал
1896	« Журнал новейших открытий и изобретений », общедоступный еженедельный иллюстрированный журнал, Санкт-Петербург
1897	« Общедоступный техник », ежемесячный популярно-технический и литературный журнал, Москва
1897	« Научное обозрение », издатель М.М. Филиппов, Санкт-Петербург
1911	« Природа », популярный естественно-исторический журнал, Петроград
1911	« Путеводный огонек », художественный научно-литературный журнал, Москва
1913	« Знание для всех », общедоступный журнал для самообразования с картинками в красках и иллюстрациями в тексте, Петроград
1919	« Природа » (возобновленное издание), популярный естественно-научный журнал. Под ред. проф. Н. Кольцова, Л. Тарасевича и акад. А.К. Ферсмана

Продолжение таблицы 2.3

Год начала издания журнала	Название периодического издания
1919	«В мастерской природы» , популярный естественнонаучный журнал. Под ред. Я.И. Перельмана. Издание Академического книгоиздательства, Петроград
1919	«Естествознание в школе» , ежемесячный журнал по вопросам естественно-исторического образования в средней и начальной школе
1920	«Человек и Природа» , популярный естественнонаучный журнал. Под ред. проф. А.С. Догеля. Гос. изд-во, Петроград
1922	«Наука и техника» , научно-популярный иллюстрированный еженедельник, Петроград
1925	«Знание — сила» , ежемесячный популярный научно-технический журнал, Москва — Ленинград

выявленную еще в начале XX века: лубочная литература и «божественное» — главные «хиты» среди сельских читателей.

Некоторое представление о структуре домашних книжных собраний крестьян трех губерний в начале XX века дает сводная табл. 2.4.

Но это не значит, что участь науцпопа в России была пред-
решена — превратиться в аналог какого-нибудь современного
глянцевого pulp fiction. «Веселые картинки про науку» быстро
перестают быть интересными. Россия до сих пор остается стран-
ной Иоганна Гутенберга, а не Билла Гейтса: привычка читать
«умные книжки» и высказывать свое мнение (великолепный
пример — известный рассказ Василия Шукшина «Срезал»;
даже в анекдотах отражена эта вербальная избыточность рус-
ских: «Ну вот, выпили... А поговорить?!») — доминирует в со-

Таблица 2.4. Структура домашних книжных собраний русских крестьян в начале XX века

Виды книг	Владимирская губерния	Орловская губерния	Полтавская губерния
Духовно-нравственные	58,8	54,6	42,3
Известных авторов	3,5	6,4	8,0
Прочая беллетристика	19,5	18,7	19,7
Исторические и биографические	3,8	4,8	4,5
Сельскохозяйственные	0,8	0,8	3,5
Научно-популярные (география, естествознание, медицина)	2,1	1,4	2,6
Периодические издания	2,6	8,2	
Прочие	11,5	10,7	11,2

Источник: Книга в России, 1895–1917/ Под общ. ред. к. и. н. И.И. Фроловой. — СПб.: Российская национальная библиотека, 2008 С. 642.

знании россиян. Тем более это оправдано, если речь идет о научно-популярной литературе.

Двадцать лет с начала XX века, в которые уместились три войны (русско-японская, Первая мировая и гражданская) и три революции (1905 года, буржуазно-демократическая февральская и Великая октябрьская социалистическая 1917 года), стали для научпопа в России своеобразной лабораторией жанра. Из этого котла с булькающей массой выпадет в итоге в сухой остаток то, что мы привычно называем сегодня «научно-популярная литература».

А пока тот же М.В. Муратов представляет результаты своих социологических исследований читательских предпочтений. Он вводит в классификацию отделов возглавляемого им книжного склада графу «общедоступно-научные» книги.⁴¹ Продук-

ция этого отдела занимала четвертое место в рейтинге продаж («Топ-12»): 540 экземпляров книг было продано с 1 марта 1918 по 1 января 1919 года. Для сравнения: на третьей позиции находилась литература по сельскому хозяйству — 597 экземпляров. Но вот в стоимостном выражении «общедоступная научная литература» прочно занимала второе место: ее было продано за тот же период на 2411 рублей 24 копейки. Лидеры продаж — детские книги: 3924 рубля 32 копейки.

Вывод Муратова однозначен: «Разумеется, составляя набор книг для продажи, нельзя ограничиться детской и сельскохозяйственной литературой, а следует класть книги и по другим отделам: хорошую беллетристику (особенно хорошо читаются рассказы Л.Н. Толстого), общедоступные научные книги и т. д.»⁴² Использует Муратов и термин «научно-популярная литература». В таком, например, контексте: «...на первом месте стоит детская литература, на третьем — сельскохозяйственная, которая в этом году <с 1.03.1918 по 1.01.1919> пользовалась большим спросом, чем вся научно-популярная литература».⁴³

Но примерно с 1922 года как будто некий психологический барьер оказывается пройденным. Начинает доминировать одно название — *научно-популярная литература*. Формальным закреплением этой тенденции, ее официальным благословением, и стало появление в государственной статистике распределения книг по типам отдельной позиции: «научно-популярные» книги (см. табл. 2.1). При желании в этом можно усмотреть и социальную обусловленность.

Книжная заваль

В советском книговедении было принято делить историю развития книги в СССР на несколько этапов. Два начальных обозначались следующими временными рамками: 1917–1922 годы и 1922–1930 годы. Это деление вполне логично и определяется организационно-экономическими реалиями той эпохи (мы кратко коснемся этого вопроса чуть ниже). История ста-

новления жанра научно-популярной литературы идеально вписывается в такую схему.

* * *

«Более чем когда-либо нужна России хорошая *научно-популярная книга*, но только при условии параллельного развития и *строго научной литературы*, — отмечал как раз в 1922 году М.А. Блох, обозреватель журнала «Наука и ее работники». — Условия же создания последней продолжают оставаться весьма тяжелыми. И не все ли равно научному работнику, называется ли эта причина типографской разрухой, или отсутствием дензнаков».⁴⁴

На самом деле М.А. Блох еще поскромничал, определяя стартовые условия для развития научного и научно-популярного книгоиздания как «весьма тяжелые». Между прочим, не один только Блох называет тогдашнюю ситуацию в книгопечатании типографской разрухой. Академик, непреременный секретарь (1904—1929) Российской академии наук Сергей Ольденбург, рассказывая в первом номере все того же журнала «Наука и ее работники» о деятельности академии в 1917—1919 годах, очень интеллигентно, но однозначно подчеркивал: «К сожалению, результаты ее работы за последние три года можно указать не полностью, так как вследствие *типографской разрухи* несколько тысяч листов готовых к печати рукописей, т. е. примерно около двухсот томов, не могло увидеть свет, и, таким образом, изложенные в них результаты большого научного труда не могут еще стать достоянием широкого круга читателей, о них мы знаем пока главным образом по докладам».⁴⁵

Одним из факторов, усугубивших эту «типографскую разруху», стал декрет СНК РСФСР о введении новой орфографии. Вступивший в силу с 10 октября 1918 года, он распространялся на всю полиграфическую продукцию, включая рекламу и даже на вывески. Отсутствие новых шрифтов приводило к тому, что типографии еще какое-то время пытались исполь-

зовать старые наборные кассы, за что нещадно штрафовались. И т. п. В конце концов комиссар печати, агитации и пропаганды М. Лисовский не выдержал, и на исходе октября 1918 года в газетах было опубликовано его грозное предупреждение: «Вниманию типографий. Напоминаем всем типографиям, что с 1 сентября введена новая орфография решительно для всех печатных произведений как периодических, так и непериодических. Кроме того, объявляется, что из всех типографских касс должен быть изъят шрифт, непригодный для новой орфографии».⁴⁶

Но и в 1921 году — без перемен: «...в одном Петрограде ненапечатанных <научных> трудов накопилось свыше 12 000 листов, и число их все растет».⁴⁷ Да и с дензнаками дело обстояло не лучше. Так, стоимость производства одного стандартного печатного листа со средним тиражом 5 тысяч экземпляров только с конца 1921 года до 1 мая 1922 года возросла в 26 раз!⁴⁸

Неутомимый Блох, беззаветный летописец рынка научной литературы и периодики, мечется в явной растерянности. «Пер Гюнт, ибсеновский герой, верит в кривую: она вывезет. И то же приходится сказать по поводу научной книги, — сетует Блох, давая обзор состояния научного книгопечатания в России в 1922 году. — Обозреватель научной литературы не может найти никаких логических моментов в развитии ее. Он может лишь прийти к некоторым выводам отрицательного характера. Кривая не показывает никакой последовательности в своем течении, и объективных данных, позволяющих признать положение научной книги устойчивым или улучшившимся, нет: книг выходит много, но нужных книг имеется мало. С одной стороны, с опозданием на несколько лет начинают выходить “застрявшие” научные работы, с другой — изобилует тип тоненькой книжки. Как будто рассчитанной на широкую публику. А в сущности именно на любителя и ценителя».

Далее Блох дает краткую (кратчайшую) сводку новостей научпопа, случившихся за обозреваемый период, которую завер-

шает в высшей степени важным для нас резюме: «Наш поневоле калейдоскопический и неполный обзор мы закончим указанием и перечислением тех многочисленных тоненьких книжек, в большинстве случаев написанных первоклассными учеными и наполняющих апатичный книжный рынок.

Мы понимаем психологические причины этого явления, широкое стремление и приобщение к знанию, единственную возможность для издательств преодолеть типографские счета с астрономическими цифрами, а для читателей — приобретать издания, так как *тоненькие книжки сравнительно дешевле, т. е. стоят от 1/2 до 1 миллиона рублей* (см. табл. 2.5. — А.В.). Почти все из перечисленных, увлекательно написанных книг, представляют собой, выражаясь буднично, лакомое пирожное для любителя и ценителя, но объективный обозреватель развития научной литературы с грустью должен отметить это явление на почти пустом фоне серьезных основ науки, как показатель продолжающегося ненормального положения научной книги». ⁴⁹

Полностью разделяя пафос Блоха, нельзя все-таки не обратить внимание на то, какие имена в авторах научно-популярной «брошюратины»: академики действующие и будущие — Ферсман, Вернадский, Кольцов, Берг... Даже выдающийся русский писатель Евгений Замятин, оказывается, начинал с научпопа. Впрочем, вот это-то как раз и неудивительно: Замятин — выпускник Кораблестроительного института, по первой специальности — морской инженер, участвовал в строительстве ледоколов «Ермак» и «Красин». И, кстати, государство художественно, но все-таки оплачивало этот писательский труд.

Так, например, официальный тариф, утвержденный Наркомтрудом с 1 мая 1920 года, предусматривал следующие ставки оплаты литературных и газетных работников: «Полистно: за оригинальные научные, художественные и научно-популярные произведения, издаваемые впервые, — 5400 рублей печатный лист; за компилятивные произведения — от 2000 до 3500 рублей; за редактирование материалов съездов, конференций

Таблица 2.5

Издательство	Автор	Название книги
«Мир», Москва	П.П. Лазарев К.К. Шарвин	«Строение вещества»; «Энергия. Ее сохранение и вырождение»
«Мысль», Петроград	С.П. Костычев Л.М. Лялин	«Натур-философия и точные науки» «Жиры и масла»; «Плоды и ягоды»
«М. и С. Сабашниковы»	М.А. Мензбир А.П. Павлов	«Исторический очерк воззрения на природу» «Представление о времени в истории, археологии и геологии»
«З.И. Гржебин»	О.А. Добиаш- Рождественская С.П. Костычев Евг. Замятин	«Как люди научились считать время» «О появлении жизни на Земле» «Роберт Мейер»
«Северные дни», Москва	П.П. Лазарев	«Физические основания принципа относительности»
«Научное книго- издательство»	М. Борн, пер. А.И. Стожаров, под ред. А.П. Афанасьева А.А. Иванов И. Обреимов акад. А.Е. Ферсман	«Строение материи» «Теория ошибок и способы наименьших квадратов» «Состояние вещества» «Время»
«Время»	В.И. Вернадский Н.К. Кольцов Л.С. Берг	«Начало и вечность жизни» «Омоложение»; «Причины современного исхудания» «Наука, ее смысл. Содержание и классификация»

и т. д. — от 175 до 875 рублей; за редактирование материалов оригинальных сочинений в рукописи — от 900 до 1500 рублей; за редактирование общеизвестных опубликованных материалов со сверкой по рукописи или по прежним изданиям, а также за редактирование коллективных трудов (сборников, серий книг, энциклопедий и пр.) — от 300 до 1100 рублей; за письменный отзыв о книге — от 40 до 100 рублей за печатный лист оцениваемой книги и, сверх того, обычная плата за рецензию. За компетентный перевод научной и художественной прозы, исполненный специалистом и не нуждающийся ни в редактировании, ни в просмотре, — 2000–3000 рублей; за переводы, требующие редакции или просмотра, — 1600–2500 рублей; за редактирование уже имеющегося перевода в зависимости от качества — от 300 до 1100 рублей.

Все эти ставки установлены для Москвы, для Петербурга же к ним прибавляется еще 50%». ⁵⁰

Подготовка оригинальных научно-популярных произведений, как видим, ценилась по высшему разряду и приравнивалась к научным и художественным текстам. Так что заниматься научпопом было, помимо всего прочего, еще и выгодно с экономической точки зрения. (Для сравнения: в 1919 году было установлено 35 категорий зарплаты для государственных служащих, от рядового конторщика до народного комиссара; соотношение между самой низкой и самой высокой зарплатой составляло 1:4 — 1200 рублей и 4800 рублей. ⁵¹)

И тем не менее Блоха, с его пергюнтовскими страстями, понять можно. В научном и научно-популярном книгоиздательстве в начале 20-х годов прошлого века отсутствовало главное — система.

* * *

В этот период в стране существовали в основном четыре вида издательских организаций: государственные, профессиональные, кооперативные и частные. Так, в 1921 году Союз коопера-

тивных издательств устроил выставку своих изданий с 1917 по 1921 год. Вот совсем не полный перечень тех из них, которые представили на этой выставке научную и научно-популярную литературу: «Научное книгоиздательство», «М. и С. Сабашниковы», издательство З.И. Гржебина, «Кооперация», «Наука и школа», «Начатки знаний», «Огни», «Право», «Альконост», «Петрополис»... Забавно, что издательство «Образование» представило на выставке сразу два своих издания: Эрнст Мах — «Популярно-научные очерки» и Рамзай-Оствальд — «Научно-популярные очерки». (Можно сказать, последние отголоски синонимической вольницы для обозначения научпопа...)

Еще раньше, в 1920 году, Научное химико-техническое издательство (Н.Т.О.В.С.Н.Х.) организовало несколько серий изданий (с целью «дать химико-технические основы народного хозяйства»): «Основы науки (Курсы для высшей школы)»; монографии по химико-технологическим и химико-экономическим вопросам; химико-технические справочники («русский Chemiker Kalender, русский Blucher»...); руководства по общей, аналитической и технической химии («на подобие Dammer'a, Abeg'a и т. п.»)... Не была забыта и «Научно-популярная серия».⁵²

В издательстве «Наука и школа» продолжалась серия «Введение в науку». (Для примера: одна из книг этой серии — «Мусульманский мир» академика В.В. Баргольда.⁵³)

Комиссия по изучению естественных производительных сил России при Академии наук, знаменитая КЕПС, «организовала под редакцией академика А.Е. Ферсмана и Е.В. Ереминой серию кратких научно-популярных очерков, содержащих статьи-сводки научных сведений о природных богатствах России. Вышли: А.Д. Стопневича “Минеральные воды”, В.И. Масальского “Хлопок”, Е.Ф. Лискуна “Животноводство” и Ф.Ю. Левинсон-Лессинга “Платина”».⁵⁴

Центральный научно-технический клуб профсоюзов в Москве начинает издавать журнал «Наука и техника». «Журнал

ставит себе целью в ряде статей и обзоров ознакомить как рабочую, так и всю трудовую интеллигенцию с достижениями русской и иностранной мысли. В № 1 находим статьи: О. Ерманского “Под знаком организации”, акад. А.Е. Ферсмана “Завоевания науки”, Сванте Аррениуса “Великая проблема энергии”, проф. Т.П. Кравеца “Три мировые субстанции (материя, электричество, энергия)”, инж. Я. Гольберга (Я. Златогорова) “Автомобиль и его роль в современном транспорте”, М.А. Блоха “Наука и промышленность”, инж. В.А. Петрова “Русские изобретения за последние годы” и ряд кратких сообщений и заметок.⁵⁵

Этот отнюдь не полный библиографический список научно-популярных изданий впечатляет даже сегодня. Напомню, речь идет о временном отрезке с 1919 по 1922 год. Выпуском научно-популярной литературы занимались, как минимум, несколько десятков издательств. И еще неизвестно, как выглядели показатели их деятельности в количественном выражении по сравнению с современными. Но... «Никакой руководящей идеи или программы в деятельности этих частных изданий уловить нельзя, и наряду с многими весьма хорошими книгами попадают такие издания, что удивляешься не издательству, ее выпустившему, а тому, что, очевидно, есть определенный спрос на такую книгу, — отмечает цепким взглядом хронического библиофила М.А. Блох. — Если мы поинтересуемся тем, что составляет главное содержание работ за последнее время, то приходится отметить любопытное явление, что появляются на свет издания, может быть, очень ценные, но вовсе не так необходимые. И для научного работника, живущего на своем скромном бюджете и привыкшего с уважением относиться к книге, представляется иногда совершенно непонятным тот успех роскоши, который приходится отметить. Именно роскошная книга, художественная книга, находит наибольшее распространение. Для иллюстрации сказанного отметим только издание «Петрополис» («Портреты Анненского» — цена 100 миллионов

рублей!), издание «Аквилона», «Альконоста», «Эпохи» и т. д. <...> В России положение научной книги всегда было тяжелым, и в самые легкие годы печатания неоднократно приходилось с удивлением отмечать, как далеко нас опередила Германия, где частные издательства имели возможность реализовать такие специальные издания, которые в России никогда бы не могли рассчитывать на большой круг читателей».⁵⁶

Этот вывод вроде бы подтверждает и свидетельство М.В. Муратова: «После революции 1917 года преграды, мешавшие распространению книги, пали, и сразу же всевозможные общественные организации стали вести продажу книг в более или менее значительных размерах. Всероссийский земской союз закупает в это время на сотни тысяч так называемую политическую литературу, главным образом для продажи на фронте. В том же направлении ведут работу Союз городов, партийные организации, советы рабочих и солдатский депутатов, и т. д.»⁵⁷

Книжный репертуар в то время действительно был чрезвычайно политизирован. Причем уже в 1918 году это был в значительной мере монопартийный репертуар. «Вместе с процессом обобществления печатного дела изменяется и самое содержание книги, ею приобретает все более и более утилитарный и партийный характер, — отмечает В. Славская. — При этом 1918 год опять-таки является переломным в смысле объединения политической литературы под знаком коммунистической партии в противоположность партийной дробности этого рода литературы в 1917 году.»⁵⁸ Издательская статистика, приводимая Славской, неумолима на сей счет (см. табл. 2.6 и 2.7).

«Так завершается процесс обобществления печати — путем образования общественной инициативы, а затем и перевеса ее над частным предпринимательством; преобладания в ней коммунистического направления и, наконец, совпадения коммунистической литературы с официальной, — пишет В. Славская. — “Толстые” книги почти совершенно исчезли с нашего книжного рынка; небольшая, по преимуществу политическая,

Таблица 2.6. Партийная принадлежность издаваемых книг в 1917–1918 годах

	1917 г. — 100%	1918 г. — 100%
Коммунистическая	–	74,2
Беспартийная	71,4	20,0
С.-Р. <социал-революционеры>	15,1	3,8
С.-Д. <социал-демократы>	8,7	2,0
К.Д. <конституционные демократы>	4,8	–

брошюра — таков обычный распространенный тип современной книги».⁵⁹

Но русский социалистический читатель быстро, судя по всему, «наелся» политикой. «Очень скоро выяснилось, что по большей части наспех изданная “политическая литература” мало удовлетворяет население, а когда интерес к политической жизни стал падать, спрос на нее почти совсем прекратился, и она превратилась в книжную заваль, — не без удовлетворения

Таблица 2.7. Партийная принадлежность периодической печати в 1917–1918 годах

	1917 г. — 100%	1918 г. — 100%
Беспартийные органы	49,3	29,4
Советы рабочих и солдатских депутатов	24,6	–
Официальная	10,0	48,6
С.-Д.	7,9	11,5
С.-Р.	5,8	10,5
К.Д.	1,5	–
Большевики	1,0	–

подчеркивает Муратов (напомню, практический специалист по книжной торговле. — *А.В.*). — Вместе с тем оказалось, что есть большая потребность в другой книге: в то время как политическая литература лежала без движения, охотно покупались популярно-научные и сельскохозяйственные книги, беллетристика, классики и т. д.»⁶⁰

Оригинальное объяснение такой аполитичности русской «читающей массы» дает Николай Рубакин. «Книгам из отдела наук политико-социальных больше других не повезет среди русских читателей, — пишет Рубакин. — В этом нельзя не видеть некоторых особенностей русского читающего интеллигента. Он как-то привык относиться к окружающей жизни, если так можно выразиться, как бы с одной стороны: то он интересуется вопросами этическими, а все прочие не ставит ни во что, то интересуется вопросами экономическими, и тогда вопросов политических уже почти не признает. Такое хождение вокруг да около, такие односторонние поиски “начала всех начал” — одна из характерных особенностей русского читающего интеллигента, стремящегося отыскать “истинный корень вещей”».⁶¹

Возможно, впрочем, все гораздо проще. К 1920 году начинает сказываться эффект усталости нормального человека, обывателя, от политики, явный «износ» внимания к политической риторике. Как показывает история XX века, повышенный интерес к политическим событиям, а следовательно и к политической литературе, имеет циклический характер с периодом 4–6 лет.

Так, в речи на Всероссийском съезде деятелей по профессиональному и техническому образованию (Петербург, январь 1904 года) Н.А. Рубакин отмечал, что «впереди читающей толпы уже давно стоят именно фабрично-заводские рабочие, русский пролетариат, и что подъем книгоиздательского дела в России совпадает с 1896 годом — тем самым годом, когда пролетариат впервые выступил “ан масс” на историческую сцену и когда тридцатитысячная петербургская забастовка открыла

собою великое русское освободительное как политическое, так и социальное движение». ⁶² Статистика книгоиздания, на которую опирался Рубакин, делая такие заявления, вполне подтверждает сказанное.

За весь XVII век в России печаталось в среднем 125 названий книг в год. С 1887 по 1892 год этот показатель поднялся с 7 до 9 тысяч названий в год. В 1893 году — превысил 10 тысяч названий. Дальнейшая динамика была еще более впечатляющей: 1908 год — 23 852 названия; 1912 год — 34 630. По тиражам — та же картина: 1887 год — общий тираж напечатанных в России книг составил 24 миллиона экземпляров; 1895 год — 42 миллиона; 1912 год — 134 миллиона экземпляров книг (т. е. примерно одна книга в год на одного жителя России).

Радикально вырос общий уровень грамотности населения России, причем в исторически кратчайшие сроки. Если в 1897 году среди лиц старше 9 лет грамотных было 30,1%, то в 1917 году этот показатель составил 42,8%. Даже уровень грамотности среди сельского населения демонстрировал динамичный рост: если в 1880—1888 годах, по данным земских переписей, в 20 губерниях он составлял 8,7%, то, согласно Всероссийской переписи 1897 года, — уже 17,4%, а к 1917 году грамотность сельского населения выросла до 37,4%. Среди рабочих показатель уровня грамотности был еще выше: в 1897 году — 40%, в 1917 году — 64%. ⁶³

Статистик, ученый-ихтиолог, член Первой Государственной думы от Уральского казачьего войска Николай Бородин (1861—1937) в своих воспоминаниях оставил нам картинку читательских интересов университетской среды в 80—90-е годы XIX века: «...двойственность направления умственной деятельности оставалась у нас всегда, и я бы сказал на всю жизнь, судя по личному опыту и по наблюдениям над другими однокурсниками той же категории. Отдаться целиком чистой науке в то время считалось прямо зазорным, и студент, избегавший принимать участие в политической и общественной жизни и не

готовящий себя к таковой, навлекал на себя по меньшей мере товарищеское неодобрение». ⁶⁴

Интересно, что говоря о нелегальных изданиях (А. Тун «История революционного движения в России», Л.Н. Толстой «В чем моя вера», «Исповедь» и др.), Бородин отмечает: «Эти последние вещи фабриковались литографски нелегально в столице и ходили тогда в большом количестве по рукам». ⁶⁵

Ничего удивительного, что в период Первой русской революции 1905—1906 годов лидером читательского интереса становится политическая и политэкономическая литература. «Революционные издания, печатавшиеся за границей, сравнительно легко проникали в Россию. С ростом оппозиции спрос на эмигрантскую литературу был большой. Ею зачитывались в России, безбоязненно передавали ее друг другу даже малознакомые люди», — пишет в своих воспоминаниях А. Тыркова-Вильямс. ⁶⁶

«Это был период <конец XIX — начало XX века> очень сильной тяги к печатному слову, когда этапы плавного постоянного роста интереса к нему, порожденного чисто социальными потребностями, сменялись резким усилением потребности в печатном слове, вызываемым политическими потрясениями — войнами и революциями». ⁶⁷ Но интерес к политической литературе всегда столь же быстро угасал после всех войн и революций. Однако порожденный политическими катаклизмами интерес к чтению как таковому уже только усиливался. «На первый план в чтении все больше выходили периодические издания, особенно газета, иллюстрированный журнал и брошюрные сериальные издания (типа сыщицких сериалов)». По данным выборочных опросов, проведенных в гимназиях в 1909 году, 80% учащихся относились к сыщицкой литературе с интересом; суммарный разовый тираж общих и литературных ежедневных газет, рассчитанных на средних и «низовых» читателей, увеличился с 900 тысяч в 1900 году до 2,2 миллиона к 1914 году. ⁶⁸

Начало в 1914 году Первой мировой войны стало началом нового цикла политизации русского общества. Но уже в

1919 году В.М. Муратов в цитированной выше работе с искренностью абсолютно аполитичного профессионала настаивает: «Что касается так называемой политической литературы, то теперь общественными организациями этот вопрос уже ставится менее остро, чем в начале революции, когда продажа книг чаще всего рассматривалась как средство партийной пропаганды. Однако и сейчас не лишне подчеркнуть, что книжный склад и магазин так же, как и библиотека, обязан вести прежде всего культурную работу и не может становиться орудием политической борьбы, которая неминуемо отрезет от него большую или меньшую группу людей».⁶⁹

Ведущее профсоюзное издание на Урале «Рабочий журнал» в 1924 году вынужден был признать: политические журналы, «собрания сочинений Ленина, Плеханова и Шекспира лежат в шкафах <библиотек> неразрезанными».⁷⁰ Такое переформатирование интересов читающей публики было, конечно, нетерпимо для начинавшего приходить в себя после всех войн и революций победившего пролетарского государства. Совершенно изумительное в своем роде свидетельство этого «закипающего» государственного нетерпения приводит на страницах журнала «Книга и революция» в декабре 1920 года И. Степанов (нетрудно установить, что это не кто иной, как член РСДРП с 1896 года, известный большевик, первый министр финансов Советской России Иван Иванович Скворцов-Степанов, 1870–1928): «Я преднамеренно пишу топорно, может быть, даже грубо, — без всяких обиняков признается этот заместитель заведующего Госиздатом. — С одной стороны, я очень грубый, упрощенный коммунист⁷¹ и нахожу, что диктатура пролетариата и любезный, приветливый либерализм — две вещи несовместимые. А с другой стороны, мне хочется, чтобы читатели почувствовали всю нелепость положения, в котором находится у нас книгоиздательское дело <...>. Затеваются бесконечные серии из десятков и сотен книг по десяткам листов в каждой. Быстро раздаются заказы. И само собой разумеется, всякая книжка признается на

редкость талантливой и восполняющей зияющий пробел в нашей литературе, хотя бы это была сто первая или тысяча первая книжка о Линкольне, Лютере, Японии, вулканах, землетрясениях и т. д. <...> Отделы Компроса тоже вынуждены урезать себя до последних пределов. I том «Капитала» отпечатан всего в 20 000 экземпляров, и не предвидится возможности повторных изданий. «Азбуки коммунизма» в Москве отпечатано всего 50 000 экземпляров. Все это невыразимо ничтожные цифры по сравнению с действительной потребностью. Госиздат вынужден до последней крайности экономить бумагу». ⁷² (Стоит отметить, что здесь не обошлось, похоже, и без личных мотивов: как раз в 1920 году И.И. Скворцов-Степанов закончил перевод на русский язык и редактуру трех томов «Капитала» Маркса.)

Весь этот пульсирующий, булькающий поток, гремучая вольная смесь или, выражаясь в современных терминах, *pop fiction*, — книжки «о Линкольне, Лютере, Японии, вулканах, землетрясениях» вкупе с десяткитысячными тиражами «Азбук коммунизма» и «Капиталов», очевидно, требовал системобразующего каркаса. Выстроить эту конструкцию в Советской России могло только государство. В словах «грубого, упрощенного коммуниста» И. Степанова этот запрос сформулирован очень ясно. Мало того, им произнесено и «волшебное» слово: «Госиздат», государственное издательство...

«Госиздат не будет издавать макулатуры...»

Государственное издательство РСФСР (Госиздат, ГИЗ) — это буквально эпоха в истории книжного дела в Советской России. Эпоха, поместившаяся в 11 лет — с 19 мая 1919 года по 30 июля 1930-го.

* * *

Основная цель создания Госиздата понималась предельно четко: организовать единую издательскую систему в общегосударственном масштабе. «Задачи Госиздата, как они определяются

декретом от 19 мая 1919 года, таковы, что для литературного производства он должен был сделаться тем, чем В.С.Н.Х. <правительство Советской России> является для промышленного производства», — ни больше, ни меньше: именно так оценивалась значимость только что созданного Госиздата И.И. Скворцовым-Степановым.⁷³ Кстати, короткое время Иван Иванович Скворцов-Степанов даже был заведующим Госиздатом — с 29 марта по июль 1920 года, а затем и заместителем заведующего. Так что это слова совспеца, понимавшего ситуацию изнутри. Да, собственно говоря, советская власть и не скрывала своих намерений...

«Обязательное постановление

В целях налажения печатного дела в Р.С.Ф.С.Р. и в целях укрепления того единого аппарата печатного слова, каковым является, на основании положения В.Ц.И.К. от 19 мая 1919 года, Государственное издательство настоящим объявляет к сведению и руководству Полиграфического отдела В.С.Н.Х. и всей Р.С.Ф.С.Р.

1) Ни одна работа, исключая только типографские бланки, канцелярские формы и другие подобного рода технического характера работы, не может быть сдана в набор без разрешения на то центрального управления Государственного издательства в Москве и его отделений в провинции.

2) Вся печатная бумага, находящаяся в типографиях, находится на учете в Государственном издательстве и его отделениях. Бумага эта может расходоваться только по разрешениям Государственного издательства и его отделений.

3) Государственному издательству и его отделениям предоставляется право надзора за ходом работы Государственного издательства и его отделений в типографиях, литографиях, цинкографиях и др. графических мастерских В.С.Н.Х. и установления очередей и их спешности, однако, без вмешательства во внутренний распорядок этих заведений.

Настоящее постановление должно быть доведено до всеобщего сведения всех графических заведений республики.

Нарушение сего обязательного постановления повлечет за собою помимо предания суду революционного трибунала и арест в административном порядке.

Чрезвычайно-уполномоченный Совнаркома по делам бумажной промышленности и печати *К. Шедчиков*.

Председ. Полиграфотдела В.С.Н.Х. *Н. Дербышев*.

Заместитель заведующего Государственного издательства

Д. Вейс.⁷⁴

Фактически была создана, как сказали бы сегодня, госмонополия с вертикально интегрированной структурой. Причем очень жесткой структурой: «Нарушение сего обязательного постановления повлечет за собою помимо предания суду революционного трибунала и арест в административном порядке», — это уже не шутки. В 1920 году все запасы бумаги в типографиях состояли на учете в Госиздате, ни одно издание не могло выйти без разрешения Центрального управления ГИЗ.⁷⁵

Но даже и эти жесткие — жесточайшие! — меры не спасали ситуацию. В начале 1921 года один из руководителей Госиздата писал в явно апокалипсическом настроении: «...положение с бумагой — небывало ужасно, — на всю РСФСР 8000 стоп, или 10 000 пудов на февраль и март, т. е. на два месяца».⁷⁶ (Если учесть, что в то время количество листов в стопе в России не регламентировалось жестко — от 480 до 500, — то легко подсчитать общее количество типографских листов: около четырех миллионов.) Дело дошло до того, что 15 февраля 1921 года Совет Народных Комиссаров поручает Президиуму ВСНХ сократить число полиграфических предприятий, с тем чтобы собрать в оставшиеся квалифицированные кадры и лучшие технические средства.

Вся мощь этой государственной литературно-книжно-издательской монополии была направлена на упорядочение, как его понимали «грубые, упрощенные коммунисты», а по существу — на ликвидацию частных издательств. Не случайно тот

же И. Степанов признавался: «Нелегко наладить Государственное издательство. Так нелегко и так много приходится здесь преодолевать посторонних обстоятельств более или менее отталкивающего свойства, что по временам хотелось бы бросить все дело и попросить, чтобы на него отыскиали более гибких людей, которые пообещают сочетать социалистическое строительство с сохранением капиталистических отношений».⁷⁷

Заметим, что И. Степанов в цитируемом отрывке вступает в явную полемику с решениями только еще готовящегося X съезда РКП(б) в 1921 году, провозгласившего «переход от железного, сурового и прямолинейного “военного коммунизма” к гибкой, эластичной и маневренной “новой экономической политике”». В крике души И. Степанова — выплеснувшаяся на публику борьба внутри руководства ВКП(б) того периода.

Как бы там ни было, нэп (новая экономическая политика) быстро добрался и до книгоиздательской сферы. Этому очень поспособствовал декрет СНК РСФСР о платности изданий. Декрет этот оказал огромное влияние на все книгоиздательское дело в стране, заставив издательские и полиграфические предприятия в Советской России перейти на хозрасчетные отношения. ГИЗ получает возможность прекратить выпуск ведомственной литературы и в ускоренном темпе начинать развивать собственную издательскую деятельность.

Но борьба с книжной рыночной стихией вообще, и с частными издательскими фирмами в частности, до тех пор, пока она, рыночная стихия (нэп), допускалась хотя бы в принципе политическим руководством страны, дело неблагодарное. Даже в экономическом плане. «Частники», например, могли выплачивать гонорары своим авторам значительно более высокие, чем Госиздат. Этого тов. И. Степанов стерпеть уже не мог: «...это указание, не новое для меня, является дополнительным доводом в пользу быстреего сокращения частных издательств. Некоторые из них повышают существующие ставки <авторских гонораров> в полтора, два, даже три раза и, на-

сколько можно раскрыть эту сторону дела, ни одно не “унижается” до установленных ставок. <...> В издательском деле мы терпим постыдное положение; мы допускаем премии как раз для тех, кто поворачивается к нам спиной, кто стал на почву очень дешевой оппозиции: я не унижусь до работы с вами, но я буду получать чрезвычайные гонорары из *средств Советской России*. <...> Я — не противник повышения гонораров, иногда очень большого; но при том непрременном условии, чтобы право на повышение принадлежало исключительно Госиздату по отношению к работающим на него авторам. Только при этом условии Госиздат будет развиваться нормально и сумеет привлечь необходимых специалистов по всем отраслям знания».⁷⁸

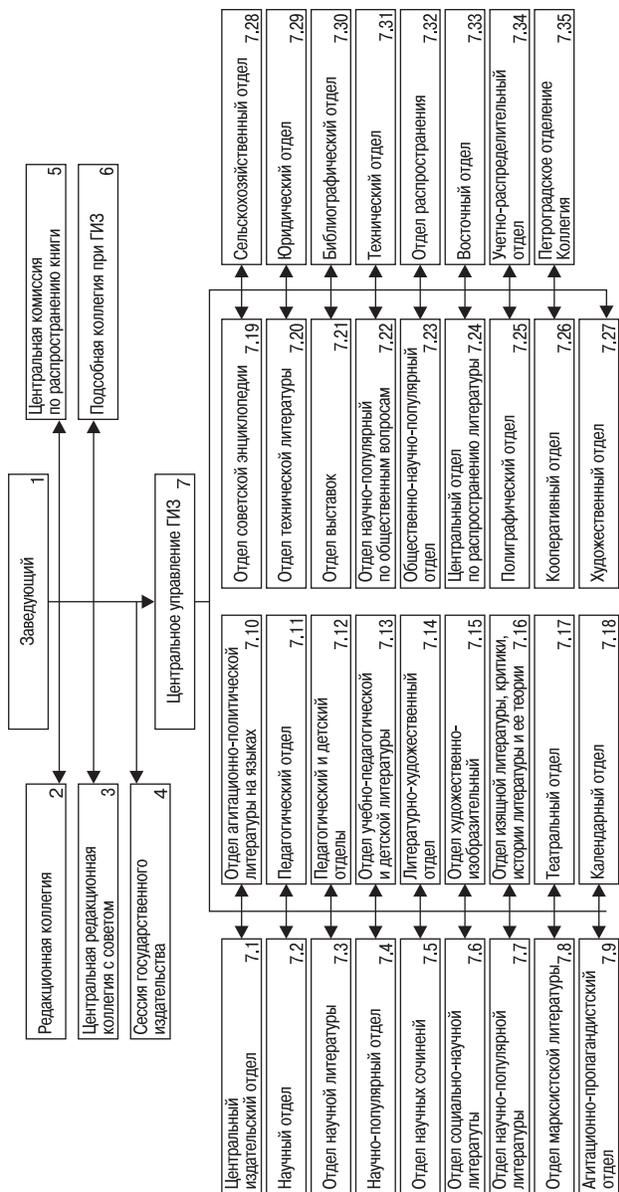
* * *

Структура Государственного издательства действительно была задумана и реализована с размахом (см. рис. 1). Руководящим и направляющим (в идеологическом плане) органом издательства была Центральная редакционная коллегия; ее состав назначался Правительством. Редакционный аппарат Госиздата поначалу состоял из отделов: 1 — научный; 2 — агитационно-пропагандистский; 3 — научно-популярный (естественные и точные науки; в редколлегию этого отдела вошли К.А. Тимирязев и В.А. Костицын); 4 — общественно-научно-популярный; 5 — педагогический и детский; 6 — литературно-художественный; 7 — отдел марксистской литературы; 8 — кооперативный.⁷⁹

Правда, отделы Госиздата были неравноценны по своим функциональным возможностям. Так, литературно-художественный, научный и наш любимый научно-популярный отделы вели в основном только подготовительную редакционную работу. Ничего удивительного: все ресурсы (типографские и бумажные) были обращены на пропаганду, приходилось экономить. Тем не менее в конце 1920 года при научно-популярном отделе были образованы несколько комиссий: биологическая,

Рис. 1. Структура Госиздата, 1919 год

Госиздат РСФСР НКП РСФСР. 1919 г.

Источник: Институты управления культурой в период становления. 1917 — 1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: Схемы... С. 241.

физико-химическая, геологическая, географическая, астрономическая, которые и вели всю редакторскую подготовку поступавших рукописей, разрабатывали тематические планы.

В результате ряда реорганизаций, которые начались едва ли не сразу же после создания Госиздата, к 1924 году это был, по сути дела, холдинг самостоятельных специализированных издательств с общим административно-финансовым руководством. «По размаху работы, по количеству изданий каждый из редакционно-издательских секторов действительно был крупным издательством. Учебный отдел выпустил в 1924 году 638 названий, научный — 440, социально-экономический — 665, литературно-художественный — 300, научно-популярный — 150 названий», — отмечает И.А. Шомракова.⁸⁰ Для сравнения: годовая продукция издательства «Молодая гвардия» в том же году составила 445 названий; «Прибой» — 602; «Работник просвещения» — 222; «Новая Москва» — 498 названий.

Причем художественная, эстетическая и идеологическая планка ставилась перед Госиздатом сразу весьма высоко: «Государственное издательство не будет издавать макулатуры, оно будет выпускать в свет только достойные того издания. Оно положит конец тому наводнению рынка произведениями бездарностей, что имело место при капитализме. <...> Само собой понятно, что издательство не может давать хода работам только коммунистов, потому что, с одной стороны, коммунисты не так богаты литературными силами, с другой — их лучшие представители заняты повседневной работой. Поэтому открывается широкий простор и для издания работ лиц, не принадлежащих к нашей партии», — заявлял в открывающей первый номер журнала «Книга и революция» статье член редколлегии В. Быстрянский.⁸¹ (В дальнейшем В.А. Быстрянский возглавит руководство Петрообллитом.)

В 1920 году такое еще вполне можно было сказать и даже напечатать без всяких последствий. Последствия начнутся лет через семь-десять. Напомню, издание это, «Книга и революция»,

Таблица 2.8. Тематика книг, выпущенных Петербургским отделением Госиздата в 1920 году

Название отдела	Количество	
	названий	экземпляров
Общественно-политический	139	7 002 000
Беллетристика (классики, современная литература и др.)	128	5 250 000
Сельскохозяйственный	96	914 000
Научно-учебный отдел	69	2 753 000
Отдел плакатов и портретов	53	640 000
Журналы	44	405 000
Разные издания	16	202 000

которое так обильно я уже цитировал, было, между прочим, ежемесячным критико-библиографическим журналом Петербургского отделения Государственного издательства. Имеются любопытные данные о работе этого отделения в 1920 году.⁸² Книг, брошюр, журналов, плакатов было выпущено 545 названий общим тиражом 17 166 000 экземпляров (см. табл. 2.8).

И опять научно-учебный отдел занимает по тиражам третье место. А внутри него раскладка выглядела следующим образом: группа научно-популярных книг — 36 названий; книг по внешкольному образованию — 16; учебников — 9; научные труды — 6; книги по дошкольному образованию — 2. То есть научно-популярных книг по названиям было выпущено больше, чем всех остальных типов научно-учебных книг в сумме.

Книжный репертуар научпопа был весьма разнообразен. Достаточно назвать книги Н.А. Рубакина «Рассказы о великих и грозных явлениях природы», «Путешествие на край света», «Рассказы о подвигах человеческого ума», «Как люди научились летать», «Среди тайн и чудес»; Бельше — «Любовь в

природе» и ряд брошюр по естествознанию того же автора; Хвольсона — «Значение науки для человечества»; Шмидта — «Загадки жизни» и «Основы жизни»... При этом средний тираж по всем отделам составил 30 тысяч экземпляров, а средний объем книги — $5\frac{1}{2}$ печатных листов.

В полном смысле слова — страна победившего научпопа! Это позже, в 1930-е годы, на страницах советской периодики замелькают названия: «СССР — страна качественной стали», «Советский Союз — великая железнодорожная держава»... В начале же и середине 1920-х речь шла пока лишь об «унавоживании» почвы. «Пусть американские капиталисты не трогают нас, — заявлял В.И. Ленин 18 февраля 1920 года в интервью американскому информационному агентству. — Мы их не тронем. Мы готовы даже заплатить им золотом за полезные для транспорта и производства машины, орудия и проч. И не только золотом, но и сырьем... Мы за [экономический] союз со всеми странами, никого не исключая... Обмен машин на хлеб, лен, на другое сырье — может ли быть неблагоприятным для Европы? Явно не может не быть благоприятным».⁸³ Вряд ли без массивной естественнонаучной, научно-технической и в том числе научно-популярной артподготовки такое индустриальное развитие в Советской России стало бы возможно.

Но даже такому монстру, как Госиздат, приходилось непросто в те годы. Научпоп до последнего пытался увернуться от тотальной централизации. «Несмотря на все попытки концентрации научного издательства в едином центре, эти попытки к цели не привели, и подобно молодым побегам, то тут, то там возникают небольшие культурные начинания в форме кооперативных издательств, с большим трудом “проталкивающих” несколько книг, интересных самих по себе и вдвойне привлекающих к себе внимание при том поистине ужасающем книжном голоде, который превосходит, может быть, или во всяком случае не уступает продовольственному, — то ли сокрушается, то ли радуется неутомимый М.А. Блох, в очередной раз обзоре-

вая перипетии научного книгоиздательства в Советской России. — Можно только вновь и вновь пожелать успеха молодым издательствам и общего облегчения условий научной и научно-издательской работы».⁸⁴

Через полгода он же напишет: «В судьбе научной книги намечается некоторый сдвиг и значительное оживление. От одной крайности — попытки сконцентрировать всю издательскую работу в одном месте, мы перешли к другой, являясь свидетелями все увеличивающегося числа новых частных издательств. Наряду с этим воскресают и постепенно возобновляют работу некоторые старые издательства. Значительно увеличилось число выходящих журналов, и появился новый тип изданий, который мы попытались бы охарактеризовать словом «журнал-книга» и который, как бы иллюстрируя совершенную неуверенность в том, что когда-то выйдет следующий номер, избегает дробления статей на несколько номеров и пытается дать нечто цельное и самодовлеющее в каждом отдельном выпуске».⁸⁵

Судьба известного русского издательства «П.П. Сойкин», специализировавшегося на выпуске научно-популярных и научных книг (хотя в репертуаре издательства были и беллетристика, и философия), — очень характерный пример, иллюстрирующий сказанное. В марте 1918 года оно было национализировано — вместе с типографией и со всеми запасами бумаги и книг.

...Еще в 1895 году Петр Петрович Сойкин издал сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Среди авторов — Г.В. Плеханов, П. Сковрцов, А. Потресов, В.И. Ленин. Причем статья Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» — это первое выступление В.И. Ленина в легальной печати. В 1899 году в издаваемом Сойкиным журнале «Научное обозрение» печатаются еще две статьи В.И. Ульянова-Ленина: «Заметка к вопросу о теории рынков» и «Еще к вопросу о теории реализации». К тому времени Ленин находился в ссылке в

Шушенском. Сойкин аккуратно выслал ему гонорар в Минусинск — 54 рубля.

Хотя сам Сойкин никогда не был ни марксистом, ни революционером, но отмеченное выше обстоятельство, по видимому, помогло ему в 1922 году вновь зарегистрировать свою издательскую фирму «П.П. Сойкин». Упомянувшийся выше заведующий Петрообллитом В.А. Быстрянский на ходатайстве Сойкина оставляет резолюцию о беспрепятственной регистрации его издательства под фирмой «П.П. Сойкин».

Одним из самых заметных научно-популярных проектов возрожденного издательства стал журнал «Вестник знания». Интересно, что инициатива нового издания принадлежала группе известных ученых того времени, прежде всего академику В.М. Бехтереву. Сойкина с Бехтеревым, помимо всего прочего, связывала еще и личная дружба с еще дореволюционных времен: в издательстве «П.П. Сойкин» в 1907—1910 годах вышел капитальный труд Бехтерева «Объективная психология». Хотя новый журнал, «Вестник знания», был рассчитан на самого широкого читателя самого разного уровня подготовки, первыми главными редакторами издания были академики В.М. Бехтерев (1926—1927 годы); С.Ф. Платонов (1926—1929-е); затем, с 1930 года, — академик Н.А. Морозов.

Не отступая от своих излюбленных принципов ведения издательского бизнеса, П.П. Сойкин начинает выпускать сразу пять научно-популярных книжных серий: «Классики мировой науки», «Итоги науки», «Вселенная и человечество», «Библиотека знания», «История искусств всех времен и народов». Всего в советское время П.П. Сойкин выпустил более ста наименований книг. А в 1927 году он возрождает свое любимое детище — журнал «Природа и люди». Но это был уже не еженедельник, а ежемесячник. Именно в этом сойкинском журнале были опубликованы такие классические сегодня научно-популярные работы, как очерки А.Е. Ферсмана «В песках Каракумов»,

«На островах Лиу-Киу» П.Ю. Шмидта, книга П.К. Козлова «В сердце Азии»...

«Подводя итог типографско-издательской деятельности П.П. Сойкина в советское время, необходимо особенно подчеркнуть, что издания Сойкина полностью отвечали целям и задачам Государственного издательства в деле популяризации знаний среди широких слоев трудового народа, — подчеркивали советские книговеды. — Достаточно сравнить научно-популярные приложения к “Вестнику знания”, сами принципы их создания, с научно-популярными сериями, выпускавшимися в 1920-х годах Государственным издательством».⁸⁶ Хотя вопрос — кто у кого повторял редакционно-издательскую политику? — требует, конечно, отдельного исследования.

Как бы там ни было, 16 ноября 1930 года издательство «П.П. Сойкин» вошло в состав Ленинградского областного издательства (в дальнейшем — Лениздат).

Взятая Госиздатом на себя функция главного агента государства в укреплении «единого аппарата печатного слова» оказалась чрезвычайно тяжелой ношей. Хотя, казалось бы, полномочия Госиздат имел исключительные. Напомню: 1) ни одна работа... не может быть сдана в набор без разрешения на то центрального управления Госиздата в Москве и его отделений в провинции; 2) вся печатная бумага, находящаяся в типографиях, находится на учете в Государственном издательстве и его отделениях и бумага эта может расходоваться только по разрешениям Госиздата и его отделений. Но эти исключительные полномочия очень скоро обернулись для самого Государственного издательства совсем неожиданными проблемами.

* * *

«И сыплются на Госиздат требования от ведомств: в ударном порядке издать двадцать, тридцать, полсотни листов, т. е. книги и книжищи в триста, пятьсот, восемьсот страниц; отчеты о том, что следовало бы и что хотели бы сделать, сборники при-

казов и распоряжений, — жалуется нестигаемый И. Степанов. — Из типографий вытесняются научно-популярные книги, и работы, принятые Госиздатом, теряются в длинном хвосте, вытянувшимся перед типографиями. Предварительный подсчет, произведенный за шесть месяцев, показал, что на такую ведомственную литературу ушло до двух пятых всех наборных средств московских типографий». ⁸⁷ (К слову сказать, к тому времени Государственное издательство уже наладило выпуск трех крупных и, как показало время, устойчивых серий научно-популярных книг: «Наука для всех», «Начатки естествознания», «Популярно-научная библиотека».) В феврале 1921 года Госиздат вынужден был принять решение об ограничении издания ведомственной литературы. ⁸⁸

Ничего не помогало! Совнарком по нескольку раз в месяц, как под копируку, принимал постановления, подобные постановлению от 21 июля 1919 года: «об отпуске 660 тысяч рублей Народному комиссариату по военным делам сверхсметным кредитом на покрытие расходов по изданию “Известий Народного комиссариата по военным делам”». ⁸⁹

А ведь какие надежды связывались с организацией Госиздата! Какие радужные перспективы рисовались! «Печатание книг, продуктов духовного творчества, находилось в руках издателя, руководившегося в своей работе отнюдь не заботами о высших запросах духа, а требованиями рынка, — пишет В. Быстрянский. — Не интересы культуры, а прибыль, потворство улице, угождение рыночному спросу, который был спросом господствующего класса буржуа, — вот что определяло работу издательств. Известно, до какой глубины падения довело господство капитала периодическую прессу Запада... Известно, какое распространение получила в последнее время развращающая литература разного рода: порнографическая, сыщицкая и разбойничья... В рамках буржуазного строя невозможна действительная борьба с этим злом... Писатель попадает тем в большую зависимость от издателя, что весь темп жизни при капитализме

с его бешеной погоней за наживой ведет к понижению спроса на серьезную книгу, “что современный человек более и более отвращается от серьезного чтения к легкомысленному и от книги к газете”». ⁹⁰

Эти ожидания, казалось, вполне подтверждались и действиями правительства. Уже 21 августа 1918 года Отдел по делам печати Московского совета рабочих и крестьянских депутатов принимает решение «Об изъятии из обращения уголовно-лубочной и порнографической литературы». ⁹¹ 19 мая 1919 года уже Совет народных комиссаров принимает постановление «об изъятии из продажи лубочной литературы». ⁹² А через год, летом 1920 года, выходит «Постановление Совета Народных Комиссаров о передаче библиографического дела в РСФСР Государственному издательству».

Совет Народных Комиссаров постановлял ⁹³:

«1. Библиографическое дело в РСФСР передается в ведение Народного комиссариата просвещения.

2. На обязанность Народного комиссариата просвещения возлагается регистрация всех печатных произведений, выходящих в РСФСР, и опубликование списка этих произведений.

3. Народный комиссариат просвещения содействует развитию библиографии, для чего учреждает на местах и принимает в свое ведение уже существующие книжные палаты и их агентуры, открывает библиографические институты и курсы, организует библиографические библиотеки, издает книги и журналы по вопросам библиографии, регулирует и согласует деятельность всех библиографических учреждений и обществ.

4. Народный комиссариат просвещения издает обязательное постановление о бесплатном снабжении вновь выходящими печатными произведениями государственных и иных книгохранилищ и определяет, каким книгохранилищам должны предоставляться бесплатные экземпляры.

5. В осуществление настоящего постановления Народный комиссариат просвещения издает обязательные правила, ви-

новые в нарушении коих подвергаются взысканию по приговору народного суда.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Управляющий делами *Влад. Бонч-Бруевич.*

Секретарь *Л. Фотиева.*

Москва, Кремль, 30 июня 1920 г.»

Все вытекающие из этого декрета СНК практические задачи были возложены как раз на Госиздат. При нем создается Центральная книжная палата с отделениями регистрации и редакции, архива и библиотеки.

«Самодержавная Россия смотрела на всякую печать как на подведомственное полиции зло, и потому, естественно, передала ее всегдашней заботе министерства внутренних дел, — комментировал это постановление СНК некто М. Готов. — Теперь к этому делу приставлен Наркомпрос, единственный *государственный маховик*, который может привести в движение новый механизм и притом в совершенно обратную сторону: от полицейского зла к народной пользе».⁹⁴

Впрочем, еще раньше, в мае 1918 года, при научно-популярном подотделе Литературно-издательского отдела Наркомпроса была образована комиссия по естественнонаучной литературе.

«Государственный маховик» — кто бы спорил! — вещь серьезная. Руководство Госиздата считало, что научно-популярная книга «...должна охватывать все отрасли естествознания и техники, выясняя как твердо установившиеся факты, так и вопросы, живо занимающие научную мысль в настоящее время... она должна быть проникнута той же идеологией научного материализма, чуждой всякого мистицизма, всякой метафизики, всякой религиозности».⁹⁵ Но, как мы убедились, маховик этот чересчур уж инерционный механизм.

К концу 1920-х годов Госиздат превратился в грандиозный издательский трест. (Забегая вперед, можно отметить, что за 11 лет своей работы, т. е. к 1930 году, Государственное издательство выпустило 29 555 наименований книг и брошюр общим тиражом 610,3 миллиона экземпляров.⁹⁶ По некоторым оценкам⁹⁷, в последние годы своей деятельности ГИЗ выпускал около половины всей издательской продукции в СССР!) И поэтому, даже в рамках национализированного издательского дела, начинают формироваться специализированные издательства, прежде всего при наркоматах, занимающиеся в том числе и выпуском научно-популярной литературы. Кстати, и социальный заказ, если можно так сказать, на такую литературу имелся самый неотложный.

Так, летом 1920 года Главное военно-ветеринарное управление объявляет конкурс на научно-популярные брошюры по следующей тематике: чесотка и борьба с нею; сап; лошадь в Красной Армии и уход за нею; ковка лошади и ее значение. Требования к конкурсантам предельно четкие: «брошюры должны быть написаны простым, ясным и популярным языком и главной своей целью имеют распространение среди красноармейцев. Размер брошюры не должен превышать двух печатных листов.

За премированные брошюры, сверх установленной платы (построчной или полистной), будут выданы: 1-я премия — 15 000 рублей, 2-я премия — 10 000 рублей и 3-я — 5000 рублей. <...> Крайний срок представления — 15 августа 1920 года.»⁹⁸ Объявлений о такого рода конкурсах было достаточно много в то время.

Вообще для развития издательской деятельности при Народном комиссариате здравоохранения в октябре 1918 года была образована издательская секция. Согласно постановлению СНК от 25 июля 1921 г. издание противозидемической литературы рассматривалось как ударная работа. Надо назвать хотя бы некоторые из выпущенных Наркомздравом популяр-

ных брошюр: «Санитарное состояние России, задачи и меры ее оздоровления» (З.П. Сорокин), «Сыпной тиф и борьба с ним» (А.Н. Сысин); «Об охране чистоты питьевых вод» («А.В. Мольков»); «Пролетарская болезнь (туберкулез)» (Н.А. Семашко)... О масштабах выпуска научно-популярной литературы Наркомздравом говорят такие цифры: популярных брошюр, не считая плакатов и листовок, было издано с января 1919 года по январь 1922-го более 1,5 миллиона экземпляров; монографий сборников, учебников, справочников — 13 тысяч экземпляров.⁹⁹

И этот, казалось бы, монотонный поток *брошюрятины* сделал свое дело. Уже в 1926 году коэффициент смертности в СССР составил 20,3 человека на 1000 населения против 32,4 — в конце XIX века в России.¹⁰⁰ Снижение коэффициента смертности явно не обошлось без вклада санпросветработы.

9 октября 1918 года по решению Научно-технического отдела ВСНХ было организовано научно-техническое издательство — будущий Гостехиздат. Уже в начале 1919 года оно выпустило в серии «Инженерно-промышленная библиотека» 10 книг тиражом 45 тысяч экземпляров. В следующем, 1920 году, — 24 книги тиражом 105 тысяч экземпляров.¹⁰¹

Техническое издательство при Народном комиссариате почт и телеграфов выпускает труды видных ученых и инженеров: «Популярный курс телефонии» В.И. Коваленкова, «Электричество и магнетизм» В.К. Лебединского, «Курс радиотехники» М.В. Шулейкина...

Выпуск научно-популярной литературы Наркомземом в 1918–1920 гг. составил 60% по количеству названий и 80% по тиражу! «Демократизировать сельскохозяйственную литературу в смысле ее удешевления и распространения в широких массах крестьянства»¹⁰² — так ставилась задача в 1919 году.

В итоге более 80% выпуска по названию и тиражу в издательской деятельности наркоматов составляла научная, научно-популярная, учебная и справочная литература.

6 декабря 1921 года выходит постановление СНК РСФСР «Об улучшении быта ученых». «В целях наилучшего использования научных сил страны для восстановления народного хозяйства, а также обеспечения научным работникам возможности спокойной и планомерной работы» устанавливалось с 1 января 1922 года дополнительное академическое обеспечение для 7000 научных работников. И в числе прочих мер поддержки было установлено премирование «научных, научно-учебных и научно-популярных работ».

В декабре 1924 года издательская деятельность Академии наук была объединена во вновь созданном Издательстве АН СССР. (Этот шаг, как покажет дальнейшее развитие событий, сыграет принципиально важную роль в научном книгоиздании вообще и в научно-популярном книгоиздании в частности. Об этом сюжете в нашей истории еще представится повод поговорить более подробно.)

Однако ГИЗ стремился взять под крыло все области издательской деятельности в СССР, заставив издательские органы наркоматов и ведомств работать через свой аппарат. И действительно, соревноваться в выпуске научно-популярной литературы с Госиздатом специализированным наркоматовским издательствам было трудно. К 1925 году Государственным издательством было опубликовано около 300 наименований научно-популярных книг. Но — и это самое интересное для нас! — все они были очень быстро «проглочены» рынком. Это означало, между прочим, что *в стране, на долю которой до 1917 г. приходилось всего лишь 2,6% в общем объеме валовой продукции всей мировой промышленности, появился массовый потребитель научно-популярной литературы*. Факт сам по себе заслуживающий внимания.

Парадоксально, но рынок научпопа, созданный в немалой степени усилиями Государственного издательства, в итоге и поглотил своего создателя. Причем процесс этого «переваривания» Госиздата был вполне эволюционным.

* * *

На VII Всесоюзном съезде ВЛКСМ, 16 мая 1928 года, И.В. Сталин выступил с речью: «Овладеть наукой, выковать новые кадры большевиков-специалистов по всем отраслям знаний, учиться, учиться, учиться упорнейшим образом — такова теперь задача. Массовый поход революционной молодежи в науку — вот что нам нужно теперь, товарищи».

Но у этого явления — «массового похода революционной молодежи в науку» — была и обратная сторона, которая не афишировалась: низкое качество общеобразовательной подготовки абитуриентов. Так, при проверке грамотности поступающих в Пермский университет в 1927 году выяснилось, что 40% из поступавших не знали элементарные правила русского языка.¹⁰³

В 1928 году ЦК ВКП(б), стараясь обеспечить кадровый потенциал принятого курса на индустриализацию страны, принимает постановление «О мероприятиях по улучшению юношеской и детской печати». Читаем: «...необходимо создание популярной научной и технической литературы, дающей молодежи познания по основным вопросам естествознания и техники».¹⁰⁴

В 1929 году Агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б) отмечает, что план Госиздата по выпуску научно-популярной литературы не соответствует партийным директивам. А директивы были такими: выпуск научно-популярной литературы должен быть связан с задачами социалистической реконструкции народного хозяйства, с необходимостью срочно и кардинально поднять общеобразовательный и специально-технический уровень рабочих и инженеров.

В итоге в июле 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе Госиздата РСФСР и об объединении издательского дела».¹⁰⁵ На базе Государственного издательства при объединении его с 27 другими издательствами создается 13 специализированных издательских фирм, работающих на хозрасчете. Все это отныне называется Объединенное государственное изда-

тельство (ОГИЗ РСФСР). В него-то и вошел Госнаучтехиздат (ГНТИ).

ГНТИ был образован объединением Гостехиздата, Химтехиздата, Нефтяного издательства, Научного отдела Госиздата, «Транспечати», Всесоюзного электрообъединения. Впоследствии ГНТИ «переформатировали» в Объединение научно-технических издательств (ОНТИ). И почти сразу же, в 1931 году, ОНТИ начинает издавать научно-популярную серию «Наука — массам». Здесь уже присутствовала четкая структура: «Наука — массам», в свою очередь, делилась на отраслевые серии.

Но окончательно созданный индустриализацией рынок научпопа в стране был подобен черной дыре: вся более или менее качественная научно-популярная (шире — научно-техническая) литература исчезала в нем чуть ли не мгновенно. Как нельзя более кстати здесь известная поговорка: за что боролись, на то и напоролись. Один пример, ее иллюстрирующий.

«Непрерывно растущее автомобильное хозяйство в нашей стране вызывает исключительный спрос на книги об автомобиле. Первый магазин Могиза в Москве ежедневно получает 20–30 писем с запросами об этой литературе. Многократные издания книг Курова и Чудакова, выпускаемые большими тиражами, все же не могут удовлетворить потребность. И поэтому анекдотически выглядит выпуск Гострансиздатом нужнейшей книги Соловьева «Справочник шофера» тиражом 5000 экземпляров».¹⁰⁶ Вот такие были поводы для анекдотов в ревущие 30-е в Советском Союзе.

Выдающийся отечественный популяризатор науки, создатель нового научно-популярного жанра — «занимательная наука» — Яков Перельман писал в то время: «Издавать общедоступную книгу в количестве 10–20 тысяч экземпляров при нашей огромной читательской аудитории почти все равно, что не печатать книги вовсе. Надо заботиться не только о создании хорошей книги, но и о том, чтобы она печаталась большим тиражом и достаточно часто переиздавалась».¹⁰⁷

Кстати, перельмановская серия «Занимательная наука», начавшая выходить в 1926 году в издательстве «Время»* (затем она издавалась в ОНТИ и в «Молодой гвардии») за короткое время набрала тираж более двух миллионов экземпляров. «Общее число экземпляров всех написанных мною книг и брошюр (около 40 названий), разошедшихся в послереволюционное время, достигает 3 000 000, не считая переводов на национальные и иностранные языки, — отмечал Яков Перельман в 1937 году. — Более половины этого тиража (1 700 000 экземпляров) падает на 15 книг популярно-научного характера; остальные — учебные руководства».¹⁰⁸

Сам же Перельман очень точно указал и причину такого читательского интереса. «Такое широкое распространение, выпавшее на долю моих популярно-научных книг, я объясняю не какими-то особыми их достоинствами, а огромной, все растущей жадной самообразования, повышенным интересом к физико-математическим знаниям среди нашей читательской массы, особенно молодежной, — пишет он. — При такой тяге к знанию неудивительно, что серия книг, в доступном изложении охватывающая круг точных наук — от арифметики и начатков геометрии до элементов алгебры, физики и астрономии, — имеет успех». (Можно отметить, что к 1962 году книги Перельмана издавались в СССР 397 раз; их общий тираж составил около 12 миллионов экземпляров.¹⁰⁹)

И все-таки пример Якова Исидоровича Перельмана — это скорее исключение. В 1936 году Н.А. Рубакин писал Н.К. Крупской из Швейцарии, где он возглавлял созданный им Между-

* Надо заметить, что для кооперативного издательства «Время» это была не единичная акция. Почувствовав, что здесь открывается потенциально огромный читательский рынок, «Время» начинает выпускать целую серию в жанре «занимательной науки». В качестве примера: *Лебедев В.И.* Занимательная техника в прошлом. Книга первая/ изд. 2-е, перераб. и доп. — Л.: Время, 1933. — 211 с. Тираж — 15 000 экз. Были и занимательная физиология, и занимательная химия, и занимательная минералогия...

народный институт библиологической психологии: «Многоуважаемая тов. Надежда Константиновна... не могу не подтвердить еще и еще раз, опираясь и на исследования, и на переписку нашего института за 1917–1936 годы, что, выражаясь Вашими словами, “в помощь учебе необходима подходящая научно-популярная литература, а она почти совершенно отсутствует”. Вы поднимаете теперь этот же самый, столь насущный и архинаболевший вопрос, который, увы! почти без всяких результатов, по имеющимся у меня документам, поднимали в течение последних 18 лет и покойный А.В. Луначарский, <...> и А.С. Бубнов и, наконец, А.М. Горький, да и некоторые другие авторы в СССР. Надо полагать, небезызвестно Вам и то, что решительно каждый раз лишь только этот вопрос ставился там на очередь, я тотчас же подавал и свой скромный голос, голос фанатика и практика популяризации, на защиту его неотложного значения... и в то же время показывая, что то, что у вас считается литературой популярной, вовсе не популярная, что она не только не проникает в читательское нутро, а просто-напросто летает над головами...

Я настаивал и на том, что создать-то научно-популярную литературу для предельных низов дело даже вовсе не трудное при тех средствах и возможностях, какие благодаря величайшей из революций уже имеются в руках рабоче-крестьянского трудового государства, которому и я, как Вы знаете, по мере всех моих личных сил, служил и служу весь мой век».¹¹⁰

Страна требовала хлеба, стали и научно-популярной, шире — научно-технической, литературы. «Дайте книгу строителю!»¹¹¹, «Паровозники без книг», «Нужны новые книги о красителях», «Дайте фрезеровщикам хороший учебник», «Нет книг для работников метро», «Книги для стахановцев — выпустить по-стахановски», «Расскажите о технических победах», «Нужен советский справочник по бетону»... Одним словом, «Нужна советская книга». Статьями с такого рода заголовками были переполнены журналы того времени.¹¹²

Все это, на мой взгляд, позволяет высказать гипотезу: *интерес общества к науке слабо зависит от тиражей научно-популярной литературы. Это именно промышленное развитие тянет за собой развитие системы научно-популярной периодики и литературы. Не наоборот.*

Железная логика «ревущих тридцатых»

Почти идеальная синхронизация мощного индустриального и научно-технического развития с ростом тиражей научно-популярной литературы — эта закономерность наблюдается в странах с совершенно разным политическим устройством. Совпадения между взрывным ростом интереса к научно-популярному жанру и уровнем промышленного и научно-технического развития в тех или иных странах настолько многочисленны и очевидны, что можно, пожалуй, говорить о некоей социальной закономерности. Эта социальная закономерность находит постоянные эмпирические подтверждения и в истории нашей страны.

В 1929—1933 годы основные фонды промышленности, которые к тому времени находились в катастрофическом состоянии, были обновлены на 71,3%, причем не менее $\frac{2}{3}$ — за счет импорта.¹¹³ Вообще, по экспертным оценкам, за период индустриализации в СССР ввезли 300 тысяч станков. За первую пятилетку (1928—1932 годы) в СССР в капитальное строительство было вложено 8 миллиардов рублей — вдвое больше, чем за предыдущие 11 лет.

Особенно высока в общем объеме ввозимых в СССР товаров была доля машин и оборудования. И этот показатель в первой пятилетке шел нарастающим темпом: в 1929 году — 30,1%; в 1930-м — 46,8%; 1931-м — 53,9%; в 1932-м — 55,7%. Советский Союз вышел на первое место в мире по импорту машин и оборудования. В 1931 году около одной трети, а в 1932 году около половины мирового экспорта машин и оборудования направлялось в Советский Союз.¹¹⁴

«В пятилетнем плане при всем обилии революционной шумихи прежде заключена некая русская идея, более того, собственно русская идея, — совсем уж неожиданно точно подметил в 1929 году историк Гюстав Мекке. — Пятилетний план экономического развития России — это не что иное, как переложенная в цифры вечная борьба России за свою независимость... К американской технике, которую они ревностно берут на вооружение, русские добавляют и нечто совершенно свое — это план».¹¹⁵

Заметим, что научпоп тоже не остался в стороне от этого феномена.

* * *

«Книги М. Ильина, известного нашим читателям главным образом своим “Рассказом о великом плане”, представляют интерес как один из образцов советской популярной литературы, — подчеркивают Ф. Бублейников и И. Иноземцев. — Начав свою деятельность с небольших по объему книжечек, описывающих историю различных вещей... Ильин создал большую книгу художественных очерков о переустройстве природы в стране социализма (“Горы и люди”).

В этой книге, как и в “Рассказе о великом плане”, Ильин выходит из пределов комнаты на необъятные просторы нашей родины — на поля и новостройки.

В книгах Ильина появляются новые герои — машины, бурящие землю, грызущие уголь, сосущие ил и песок с речного дна. Анархии и развалу, царящим в капиталистических странах, Ильин противопоставляет величие плановой социалистической стройки».¹¹⁶

Судьба одной из упомянутых книг Ильина — «Рассказ о великом плане» (1-е изд. — 1930 г.) — заслуживает, конечно, отдельного упоминания.

«Фактически каждая страница говорит о гении», — ни много ни мало заявлял директор Педагогического института в Нью-

Йорке, профессор Каунтс. К нему книга Ильина попала с подачи Максима Горького. Сам Горький вспоминал, что он «читал <«Рассказ о великом плане»> и смеялся от радости». В Нью-Йорке и Бостоне книга М. Ильина вышла в 1931 году под названием «Азбука новой России». Но профессор Каунтс сам перевел ее на английский и, не дожидаясь опубликования, переплетенные шесть экземпляров машинописной рукописи передал в библиотеку Педагогического института.

Поэт Поль Элюар специально отмечал высокие художественные достоинства «Рассказа о великом плане», называя М. Ильина поэтом пятилетних планов.¹¹⁷

Ромен Роллан 31 марта 1932 года, прочитав «Рассказ о великом плане», пишет руководству Госиздата: «Среди книг недавно присланных мне... я обнаружил своего рода маленький шедевр. Это книга для детей — “Рассказ о великом плане” Ильина. Я хотел бы, чтобы она была переведена и опубликована на всех языках. Никакая другая книга так непосредственно, доступно и популярно не помогает понять великое значение героической работы СССР. Надо было бы распространить ее среди масс Запада. Думаю, что подобные книги в качестве средств пропаганды пробуждают творческую и созидательную активность СССР и гораздо более действенно, чем труды полемические и критические».¹¹⁸

Характерно, как в этом же письме Ромен Роллан определяет не только идеологическое, но и актуальное политическое значение этой «книги для детей». «В настоящий момент на Западе дает себя чувствовать тенденция столь же двуличная, как и опасная, — пишет Роллан, — приравнять индустриализацию советскую к индустриализации американской и политические успехи СССР к “успехам” фашистской Италии. Совершенно необходимо показать пропасть, которая отделяет эти две концепции, потому что слишком много умов на Западе дают себя увлечь в эту гибельную неясность, которая часто поддерживается и используется врагами СССР». Заканчивает свое письмо

Роллан просьбой: «Могли бы вы прислать мне еще один экземпляр книги Ильина (“Рассказ о великом плане”)? Я хотел бы широко ознакомить с ней окружающих меня людей».

И действительно, очень быстро после опубликования книги Ильина в СССР последовали иностранные издания «Рассказа о великом плане» — Америка, Англия, Франция, Германия... Появляются ее переводы в Японии, Корее, Голландии, Мексике, Аргентине — всего она была переведена в двадцати странах.

Ничего удивительного, что уже в 1930 году книга выходит вторым изданием и в СССР, в «Дешевой библиотеке Госиздата» (№ 332–333; цена каждого номера «Дешевой библиотеки» — 10 копеек). Тираж только этого 128-страничного издания составил 100 тыс. экземпляров. А к 1936 году вышло уже шесть изданий «Рассказа о великом плане».

Сам автор, М. Ильин (настоящее имя — Илья Яковлевич Маршак), инженер-химик по образованию, признавался: «Я не могу не писать и не могу писать спокойно. Ведь я не просто рассказываю о плане, а вербую людей для работы».¹¹⁹

* * *

И это было очень естественно. Такой промышленный рывок, который предпринял СССР в конце 1920-х годов, требовал и адекватного кадрового обеспечения. Эта насущная необходимость вылилась в несколько даже brutальный, но при этом очень понятный и лапидарный по своей сути лозунг: «Большевики должны овладеть техникой» (из речи т. Сталина на первой Всесоюзной конференции работников промышленных предприятий¹²⁰). В конце концов нужны были просто более или менее грамотные технари, чтобы разобраться в инструкциях по эксплуатации импортной техники. «В нашу страну вторгаются сейчас огромные агрегаты совершенного импортного оборудования. На заводы приходят новые люди, недостаточно обученные, не усвоившие пролетарской психологии. Известная часть оборудования из-за неумения на нем работать стоит. Сложные

автоматы сплошь и рядом используются не по назначению», — отмечал в 1932 году В. Перцов, автор журнала «Техническая пропаганда».¹²¹

Как и всегда, впрочем, высказывались и другие, более оптимистические оценки ситуации. «За какие-нибудь 4–5 лет молодежь, не зная ранее ни техники, ни экономики, побольшевицки овладела сложнейшей американо-европейской техникой на многих участках соцстроительства», — отмечает в 1932 году Ф. Гапошкин. Но тут же ставит вопрос ребром: «Нашел ли этот рост молодежи свое отражение в научно-популярной литературе во всем его величии? Нет, не нашел. Объясняется это отставанием литературного фронта от повседневного роста комсомола».¹²²

Кто же был прав в этой ситуации? Хорошее представление об исходном уровне профессиональной и общеобразовательной подготовки промышленных рабочих в тот период дают, например, требования технического минимума для токаря-станочника поточного производства. Вот фрагмент из этого очень подробно разработанного учебного плана и графика занятий токаря-станочника:

«II. Общеобразовательные и общетехнические темы

1. Математика, 6 ч.

а) Метрическая система мер длины и веса;

б) Десятичная дробь и ее построение, действия над десятичными дробями.

Геометрические тела и фигуры

Понятия: прямоугольник, параллелепипед, цилиндр, куб, углы и т. п. на конкретных примерах деталей станка, инструмента и пр.

2. Чтение чертежа, 6 ч.

Графическая грамота

а) Назначение сплошных и пунктирных линий;

б) Размеры на чертежах, условные обозначения;

в) Обработка на чертежах (чистовая и обдирочная);

г) Понятия о проекциях». ¹²³

Эта потребность в овладении импортной техникой висела в воздухе. «Создать ассоциацию переводчиков технической литературы», — буквально требует инженер И. Айзенштат. ¹²⁴ «Нет хороших книг по иностранной технике», — рубит правду-матку орденосеиц, штамповщик государственной обувной фабрики «Парижская коммуна» в Москве С.И. Яшин. ¹²⁵

При всей драматичности ситуации подобные «сигналы от рабочей массы» по существу означали, что страна наконец-то вышла из индустриальной спячки. Именно к такому повороту событий руководство СССР и стремилось, пытаясь в меру своего понимания управлять этим процессом на опережение.

В резолюции Пленума ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 года специально отмечалось: «...Теперешнее положение нашей промышленности характеризуется следующими моментами: чрезвычайно низким процентом инженеров и еще более низким процентом техников; ненормально высоким процентом на технических должностях “практиков” (39%); малым притоком новых кадров молодых специалистов и недостаточностью их научно-технической подготовки; крайним недостатком инженеров-производственников нового типа, могущих обеспечить проведение социалистической рационализации применительно к особенностям экономики СССР»... ¹²⁶

В июле 1929 года Научно-техническое управление ВСНХ СССР, которым тогда руководил Николай Иванович Бухарин, подготовило программный документ по организации пропаганды современных технических достижений.

Постановлением президиума ВСНХ СССР № 260 от 4 мая 1931 года в структуре ВСНХ СССР была организована Государственная контора общесоюзного значения по обмену техническим, рационализаторским и организационным опытом в промышленности. ¹²⁷ А еще раньше, в 1929 году, выходит первый номер журнала «Изобретатель и рационализатор». (В 1988 году тираж этого издания составил 400 тысяч экземпляров; спустя

20 лет, в 2008-м, — 4 тысячи.) 1930 год — начало выхода журнала «Обмен опытом рабочего изобретательства».

25 мая 1931 года Политбюро ЦК ВКП (б) рассматривает вопрос «О постановке производственно-технической пропаганды». В принятом постановлении отмечалось: «...постановка производственно-технической пропаганды и, в частности, издание литературы по техническим знаниям крайне отстали от общего размаха индустриализации страны и технической реконструкции промышленности». Было решено «для успешного развертывания производственно-технической пропаганды, как устной (лекции), так и литературной, организовать при ВСНХ отдел производственно-технической пропаганды во главе с членом президиума ВСНХ СССР». Начальником этого отдела (Техпроп) утверждается Бухарин. Ему поручалось работать в декадный срок «план развертывания производственно-технической пропаганды».¹²⁸

Уже 13 августа 1931 года Н.И. Бухарин, выступая перед рабочими, подчеркивает: «Одной из самых острых задач, которая навалилась на нас со всей тяжестью, является недостаток инженерно-технического персонала, недостаток научных работников. <...> Несмотря на свою политическую зрелость, наш рабочий класс является еще в значительной степени технически малограмотным». Чтобы устранить этот пробел, ознакомить широкие массы с достижениями науки и техники, отдел, который возглавил Бухарин, предлагает выпускать специальные сборники, технические журналы, информационные бюллетени и библиографические указатели.¹²⁹ Пока же, характеризуя отечественные технические журналы, Бухарин отмечал: «Наши журналы часто повторяют зады. Много воды. Много шаблона. Работают медленно. Нужно привлечь лучшие наши (и иностранные) силы, идти по линии производства перво-классной технической литературы».¹³⁰

Впрочем, в любом случае теперь уже первоклассная техническая литература не мыслилась вне привязки к ком-

мунистической идеологии. Абсолютно постмодернистски сегодня прочитывается, например, название статьи: «Техническую литературу на рельсы марксистско-ленинского пути». ¹³¹

Как бы там ни было, но периодических научных, технических и научно-популярных изданий действительно было очень много: «За индустриализацию Сибири» (начало издания — 1929 год), «За индустриализацию Средней Волги» (1930-й), «За большевистскую технику» (1932-й), «В бой за технику!» (1932-й)... По некоторым оценкам, в 1936 году в Советском Союзе выходило около 500 технических журналов (включая различные «Труды...», «Бюллетени...» и проч.).¹³² Может быть, и прав был Бухарин насчет «много воды» и «шаблонов». Мы же отметим ни с чем не сравнимую энергетику набирающих обороты «ревуших тридцатых». Она вся отражена даже в этих шаблонных названиях журналов...

* * *

В конце января — начале февраля 1932 года проходит XVII партийная конференция. В специальной резолюции партконференции по докладу В.В. Куйбышева отмечалось: «Осуществление задач полной технической реконструкции народного хозяйства неразрывно связано с делом овладения техникой нашими хозяйственными кадрами, с созданием широких новых кадров собственной технической интеллигенции из рабочих и крестьян и с решительным поднятием культурного уровня всей массы трудящихся. Количественный рост технических кадров в Советском Союзе ни в какой мере не должен умалять значения вопроса об их научной квалификации, об обязанности соответствующего усвоения ими всех основных достижений мировой науки и техники. Решение проблемы технических кадров есть важнейший элемент большевистского осуществления задач культурной революции и успешного строительства социализма».

«Небывалые темпы и необходимость освоения новых технологических процессов широкими слоями рабочих и инженерно-технических работников, в том числе громадными массами новых рабочих, делают необходимым, кроме плановой подготовки кадров во всей системе стационарного обучения, широкое *развитие производственно-технической пропаганды*», — отрывок из резолюции все той же XVII партконференции по докладу С. Орджоникидзе.¹³³

Ответ на эти резолюции была почти мгновенным.

В 1932 году под редакцией Н.И. Бухарина начинает выходить двухнедельник «Техническая пропаганда» — орган Техпропа Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР. Любопытно определялась жанровая принадлежность этого издания — «Боевой оперативный журнал по вопросам техпропаганды».

Обратите внимание: все тот же пафос борьбы за повышение технического уровня советских рабочих и инженеров, все та же лексика театра военных действий. «Миллионные массы, владеющие оружием совершенной техники, непобедимы», «Техническая вооруженность пролетариата — залог его окончательной победы»¹³⁴, «Наша великая социалистическая стройка требует мобилизации всех сил науки и техники»¹³⁵ — подобного рода лозунги с первых номеров становятся лейтмотивом издания. Среди них попадались и настоящие шедевры стиля: «Сплотим армию бойцов за чугун, сталь, прокат. Горновые, сталевары, прокатчики, рабочие металлургии. Большевистскими темпами добейтесь победы в великой борьбе за металл».¹³⁶

Не отставали в этой борьбе за овладение и другие издания. «Юные техники, в бой за пятилетку!» — призывал своих читателей журнал «Знание — сила».¹³⁷

Однако подобная риторика известна была уже далеко не первый год. Вспомним, как на VII Всесоюзном съезде ВЛКСМ, 16 мая 1928 года, И.В. Сталин обращался к делегатам: «Перед нами стоит крепость. Называется она, эта крепость, наукой с ее

многочисленными отраслями знаний. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало».

Впрочем, все эти образцы технической пропаганды лишь в концентрированном виде отражали реальный пафос технической модернизации, существовавший в обществе. Характерно, что как раз в тот период на советских заводах возникают совершенно уникальные формы массовой техпропаганды. Например, технический бой¹³⁸ и производственно-технические суды над машинами. Так и писали: «После суда над станком ДИП производственно-технические суды окончательно утвердились как одно из сильных средств пропаганды техники, как один из действенных методов преодоления узких мест. Собственно форма суда не нова в массовой работе наших предприятий...»¹³⁹ Причем суды эти организовали с выполнением всех традиционных процессуальных норм: проводилось следствие, допрашивались все, кто так или иначе участвовал в изготовлении «подсудимого» прибора, приспособления или детали (в первую очередь все, кто принимал участие в их конструировании).

Несмотря на очевидную политизацию, некоторую вычурность и даже одиозность этих форм техпропа, фактически именно они стали прообразами того, что много позже назовут «мозговой штурм», «кружки качества» и проч.

Как отмечает Н.И. Бухарин в редакционной статье первого номера журнала «Техническая пропаганда», издание должно было заполнить совершенно определенную и очень специфическую читательскую нишу: «До сего времени не было специального журнала, рассчитанного на функционера технической пропаганды, на «техпропагандиста», на техпропагандистский актив. Именно этот круг читателей мы имеем в виду».¹⁴⁰

Сам Бухарин, кажется, прекрасно понимал, что такой пропагандистский натиск может в итоге привести к эффекту обратному. Конечный пользователь всей этой техпроповской лавины вполне мог отреагировать на нее, как это сделал массовый читатель в начале двадцатых годов в отношении к политической про-

паганде большевиков — превратить ее в разряд «книжной зава-ли». И эта опасность была отнюдь не надуманная, если учесть вполне проявившуюся к началу тридцатых годов тенденцию к тотальной политизации всех аспектов общественной жизни.

«До сих пор еще, к сожалению, вопросы научно-технической пропаганды считаются среди некоторых хозяйственников чем-то вроде нежелательной части принудительного ассортимента, “словесностью”, “болтологией” умничающих дилетантов, которые мешают “настоящей” практике своим некомпетентным, неделовым и сумбурным вмешательством, — пишет Бухарин. — Конечно, всегда найдется во всяком деле достаточное количество “светлых голов”, которые могут способствовать такому отношению к делу». И далее Бухарин приводит характерный пример «из области приложения науки к промышленности», взятый им из журнала «НИИМАШ» (Известия научно-исследовательского института машиностроения и металлообработки) № 2: «...читаем в статье доцента С.И. Губкина под названием “О марксистско-ленинской науке в кузнечном деле” следующее эпохальное положение:

“Нужно помнить, что ни один технологический процесс в наших условиях не должен быть проведен в жизнь без достаточного марксистского обоснования, так же как ни одна машина не должна быть установлена, а тем более выписана из-за границ”.

Хорошенькое было бы дело для хозяйственников — ждать с установками машин того приятного будущего, когда товарищи Губкины сформулируют марксистско-ленинскую науку “в кузнечном деле”! Конечно, если преподносить от имени науки такие рецепты, то можно вызвать справедливое бешенство хозяйственников, которым *некогда* ждать. То же и с техпропагандой. Если ее преподносить как нудную жвачку на общие темы, от нее следует отвернуться. Но не о том идет речь. Речь идет *об оперативной, действенной, хозяйственно-эффективной техпропаганде*».

И это, судя по всему, была принципиальная позиция главного ответственного в стране за техпроп — Н.И. Бухарина. «Некоторые товарищи заранее считают, что, например, каждый инженер не-марксист подлежит уничтожению, что каждый автор не-марксист тем самым должен подвергаться остракизму, изгнанию, — пишет он в 1932 году. — Такое упрощение дошло до простоты осинового полена. Между тем такая вульгаризация особенно вредна в области техники. Если словесная схоластика, в просторечии именуемая “болтологией”, переносится в область техническую, то дело грозит такой сугубо осязаемой величиной, как порча инструмента, машины, завода; прорыв по промфинплану; халатность, расхлябанность, снижение темпов. Проникновение марксизма в технику — наша обязательная задача. Но если считать каждого инженера, который не стал марксистом, за вредную величину, то это вреднейший перегиб; если считать, что нельзя вести технологических процессов, вводить новых установок и т. д. до тех пор, пока все участники процесса не станут сознательными диалектиками, то это ограниченность и узость суздальских quasi-марксистов, место которым на чердаке или в монастырской келье, а не на широчайшем поприще гигантского строительства».¹⁴¹

Усомниться в самой возможности применения «марксистско-ленинской науки в кузнечном деле», даже с теми оговорками, что «проникновение марксизма в технику — наша обязательная задача», — на это все-таки требовалась определенная доля гражданского мужества. Тем более если учесть, что Николай Бухарин не мог не чувствовать — кольца политического режима вокруг него сжимаются. Собственно, даже само назначение его на должность руководителя Техпропа Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР — не более чем почетная ссылка, отстранение от реальной политической работы после 1929 года.

* * *

И все же вряд ли, например, можно считать совпадением, учитывая все выше сказанное, что, один из старейших в СССР/России научно-популярных журналов «Техника — молодежи» начинает издаваться с 1933 года. Жанровая и идеологическая его принадлежность определялась тогда следующим образом: «Производственно-технический и научный журнал. Орган ЦК ВЛКСМ». Руководство изданием было коллегиальным — А. Александров, Н. Бухарин, М. Каплун, Я. Коган, З. Коссаковский, Е. Лихтенштейн, И. Пронин, М. Черненко.

«Дорогие товарищи! Мы приветствуем организацию такого журнала, как “Техника — молодежи”, — с энтузиазмом откликнулись первые читатели. — Сейчас требования к комсомольцу-производственнику непрерывно растут. Комсомолец должен выйти на первое место по овладению техникой и быть подлинным примером для всей рабочей молодежи в умении культурно организовать свой труд. Поэтому именно сейчас очень важно иметь такой боевой комсомольский технический журнал, который бы в понятной и интересной форме рассказал нам о новейших достижениях науки и техники, о лучшем производственном опыте наших товарищей комсомольцев и молодых рабочих».¹⁴²

Еще более конкретен и по пролетарски прямолинеен молодой формовщик Ткаченко, выступивший на читательской конференции журнала в г. Сталино. «Я хочу знать, как можно использовать доменный газ, и принцип действия газомоторов, — настаивает Ткаченко. — *Если вы говорите правду, что этот журнал для нас*, то вы должны нас учить, учить стать хорошими горновыми, каталями, газовщиками, вальцовщиками и т. д. В этом самая главная задача журнала. Я хочу, прочтя ваш журнал, не просто стать развитее, а я хочу, *прочтя ваш журнал, повысить свою квалификацию, работать по-ударному*».¹⁴³

Но не только молодые горновые, катали, газовщики, вальцовщики и «красные путиловцы» заинтересованно следили за

первыми номерами журнала. Уже в декабре 1933 года первые шаги редакции стали объектом анализа Бюро ЦК ВЛКСМ. Все было по-серьезному:

«Постановление Бюро ЦК ВЛКСМ о журнале
“Техника — молодежи”

Утверждено Бюро ЦК ВЛКСМ 14/ХП 1933 г.,
протокол № 124, пункт 2.

1. Одобрить направление журнала “Техника — молодежи”, принятое в первых номерах. Как недостатки журнала отметить: журнал не сумел сгруппировать вокруг себя актив научно-технических работников, писателей и молодых специалистов; отсутствует работа в помощь трактористу и комбайнеру; недостаточная деятельность по организации инициативного и любительского движения, слабая связь с читателем. <...>

7. ...Для распространения журнала на 1934 г. и доведения его тиража до 50 тысяч экземпляров обязать комитеты и ячейки ВЛКСМ развернуть активную работу по популяризации и распространению журнала, выделив в каждой ячейке организаторов подписки на журнал». ¹⁴⁴

Что касается тиража, то задание ЦК ВЛКСМ было выполнено и даже с запасом. Уже в 1936 году тираж некоторых номеров доходил до 150 тысяч экземпляров. (Любопытно, что сегодняшний тираж журнала, например, № 2 за 2009 год, заявлен редакцией в количестве 70 тысяч экземпляров.) Но вот содержательно «Техника — молодежи» так и не стала в чистом виде производственно-техническим и научным журналом. Каким-то чудом изданию удалось избежать участи превращения в банальное пособие по техминимуму для молодых рабочих разных специальностей. Например, в этом журнале на постоянной основе стали печататься, с продолжением, научно-фантастические романы. Примерно с 1936 года (с 1937-го особенно) «Техника — молодежи» находит свой фирменный дизайнерский стиль — появляется, часто футурологический, рисунок

на обложке — то, к чему давно уже пришли, например, американские научно-популярные журналы. Появляются цветные вкладки.

Эволюцию «Техники — молодежи» не могли не отметить даже строгие рецензенты. «Вплоть до 1936 года журнал по своему внешнему оформлению не отличался от других популярных журналов и издавался на бумаге среднего качества с тусклым шрифтом и невзрачными рисунками. 1936 год был переломным для журнала. Размер увеличился до восьми печатных листов большого формата вместо пяти. Повышенное качество бумаги, сотрудничество хороших художников сделали журнал одним из лучших в СССР по внешнему оформлению». ¹⁴⁵ (Кстати, тире в названии журнала появилось тоже не сразу; два года почти обходились без него. Насколько я смог установить, впервые тире использовали в № 11 за 1934 год. Согласитесь, что смысл названия от этого дополнения меняется принципиально. А всего-то, казалось бы, изменение падежа: с родительного на дательный...)

В конце 1932 года проводится реорганизация журнала «Природа». Главная задача, поставленная перед изданием, — «популяризация современных достижений теоретического естествознания в СССР и за границей, сплочение естествовников на базе диалектического материализма и борьбы со всеми разновидностями идеализма. Журнал стал давать статьи по принципиальным методологическим проблемам науки». ¹⁴⁶

В 1934 году возобновляется после 34-летнего перерыва издание журнала «Наука и жизнь». Октябрьская книжка первого номера вышла тиражом 50 тысяч экземпляров. И опять мотивы абсолютно понятны и подчинены железной логике промышленного развития. В редакционной статье журнала они выражены предельно ясно: «Процесс индустриализации страны и поднятия ее производительных сил, бурно совершающийся в настоящее время в СССР, ставит перед нами — активными участниками этого строительства — много очень трудных и

сложных задач... Для достижения этих целей нам надо хорошо знать окружающий нас мир, надо знать те силы природы, которые мы можем пустить в дело в процессе борьбы с нею и овладения ею. Другими словами, надо быть хорошо осведомленным, хорошо вооруженным в области физики, химии, геологии, ботаники, биологии и т. д., и т. п. ...Отсюда возникает необходимость создания у нас достаточно обширной научно-популярной литературы и, в частности, научно-популярного журнала, который знакомил бы широкие круги читателей с важнейшими достижениями современной науки и техники.

К сожалению, за последние годы издание такой литературы отстает от запросов читательских масс. Научно-популярная литература выпускается у нас различными издательствами, но без единого общего плана, что дает, с одной стороны, досадные пробелы, а с другой — ненужные повторения. В частности же, у нас нет ни одного доступного для широких масс научно-популярного журнала, который охватывал бы широко все отрасли точных и естественных наук...

Мы дали нашему журналу название „Наука и жизнь”. Мы хотели этим сказать, что целью нашего журнала будет ознакомление читателей с наукой как с орудием перестройки жизни. Не голая, абстрактная, оторванная от жизни наука интересует нас; в своем журнале мы прежде всего дадим место той науке, которая освещает важные для нашего мирозерцания или для текущей жизни вопросы. Другими словами, мы хотим, чтобы наш журнал стал одним из орудий того великого культурного и хозяйственного строительства, которое ведут теперь трудящиеся СССР.

Журнал наш ставит себе целью обслуживание интересов и запросов самых разнообразных групп читателей, интересующихся новыми достижениями. В частности, мы надеемся, что он окажет большие услуги рабочему, школьным работникам, студентам различных высших учебных заведений, позволяя им расширять свой кругозор знаниями, не относящимися к их

узкой специальности, и приобрести необходимое общее развитие».¹⁴⁷

В мае 1934 редакция журнала «Вестник знания» провела специальную конференцию, посвященную популяризации науки. По итогам ее работы было опубликовано обращение «Ко всем научным работникам СССР», подписанное многими академиками; суть обращения — популяризовать достижения советской науки в массах.

Серьезный проект по изданию научпопа был реализован и в Академии наук СССР. В 1931 году по инициативе академика Сергея Ивановича Вавилова создается академическая серия научно-популярной литературы. Она оказалась очень удачной во всех смыслах. За десять лет, по 1940 год, в ней вышло 113 книг.¹⁴⁸ С.И. Вавилов в дальнейшем и возглавил Комиссию АН СССР по изданию научно-популярной литературы. Да и сам Сергей Иванович был талантливым автором-популяризатором. В 1943 году, например, в научно-популярной серии вышла его книга, ставшая уже классической — «Исаак Ньютон» (Изд-во АН СССР, Москва—Ленинград. — 216 с., 3000 экз.). (О некоторых обстоятельствах создания этого шедевра советского научпопа см. главку «Казанская Ньютониана».)

Отраслевые научно-технические издательства также отметились на ниве научпопа. В мае 1932 года в Машметиздате, в Авиаавтоиздате были организованы секции юношеской литературы. К концу следующего, 1933 года, было выпущено около 60 наименований научно-популярных книг по машиностроению, авиации, энергетике, строительству, химии, общетехническим дисциплинам.

В марте 1935 года в составе Объединения научно-технических издательств (ОНТИ) создается Главная редакция юношеской и научно-популярной литературы.¹⁴⁹ «Задачей нашей является издание популярных книг по наиболее существенным отраслям техники и прежде всего по тем наукам, на которых современная техника основана (математика, физика, химия, геоло-

гия и пр.), — подчеркивал главный редактор издательства юношеской и научно-популярной литературы ОНТИ Н. Мещеряков. — При этом в отличие от отраслевых издательств ОНТИ мы не ставим задачей систематическое изложение предмета, а стремимся лишь заинтересовать своего читателя, побудить его к дальнейшему изучению нашей темы уже по специальной литературе». ¹⁵⁰

Серии, выпускавшиеся по инициативе этой редакции, имели четкую возрастную градацию: для учащихся 4–6 классов («Природа вокруг нас», «Для умелых рук»); для читателей со средним образованием («Наука и техника наших дней», «Наука и техника прошлого и будущего», «Техника и оборона», «Наша Родина», «Занимательная наука», «Путешествия и экспедиции»); книги третьего цикла — для взрослых читателей с начальным образованием. Выходили также серии «Научные беседы выходного дня», «Юношеская научно-техническая библиотека» (самая крупная серия).

* * *

И это как раз тот случай, когда выбор народа был абсолютно добровольным. Ну почти добровольным, если отвлечься от того факта, что выбор этот определялся логикой промышленного развития. Да, суммарные тиражи научпопа были миллионные. Но самое удивительное — их раскупали! На научно-фантастические романы в библиотеках записывались в очередь.

Главный редактор издательства юношеской и научно-популярной литературы ОНТИ Н. Мещеряков действительно совершенно не формально подошел к делу. Кроме упомянутых выше научно-популярных серий, он организовал еще одну — «Научная фантастика». Что называется — попадание в точку.

Так, профессор Я. Дорфман отмечал: «На мой взгляд, литература обладает двумя возможностями для техпропаганды. С одной стороны, это *историческая техническая хроника*,

с другой — научная фантастика. Одно — взгляд назад, движение к техническому “сегодня” от прошлого, второе — взгляд вперед, движение в будущее. Любой вопрос техники становится увлекательным, интересным, если он дан не в виде статических описаний и объяснений, а в своем диалектическом развитии». ¹⁵¹ Это очень важное замечание. По существу, Дорфман ставит вопрос о расширении жанровых форм техпропаганды. Технический очерк, техническая прокламация, плакат, техническая инструкция — жанры очень важные, но все-таки сугубо прикладные. Они направлены на развитие конкретных умений и навыков. Если угодно — на формирование определенной контрактуры мышц рабочего у станка, исполнителя. Однако уже Н.И. Бухарин, инициатор и организатор системы технической пропаганды в СССР, понимал: «Если бюрократическое оказывание вредно повсюду, то оно исключительно вредно в области технической пропаганды. Нельзя будет мобилизовать никакой *общественности*, если дело техпропаганды будет вырождаться в нудную лапшу, насильно и с отвращением проглатываемую потребителем». ¹⁵²

Технически грамотные исполнители грандиозных планов индустриализации страны — не просто «армия бойцов за чугуна, сталь, прокат»: они должны быть заинтригованы, очарованы будущим. Так мыслилась в идеале миссия технической пропаганды и научно-популярной литературы как одного из главных инструментов реализации этой миссии. Пожалуй, ничто лучше научной фантастики не могло соответствовать достижению этой цели. И не случайно в СССР научная фантастика проходит по ведомству научпопа.* Оставалось

* Кстати, совсем не случайно, что среди авторов science fiction было и остается очень много ученых, инженеров, людей с техническим образованием: Константин Циолковский, Хьюго Гернсбек, Алексей Толстой, Евгений Замятин, Роберт Хайнлайн, Пол Андерсон, Айзек Азимов, Артур Кларк, Иван Ефремов, Илья Варшавский, Аркадий и Борис Стругацкие, Владимир Обручев, Карл Саган, Руди Рюкер, Фред Хойл...

только придать фантастике статус серьезной, большой литературы.

Тот же Дорфман в цитированной выше статье с некоторым даже негодованием замечает: «Научная фантастика есть... важнейший путь техпропаганды. Эта область литературы всегда почему-то недооценивается в достаточной мере. Почему-то научную фантастику считают легкомысленным занятием, недостойным крупного литератора. В результате такого отношения научная фантастика отдана в руки бесчисленной массы скверных и безграмотных писак. Причину этого явления следует искать в условиях капиталистического строя, пережитки которого еще частенько умудряются расти и у нас. Надо самым серьезным образом обратить общественное внимание, внимание нашей большой литературы на этот участок».

Косвенным подтверждением высказанной профессором Дорфманом гипотезы причин недооценки *science fiction* может служить тот факт, что вполне пренебрежительное отношение к этому жанру действительно было распространено не только в СССР. На Западе, прежде всего в США и Великобритании, произведения *science fiction* долгое время, вплоть до тридцатых годов прошлого века, издавались только в журнальном формате. Исключения были редки — романы Жюль Верна и Герберта Уэллса. Книжные издания предназначались для высшего общества, стоили дорого и в них печатались только «проверенные» высокохудожественные произведения. Интересный факт: одна из первых книг американской научной фантастики, изданных в переплете, — сборник Эдмода Гамильтона «Ужас на астероиде и другие рассказы о планетарных ужасах» («*The Horror on the Asteroid & Other Tales of Planetary Horrors*»), — появилась только в 1936 году.

Так что в словах профессора Дорфмана уловлена не только советская тенденция, но и общемировая. Многие теоретики жанра называют период с 1926 по 1936 год золотым веком фантастики.¹⁵³ Так, Дэвид Кайл отмечает, что именно на этот пери-

од приходится расцвет «пульпов» — научно-фантастических журналов: «Wonder Stories», «Agrosy All-Story Weekly», «Weird Tales», «Astounding Science Fiction»... Впрочем, Айзек Азимов устанавливал другие границы золотого века научной фантастики: 1938—1950 годы. Таким образом, всю вторую четверть прошлого века можно совершенно четко определить как век научной фантастики. Да и сегодня, по некоторым оценкам, более половины всей современной литературы — фантастика.¹⁵⁴ Правда, не только и не столько научная, но это уже отдельный литературоведческий вопрос.

Как бы там ни было, но именно к апрелю 1926 года относится появление первого в мире массового журнала, посвященного целиком научной фантастике, — американского «Amazing Stories» («Поразительные истории»). Журнал оказался настолько успешен (ежемесячный тираж вскоре перевалил за 100 тысяч экземпляров), что его издатель и главный редактор Хьюго Гернсбек (1884—1967) начал в 1927 году параллельное издание ежегодника «Amazing Stories Annual», который в следующем году был преобразован в ежеквартальник «Amazing Stories Quarterly».¹⁵⁵ Гернсбек был также издателем еще одного очень популярного журнала научной фантастики — «Wonder Stories».

Стоит заметить, что фигура Хьюго Гернсбека — знаковая для жанра научной фантастики. Еще в 1905 году, эмигрировав в США из Люксембурга, Гернсбек начинает издавать каталог «Modern Electrics» («Современное электрооборудование»), который очень скоро превращается фактически в научно-популярный журнал. За несколько лет издание приобрело более 10 тысяч только подписчиков. С 1913 года журнал начинает выходить под названием «Electrical Experiment» («Электрические опыты»). Изобретатель (именно он придумал термин «телевидение» и запатентовал первый комнатный радиоприемник) и издатель, Хьюго Гернсбек много напечатал в своих журналах и собственных научно-фантастических произведений. Самое известное — «Ральф 124с 41+: Роман о 2660 годе»

(своеобразная марсианская хроника глазами марсианина-злодея), год выпуска — 1911-й. Собственно, и само название жанра — science fiction (научная фантастика) — придумал он же в 1926–1928 годах.*

Ничего удивительного, что самая престижная литературная премия в области научной фантастики носит имя этого американца люксембургского происхождения — «Hugo» («Хьюго»). Это решение было принято в 1953 году на Мировом конвенте научной фантастики; с 1955 года премия присуждается ежегодно. Но вообще первый всемирный съезд фантастов состоялся в Нью-Йорке в 1938 году. А еще раньше, в 1936 году, в Филадельфии прошел и первый национальный съезд американских фантастов.

Мало того (совсем уж небывалое дело для СССР в те годы!), американский «Amazing Stories» ставится в пример отечественным изданиям. Например, редакции журнала «Знание — сила»: «Прекратилось печатание в журнале научно-фантастических рассказов и очерков о технике будущего. Почему?.. Стоило читателям выразить недовольство научно-фантастическими рассказами, помещенными в журнале, как в нем совершенно перестала появляться научная фантастика. Разве у нас в Союзе совершенно нет авторов, умеющих писать хорошие научно-фантастические рассказы или очерки о технике будущего? Разве из иностранных журналов, посвященных научной фантастике (например, «Amazing stories»), нельзя подобрать подходящие новеллы для журнала?»¹⁵⁶

* Впрочем, российский литературовед Валерий Терехин отмечает, что «понятие “научно-фантастический” (рассказ, роман) мелькает в русской прессе еще с начала 1910-х годов». Так, роман Герберта Уэллса «Пища богов», изданный в России в 1911 году, был представлен именно как «научно-фантастический»; в провинциальном журнале «Иваново-Вознесенская жизнь», тоже в 1911 году, печатаются «научно-фантастические арабески», авторство которых скрыто за псевдонимом «профессор Сен-Са». (См.: Терехин В.Л. Утаенные русские писатели. Монографии, статьи. — М.: Знак, 2009. С. 122.)

Насколько справедливы были претензии к качеству отечественной научно-фантастической литературы в те годы, можно обсуждать. Действительно, с 1926 по 1933 год в том же журнале «Знание — сила» было опубликовано лишь одно произведение в научно-фантастическом жанре — рассказ Александра Беляева «Держи на Запад!»¹⁵⁷ (Некий Великий Ум, сверхгениальный человек, выведенный стараниями поколений «ученых-евгеников», работает над очередной грандиозной задачей — решением проблемы полного и окончательного обеспечения человечества всеми видами ресурсов и энергией. Но, по заключению врачей, жить Великому Уму осталось буквально несколько месяцев. Один из 500 помощников — учеников его, молодой Физик, предлагает решение: попросить Великий Ум срочно решить другую проблему — обеспечение его собственного бессмертия. Что в итоге и происходит с использованием ракеты, летящей с околосветовой скоростью... В общем, слегка ироничный в стиле Лема рассказ.) Но мы сейчас просто отметим, что в 1936 году в том же журнале «Знание — сила» печатался, например, интересный рассказ Г. Адамова «Оазис солнца». Именно в это время, 1935–1936 годы, в серии «Научная фантастика», издаваемой ОНТИ, вышли такие знаковые тексты, как «Земля Санникова» и «Плутония» В.А. Обручева, «На Луне», «Вне Земли», «Грезы о Земле и небе» К.Э. Циолковского.

Тем не менее руководство ОНТИ достаточно самокритично относилось к этому направлению своей издательской деятельности: «Мы имеем дело с читателями самого различного возраста и подготовки, поэтому допускаем самые разнообразные формы изложения. В числе изданных нами книг есть *даже романы*, например, книги акад. Обручева “Земля Санникова” и “Плутония”. Впрочем, вполне удовлетворительного советского научно-фантастического романа еще не существует. Книги акад. Обручева имели большой успех, но надо отметить, что в них немало недостатков. Прежде всего это невысокий художественный уровень и отсутствие увлекательности. Иначе говоря, в них

нет как раз того, чем в огромной степени обладал Жюль Верн, классик научно-фантастического романа. Нашим авторам, к сожалению, не хватает таланта и умения Жюля Верна». ¹⁵⁸

Действительно, романы Жюля Верна еще до революции стали в России эталоном жанра научной фантастики и приключений. В немалой степени благодаря очень динамичной и оперативной деятельности знакомого нам уже издательства «П.П. Сойкин». В его знаменитой серии «Библиотека романов. Приключения на суше и на море» (эта серия, по существу, послужила прообразом советской и до сих пор издающейся серии «Библиотека приключений») последовательно вышли четыре романа Жюля Верна: «Вторая родина» (1901), «Жан-Мари Кабидулен» (1902), «Великий лес» (1903), «Юные путешественники» (1904). Но мало того, в 1906–1907 годах П.П. Сойкин предпринимает и вовсе грандиозный проект — собрание сочинений Жюля Верна в 88 томах. (Кстати, это собрание сочинений выходило в качестве приложений к журналу «Природа и люди».) «И в наши дни оно остается самым полным изданием классика мировой фантастики на русском языке». ¹⁵⁹

Но вот насчет того, что «...вполне удовлетворительного советского научно-фантастического романа еще не существует» — это утверждение Мещерякова можно отнести только на счет издержек полемического задора.

В 1914 году у того же Сойкина выходит в № 36 журнала «Природа и люди» научно-фантастический рассказ К.Э. Циолковского «Без тяжести». В начале 1918 года в этом же журнале начинает печататься научно-фантастическая повесть Циолковского «Вне Земли». Кстати, уговорил Циолковского закончить работу над этой повестью и передать ее в «Природу и люди» ответственный секретарь журнала Яков Исидорович Перельман. Малоизвестный факт: Перельман и сам печатал в этом журнале не только научно-популярные очерки, но и научно-фантастические рассказы. Например, в № 24 за 1914 год был напечатан его рассказ «Завтрак в невесомой кухне»,

который сам автор определял как научно-фантастический рассказ. А в 1910 году по инициативе Перельмана в качестве приложения к журналу начинает выходить иллюстрированный ежемесячник «Мир приключений».

Так что определенный задел — и авторский, и уже готовых произведений — в отечественном научно-фантастическом жанре имелся. В 1925 году, например, был издан, причем первоначально в нескольких номерах «Рабочей газеты», роман Александра Беляева «Голова профессора Доуэля». Отдельной книгой это произведение выйдет через год в издательстве «Земля и фабрика». А в 1926-м появился журнальный вариант повести «Остров погибших кораблей». В том же 1926 году печатаются его же научно-фантастический рассказ «Ни жизнь, ни смерть» и роман «Властелин мира» — тексты, ничем не уступающие жюльверновским. Не случайно, например, в 1929 году в нескольких номерах журнала «Вокруг света» печатается один из лучших научно-фантастических романов Беляева «Продавец воздуха». Заметим, Александр Беляев долгое время был сотрудником журнала «Вокруг света». Жанр этого издания определялся в то время так: «Путешествия и приключения на суше, на море и в воздухе». Довелось Беляеву встречаться и с Гербертом Уэллсом, приехавшим в СССР. А кроме того, что тоже символично, Беляев изучал язык эсперанто.

И тем не менее Мещеряков, пожалуй, был прав, когда в 1934 году признавался: «У нас за последние годы дело обстояло очень плохо с изданием научно-популярной литературы». Тот же Александр Беляев (1884–1942) был, пожалуй, единственным выдающимся советским писателем-фантастом всего сталинского периода.

* * *

В борьбу за поднятие качества научпопа идут проверенные способы. Прежде всего партийная дисциплина и по возможности партийный же контроль. «Одна из наших задач — издание

научно-популярной литературы для юношества, — отмечал Н. Мещеряков. — Поэтому выпускаемая нами продукция весьма интересует комсомол, с которым у нас установилось довольно тесное сотрудничество. Руководящие работники ЦК ВЛКСМ, в частности гг. Косарев и Файнберг, просматривают наши планы, выражают пожелания, к которым мы очень внимательно прислушиваемся, оказывают нам помощь людьми и т. д.»¹⁶⁰

Не избежала этой участи и научно-популярная периодика. «Редакция забыла, что долг ее — воспитывать молодых читателей журнала в духе материалистического мировоззрения, помочь им овладеть большевизмом, — возмущаются инженер-механик В. Прокофьев и С. Михельсон, оценивая деятельность журнала «Техника — молодежи». — В статьях, печатаемых в журнале, часто отсутствует политическая направленность».¹⁶¹ В качестве доказательства того, «как научный материал “отделяется” от идей марксизма-ленинизма», Прокофьев и Михельсон приводят следующий «убийственный», по их мнению, пример: «Майский номер журнала открывает передовая “Овладеть большевизмом”, но в том же номере напечатана статья инж. Дашевского о тендере-конденсаторе, статья технически грамотная, но совершенно беззубая, “беспартийная”. Свести всю статью к описанию конденсационной установки и принципа действия конденсатора, не сказав о замечательном пробеге паровоза с советским тендером-конденсатором, об инженерах и рабочих-стахановцах, построивших и испытавших тендер, не разъяснив слов Л.М. Кагановича о том, что “впервые в 1936 году на железнодорожном транспорте получит распространение новый тип паровоза — с конденсацией пара... этот паровоз совершит целую революцию в паровозном хозяйстве”, значит обнаружить полнейшее непонимание связи техники с политикой».¹⁶² Ни больше, ни меньше!

И «Техника — молодежи» была не одинока.

«Редакцию журнала “Знание — сила” никто не освобождал от обязанности вести работу по политическому воспитанию

читателя-подростка. В журнале это возможно осуществлять несколькими способами: рассказывая и комментируя наиболее актуальные политические события понятным для юного читателя языком, а не языком передовиц в журналах для взрослых, давая политическое освещение научным, техническим, индустриальным фактам, о которых рассказывается в статьях и заметках журнала, и, наконец, держа молодого читателя в курсе всех достижений и успехов нашей страны (стахановские рекорды, досрочное выполнение планов, достижения отдельных отраслей и т. д.). Если с этой точки зрения рассматривать журнал, то легко убедиться в том, что он в значительной степени аполитичен». ¹⁶³

Но не только «аполитичностью» тех или иных изданий объяснялось тогда отставание издания научпопа. «Слабость и недостаток редакционных кадров — основная наша трудность, — сетует главный редактор издательства юношеской и научно-популярной литературы ОНТИ Н. Мещеряков. — Умелых редакционных кадров в области научно-популярной литературы мало; учить людей приходится в процессе работы». ¹⁶⁴

Поэтому предпринимаются меры как-то смягчить кадровую проблему научпопа. «ЦК ВЛКСМ принял решение об организации двух конкурсов на научно-популярную книгу для молодежи и для детей. Задачей конкурса является создание фундаментальной библиотеки популярной научно-технической литературы для юношества и детей. Эти книги должны в увлекательной форме изложить основы наук, современные достижения и перспективы науки и техники, возбуждая у молодежи и детей любознательность и стремление к овладению вершинами науки и техники.

Товарищи читатели, включайтесь в этот конкурс! Вопросы, предложения, а также рукописи направляйте по адресу: Москва, Метростроевская (быв. Остоженка), 1. Главная редакция юношеской и научно-популярной литературы». ¹⁶⁵

Таблица 2.9. Намечаемый ОНТИ выпуск технической литературы в 1932 году по ведущим отраслям промышленности в сравнении с 1931 годом

Название отрасли	1931 год, млн. листов-оттисков	1932 год, млн. листов-оттисков
Цветная металлургия	1,62	20,35
Добыча нефти и нефтепереработка	1,23	8,15
Добыча угля, торфа, прочих видов топлива и руды	9,12	45,35
Черная металлургия	4,47	21,71
Машиностроение	12,78	42,57
Авиационная и автотракторная промышленность	6,76	18,51
Энергетика	20,15	47,46
Химия	41,68	67,41
Строительная промышленность	30,79	40,49

Источник: Техническая пропаганда, 1932, № 5–6. С. 13.

Увы, Главной редакции юношеской и научно-популярной литературы ОНТИ это не помогло. Хотя поначалу казалось, что все идет по плану.

Действительно, план ОНТИ на 1932 год только по 11 московским издательствам, без периодики, был запроектирован в 470 миллионов листов-оттисков (см. табл. 2.9).

По видам литературы книжная продукция, намеченная к выпуску в 1932 году издательствами ОНТИ, представлена в табл. 2.10.

Таблица 2.10. Книжная продукция ОНТИ в 1932 году по видам литературы

Виды литературы	Количество названий	Доля использованной бумаги, %
Учебная литература (включая заочную)	1472	52,8
Хозяйственно-производственная	2330	22,6
Научная литература	1139	10,9
Агитационно-массовая литература	606	5,0
Справочная литература	296	8,7
Всего	5843	100

Источник: Техническая пропаганда, 1932, № 5–6. С. 13.

И тем не менее, «несмотря на значительное по сравнению с 1931 годом увеличение плана выпуска технической литературы, в 1932 году последняя все же *не удовлетворяет полностью потребностей отдельных отраслей промышленности* — черной металлургии, машиностроения, металлообработки, энергетики, химии и др.»¹⁶⁶

Между прочим, отмеченное «значительное по сравнению с 1931 годом увеличение плана выпуска технической литературы» опять-таки не произошло само собой. Нужны были кадры, способные создавать такую литературу. В распоряжении государства был, по существу, единственный реальный ресурс для рекрутирования таких кадров. 31 декабря 1931 года Центральная контрольная комиссия ВКП(б) и Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции СССР принимают постановление «о привлечении рабочих к созданию массовой технической книги».¹⁶⁷ Чтобы обеспечить выполнение этого постановления, практически мгновенно создаются в большом

количестве методические руководства типа «Как рабочий-автор должен писать техническую книгу: Брошюра для автора». ¹⁶⁸ Причем это пособие, выпущенное Госхимтехиздатом, вышло в рамках целой серии рабочего-автора. Мало того, чтобы еще сильнее стимулировать авторов из рабочих, в 1933 году Культпроп ЦК ВКП(б) рассылает специальный циркуляр о предоставлении творческого отпуска рабочим-авторам. ¹⁶⁹

В 1935 году издательствами ОНТИ было выпущено 46 названий научно-популярных книг (408 авторских листов); за восемь месяцев 1936 года — 37 названий (322 авторских листа, 41% плана). ¹⁷⁰ В итоге к концу 1936 года Главной редакцией было выпущено 56 названий научно-популярных книг общим тиражом 1752 тыс. экземпляров. ¹⁷¹

Но первый звоночек для издательства уже прозвучал. «...ОНТИ не выполнило полностью и в срок задания о выпуске 253 названий учебников для курсов техминимума общим тиражом в 1 900 000 экземпляров». ¹⁷² Заметим, что все-таки было выпущено 1 200 000 экземпляров учебников.

А в 1937 году происходит самая настоящая катастрофа.

«Главная редакция научно-популярной литературы ОНТИ к концу 1937 года пришла с мало отрядными результатами, выпустив 14 названий книг вместо запланированных 62, — отмечает некто, подписавшийся «М», в журнале «Техническая книга». — Издательство не выполнило даже четверти своего годового плана, к тому же несколько раз сокращавшегося и с 800 листов доведенного до 560 листов». ¹⁷³ В 1937 году Главная редакция юношеской и научно-популярной книги ОНТИ выпустила в четыре раза меньше книг, чем в предыдущем; общий их тираж составил «всего» 415 тысяч экземпляров... Финал вполне предсказуем: в конце 1937 года Главная редакция юношеской и научно-популярной книги ОНТИ была закрыта.

В середине тридцатых годов выпуском научно-популярной литературы в СССР, кроме ОНТИ, занимались еще три

крупных издательства (не считая спорадические попытки издавать научпоп в нескольких десятках других). Но и там дела обстояли неблестяще. По крайней мере, так считалось официально.

«“Молодая гвардия”, вопреки ее прямому назначению в текущем <1936> году выпустила всего несколько названий, да и то главным образом из области фантастики: Жюль Верна “Приключения капитана Гаттераса”, Уэллса “Человек-невидимка”, Поля де-Кюри “Борьба со смертью” и Конан-Дойля “Потерянный мир”, — отмечает руководитель группы детской литературы главной конторы КОГИЗ (Книготорговое объединение государственных издательств) И. Старцев. — Кроме того, выпущено всего две книжки советских авторов: Рюмина “Занимательная химия” и Львова “Настоящее и прошлое Земли”, причем и та и другая книжка — повторные издания».¹⁷⁴

Вообще-то приводимые выше И. Старцевым показатели издательской активности «Молодой гвардии» несколько удивительны. Дело в том, что еще в издательских планах на 1932 год «Молодая гвардия» намечала выпуск нескольких серий научно-популярных книг. «По мастерским советской науки и техники»: «книги этой серии будут посвящены советской науке и ее работникам. Задача серии... в яркой очерковой форме показать жизнь советской науки, ее творцов, новые идеи, методы научного творчества, немыслимые в капиталистических странах», — отмечало руководство научно-популярного отдела издательства.

Отметим, что в качестве авторов серии издательством рассматривались «работники научно-исследовательских институтов и в первую очередь научная молодежь, квалифицированные журналисты».¹⁷⁵ В качестве примера научно-популярный отдел «Молодой гвардии» приводил несколько титулов из этой серии: «Штурм атома», Институт им. Иоффе, 3 п. л., 15 000 экз.; «Пути зерна», Институт им. Вавилова, 3 п. л., 15 000 экз. Суммарный же тираж книг в этой серии, по мо-

им подсчетам, должен был составить более 700 тысяч экземпляров (включая книги, изданные вне плана, и редакционный резерв).

Другая серия, планировавшаяся к выпуску в 1932 году отделом научно-популярной литературы «Молодой гвардии» — «Библиотека экспедиций и путешествий». Здесь уже делается несколько иной акцент в вопросе кадрового обеспечения этой серии: «В методах подачи материала необходимо сочетать увлекательное и популярное изложение темы с действительным научным ее обоснованием, обеспечив теснейшую увязку в этой работе с научно-исследовательскими институтами, подбором соответствующих кадров авторов — высококвалифицированных журналистов». Суммарный тираж книг этой серии приблизительно можно оценить в 290 тысяч экземпляров.

Наконец, еще одна научно-популярная серия издательства «Молодой гвардии» называлась «Библиотека научной belle-тристики». «В эту серию войдут романы и повести, которые в художественной форме, сюжетно будут разрабатывать те или иные проблемы науки. Задача этой серии — создание увлекательного чтения для молодежи по типу классических произведений такого рода, но на советском материале, с увязкой с текущими политико-экономическими вопросами».

Таким образом, издательская программа научно-популярной литературы только одной «Молодой гвардии» составляла в 1932 году более одного миллиона экземпляров книг и брошюр. Что произошло с этими планами за четыре года — тема для специального исследования. Но и не верить данным И. Старцева, касающимся издания научно-популярной литературы в 1936 году, у нас тоже нет оснований. Впрочем, «Молодая гвардия» не была исключением.

Издательство «Сотрудник» выпускало серию пособий по детскому техническому творчеству. «Большинство выпусков этой серии, несмотря на сравнительно небольшие тиражи (10 тыс. экз.) и невысокую цену, приобретает ребятами довольно

неохотно, — отмечает все тот же И. Старцев. — Причина, очевидно, — дурное оформление серии (очень плохая бумага, нечеткие схемы), сравнительная сложность предлагаемых работ и чрезмерно краткое сухое текстовое сопровождение».

«Дайте хорошую научно-популярную книжку!» — лозунг оставался актуальным и в середине тридцатых годов.¹⁷⁶

План Детгиза на 1936 год: из общего числа в 215 названий на научпоп приходилось 64, в которые входили 45 названий книг по истории материальной культуры, техники и естествознания, остальные 19 — серии пособий по детской технической самодеятельности («Технико-конструктивная серия»). Но и эти планы были реализованы меньше, чем наполовину: за год было выпущено 28 названий книг. Однако в следующем, 1937 году Детгиз сумел отметить только 18 названиями научно-популярных книг (кроме биологических и географических).¹⁷⁷

«Издательства не сумели привлечь к работе лучших авторов и не работают над выращиванием новых кадров, — отмечалось в редакционной статье журнала «Техническая книга», главная тема 3-го номера которого за 1936 год была посвящена научно-популярной литературе для молодежи. — Книги пишутся нередко замкнутым кругом лиц сомнительной квалификации. Между тем созданием этого, по существу, нового вида советской литературы должны заняться лучшие научные работники, инженеры, писатели».¹⁷⁸

Другой вопрос, где ж их было взять — «лучших научных работников, инженеров, писателей». На дворе ведь 1937 год, а не нэповская издательская вольница... Лучших уже взяли другие компетентные органы. Еще в 1934 году в интервью Герберту Уэллсу Сталин заявит: «Инженер, организатор производства, работает не так, как ему хотелось бы, но так, как ему приказывают... Не следует думать, что техническая интеллигенция может играть независимую роль».¹⁷⁹

Как управляться с инженерами — опыт уже имелся: в 1930 году с 25 ноября по 7 декабря состоялся так называемый про-

цесс Промпартии — суд над восемью ведущими советскими инженерами, обвиненными в заговоре против советского правительства. Причем человек, признанный организатором этого заговора, выдающийся русский инженер Петр Пальчинский, к тому моменту уже был тайно казнен. По данным известного американского историка, специалиста по социальной истории российской науки Лорена Грэхэма, к тому моменту в СССР насчитывалось около 10 тысяч квалифицированных инженеров; 30% из них в итоге подверглись аресту.¹⁸⁰ (Николай Бухарин приводил несколько иные данные: в 1929 году количество специалистов — инженеров и техников с высшим образованием — было 57 тысяч, со средним — 55 тысяч; в 1932 году — количество инженеров и техников с высшим образованием возросло до 216 тысяч, со средним — до 288 тысяч.¹⁸¹)

Именно Сталин выдвинул идею создания Беломорско-Балтийского канала (1931–1933 годы) силами заключенных. Некто Яков Рыкачев в 1934 году в брошюре «Инженеры Беломорстроя» настаивал: «...вовсе не отдельные люди, не чекисты, не товарищи — план давит на него <инженера-заключенного> с огромной силой. План, неразрывной частью которого является его работа. План, неумолимый рабочий план, который постепенно становится высшим законом, которому в равной мере подчинены чекисты, инженеры, воры, бандиты, проститутки».¹⁸² Социальная лакуна, в которую были помещены потенциальные авторы и создатели «нового вида советской литературы», говорит сама за себя.

Впрочем, гуманитариям, «инженерам человеческих душ»*, приходилось ничуть не легче. Как раз в 1937 году, например,

* У этого крылатого, почти народного, выражения — *инженеры человеческих душ* — есть не только точно известный автор, но и точная дата появления: 26 октября 1932 года тов. Сталин, беседуя с писателями на квартире у Максима Горького, произнес ее. (*Паперный В.* Культура Два. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 322.) По-видимому, сказано это было с дальним прицелом.

прекратила свое существование редакция ленинградского Детиздата. Некоторые ее сотрудники были уволены, другие — арестованы.

«Кадровые» ножницы в середине тридцатых годов приобрели характер системного кризиса в развитии страны. И это закономерно.

Уже к 1936 году удельный вес продукции, полученной с новых и полностью реконструированных заводов, составил 75,4%, а в производстве средств производства — 87,4%. Весь парк тракторов, комбайнов и сельскохозяйственных машин был создан в годы первой и второй пятилеток. Из имевшегося на январь 1938 года парка металлорежущих станков более половины было произведено за годы второй пятилетки. В силовом оборудовании промышленности 79,5% всей мощности паровых турбин, 62,2% мощности дизелей и 77,2% электрогенераторов были установлены после 1929 года.¹⁸³

На этом фоне абсолютно не случайно, например, один из лозунгов ЦК ВКП(б) к 19-й годовщине Великой Пролетарской революции в СССР звучал так: «Поднимем культурно-технический уровень рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда!». Но только призывами, даже самыми грозными, восстановить кадровый потенциал было невозможно — например, количество рабочих с высшим образованием в это время не превышало 1% от общей численности рабочих в стране.¹⁸⁴

Да что там говорить о рабочих с высшим образованием, если в январе 1939 года, по данным советского историка Ф.А. Лукинского, в Сибири 84,4% рабочих не имели школьной подготовки (22,1% неграмотных, в том числе 30% — в Новосибирской области, и 62,3% грамотных, но без школьного образования). Уровень образования остальных рабочих составлял от одного до шести классов школьного обучения. Только 4,8% рабочих гигантского региона имели 7 классов образования.

Эти результаты были получены Лукинским в 1980 году на основе анализа засекреченных в то время данных Всесоюзной переписи населения 1939 года.¹⁸⁵ В целом же, по подсчетам С.П. Постникова и М.А. Фельдмана, среди всех рабочих народного хозяйства СССР процент неграмотных колебался от 2 до 15.¹⁸⁶

Культурная оболочка — вещь чрезвычайно тонкая, хрупкая. Содрать ее, в общем-то, ни большого труда, ни большого ума не требуется. А вот регенерируется она чрезвычайно медленно, если вообще поддается восстановлению. И это несмотря на действительно сверхусилия, которые прикладывали власти. В тридцатые годы в Советском Союзе очень быстро растет выпуск инженеров разных специальностей (табл. 2.11). По сравнению с 1926 годом, в 1939 году количество инженеров в СССР увеличилось в 7,7 раза.¹⁸⁷

Практически синхронно рос и выпуск технических книг (табл. 2.12). Но вот научно-популярной литературы в стране по-прежнему не хватало очень остро. В 1934 году из запланированных 200 названий листажом 15,4 миллиона оттисков вышло 129 названий (64,5%) листажом 12,5 миллиона оттисков (81,2%). В 1935 году — та же картина: из запланированных 136 названий листажом 9,7 миллиона оттисков вышло 87 названий (64%) листажом 9 миллионов оттисков (92%).¹⁸⁸ Хотя в целом техническая литература в СССР в то время издавалось миллионными тиражами (табл. 2.13).

* * *

Но как раз в этот критический момент на рынке отечественного научпопа появляется очень сильный и целеустремленный субъект — Академия наук СССР. Именно в этой организации сохранились еще столь необходимые кадры и опыт для создания качественной научно-популярной литературы.

Еще в 1935 году была создана Комиссия АН СССР по изданию научно-популярной литературы. С момента ее

Таблица 2.11. Выпуск молодых специалистов из высших ученых заведений за 1933–1938 годы

Выпуск молодых специалистов из вузов	Тыс. человек					
	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Всего по СССР (не считая военных специалистов)	34,6	49,2	83,7	97,6	104,8	106,7
Инженеры промышленности и строительства	6,1	14,9	29,6	29,2	27,6	25,2
Инженеры транспорта и связи	1,8	4,0	7,6	6,6	7,0	6,1
Инженеры по механизации сельского хозяйства, агрономы, ветеринарные врачи и зоотехники	4,8	6,3	8,8	10,4	11,3	10,6

Источник: Техника — молодежи, 1939, № 4. С. 9.

организации и до 1951 года председателем комиссии был С.И. Вавилов.

С 1930 года издательство Академии наук было переведено на хозрасчет, причем ему была передана и вся книжная продукция академии начиная с 1728 года. (Правда, академик Алексей Крылов отмечал в 1945 году, что «условия передачи, условия расчета, расценка старых изданий и пр. выработывались неизвестно кем и как, но при падении ценности денег эта работа едва ли соответствует действительности».¹⁸⁹) И этот субъект вполне отдавал себе отчет в сложившейся ситуации в области издания научпопа.

«В последние годы изданием научно-популярной литературы занимались многие издательства, но ни в одном из них это дело не было поставлено мало-мальски широко и серьезно. Подбор тем был довольно случаен. В результате одни темы ду-

Таблица 2.12. Выпуск технических книг в СССР

	Печатные единицы			Тираж (тыс. экз.)		
	1913 г.	1928 г.	1937 г.	1913 г.	1928 г.	1937 г.
Вся техника, транспорт, связь	869	2868	8532	1209	11 908	39 244
В том числе						
Общие вопросы техники	54	97	416	107	414	1987
Машиностроение	53	243	1287	81	934	3471
Энергетика, электротехника	99	363	1040	122	1179	3013
Горное дело, нефтяная промышленность	49	66	403	15	89	1054
Металлургия	8	44	291	9	107	586
Химическая промышленность	30	117	499	72	339	933
Пищевая промышленность	71	83	481	121	244	1868
Текстильная промышленность	35	69	476	56	323	1744
Строительная промышленность	157	374	941	162	1460	4234
Транспорт	264	426	1815	258	1996	14 826
Связь, радио	10	83	453	22	685	2619

Источник: По данным Всесоюзной книжной палаты. Цит по: Техническая книга, 1938, № 5, май. С. 22.

Таблица 2.13. Распределение технической книги в СССР за 1937 год по читательским группам

Виды изданий	Печатных единиц	Тираж, тыс. экз.	Количество листов-оттисков, тыс.
Детская и учебная для средней школы	77	2881	8614
Для молодежи	210	1140	13 465
Для учащихся вузов и втузов	742	1718	25 902
Для малоподготовленного читателя	1061	5359	13 296
Для кадров низшей и средней квалификации	2301	10 006	73 353
Для кадров высшей квалификации	1301	2457	33 423
Издания смешанного типа для подготовленного читателя	2536	13 392	50 899
Для всех категорий читателей	304	2291	12 390
Вся техническая литература	8532	39 244	231 342

Источник: По данным Всесоюзной книжной палаты. Цит. по: Техническая книга, 1938, № 5, май. С. 49.

блировались, другие вовсе не освещались. Особенно плохо поставлена популяризация наук, на которых зиждется современная техника: физика, химия математика, электротехника и др., совершенно нет популярных трудов по многим гуманитарным наукам. Много литературы было издано Главной редакцией юношеской и научно-популярной литературы ОНТИ в 1936 году, но в 1937 году эта редакция была ликвидирована. Другие издательства также почти прекратили работу в этом направлении. Исключение представляет лишь издательство Академии наук СССР, где в 1938 году значительно возрос выпуск научно-популярной литературы», — писал в 1939 году в большой программной статье «О научно-популярной литературе» Е.С. Лихтенштейн.¹⁹⁰

Академики взялись за дело основательно и, что важно, вполне сообразуясь с политической конъюнктурой. Первое, что было сделано, — разработан проект тематического плана, рассчитанный на несколько лет, по серии «Академия наук — стахановцам». План состоял из восьми разделов, условно названных: «Передовая наука»; «Покорение природы»; «Новая техника»; «История народов СССР»; «Наша Родина»; «Культура народов»; «Произведения классиков науки»; «На темы дня».

Надо отметить, что инициатором создания этой серии была Надежда Константиновна Крупская. Именно она обратилась 10-11 января 1936 года с письмом к академикам А.П. Карпинскому, В.Л. Комарову, И.П. Павлову, А.Н. Баху, С.И. Вавилову. В письме она призывала Академию наук включиться в дело продвижения науки в массы и, в частности, принять участие в создании научно-популярной литературы рабочих-стахановцев. В письме к президенту АН СССР В.Л. Комарову она отмечала: «Академия наук давно уже держит курс на то, чтобы продвинуть науку в массы. Сейчас в связи со стахановским движением тяга масс к научному знанию значительно повысилась. Хотят читать не только беллетристику, хотят читать научно-популярную литературу. Крепко надеюсь, что под Ва-

шим председательством Академия наук, ее работники подымут это дело на необходимую высоту».¹⁹¹ Именно в ответ на это обращение Крупской президиум АН СССР тут же, в январе 1936 года, принимает решение создать научно-популярную серию «Академия наук СССР — стахановцам» под общей редакцией президента АН СССР Владимира Комарова.

При всей кажущейся очевидности и незамысловатости принятого академиками проекта перед ними стояла задача отнюдь не тривиальная. Дело в том, что большинство из стахановцев были вчерашние неграмотные или малограмотные рабочие. Так, анализ биографий 500 наиболее известных стахановцев показал: 60,7% из них были выходцами из деревни, а половина имела стаж работы на производстве всего лишь 3–4 года.¹⁹²

Но академики оказались людьми упорными и исполнительными. Для систематической (сегодня сказали бы — системной) пропаганды научных достижений в марте 1936 года президиум АН СССР создает отдел научной пропаганды. Задача — организация лекций и докладов, как для учащихся и широких народных масс, так и для самих ученых.

«Основной причиной отставания научно-популярной литературы и неупорядоченности ее тематики является то, что у нас нет издательства, которое выпускало бы основную массу этой литературы и отвечало бы за ее издание, — аккуратно подводит к ключевому положению своей статьи Лихтенштейн. — Таким издательством, нам кажется, должно стать издательство Академии наук СССР, не специализировавшееся в одной научно-технической области, а охватывающее весь цикл естественных, научно-технических и общественных дисциплин».

И это были уже не пустые декларации. Реализация амбициозной заявки на лидерство академического книгоиздания потребовала принятия и вполне жестких организационных решений. Скажем, 25 сентября 1937 года президиум АН СССР

утверждает инструкцию о порядке печатания академических изданий. Согласно этой инструкции, опубликование работ в изданиях Академии наук или от ее имени производится не иначе, как по решению редакционно-издательского совета АН СССР.

В 1938 году в издании Академии наук начали печататься три научно-популярные серии. Про одну из них, «Академия наук СССР — стахановцам», мы уже говорили. Вторая научно-популярная серия, под общей редакцией академика С.И. Вавилова, предназначалась «для широкого круга советской интеллигенции — инженерно-технических работников, педагогов, врачей, студентов и т. д.». Третья серия, под общей редакцией академика Л.И. Прасолова, предполагала в качестве целевой аудитории агротехников и колхозный актив.

Но вся эта кипучая популяризаторская деятельность Академии наук СССР не обошлась, конечно, без руководящей и направляющей деятельности ВКП(б). Причем партия делала акцент, как всегда, на идеологической составляющей этой работы. Так, в марте 1940 года главный редактор газеты «Правда», будущий академик П.Н. Пospelов, заместитель начальника пропаганды и агитации, заведующий Отделом печати ЦК ВКП(б) Т.И. Антропов и академик Г.Ф. Александров готовят записку в ЦК ВКП(б). В ней они предлагают поддержать инициативу академиков О.Ю. Шмидта и М.Б. Митина о том, чтобы «...создать новый научно-популярный журнал “Научная мысль”. Журнал должен знакомить советскую интеллигенцию с основными результатами, достижениями всех областей знания. Серьезную роль в марксистско-ленинском воспитании советской интеллигенции должен сыграть отдел журнала — “Общественные науки”. Иметь такой журнал, специально рассчитанный на советскую интеллигенцию, крайне необходимо».¹⁹³

Авторы записки предлагали для реализации задуманного реорганизовать в научно-популярный журнал уже существую-

щее издание — «Советская наука». При этом публикацию официальных документов Комитета по делам высшей школы планировалось передать в специальный бюллетень. В итоге 25 марта 1940 года Оргбюро принимает решение: «1. Реорганизовать с марта 1940 г. журнал «Советская наука» в научно-популярный журнал, орган Академии наук СССР и Комитета по делам высшей школы. Основной задачей журнала считать ознакомление советской интеллигенции с основными достижениями всех областей знания.

2. Установить выход журнала один раз в месяц, объемом в 10 печатных листов, тиражом в 30 тысяч экземпляров.

3. Утвердить ответственным редактором журнала «Советская наука» академика А.Н. Баха...»

Не случайно также, что 10 декабря 1940 года президиум АН СССР постановил «начать издание серии научно-популярной литературы для советской интеллигенции».¹⁹⁴

Между тем в 1938 году отечественную и переводную научно-популярную литературу в СССР издавали около 30 издательств! Продукция двенадцати из этой тридцатки составляла 82,4% названий и 88% тиража научпопа в стране.¹⁹⁵ Но наиболее крупными издателями естественнонаучных популярных книг были три — ОНТИ и Детгиз (до своего расформирования) и Издательство Академии наук СССР. С печальной судьбой первых двух издательств мы уже отчасти знакомы. Издательство Академии наук СССР на этом фоне выглядело «островком стабильности». По-видимому, это осознавало и руководство академии и в полной мере ответственно взяло на себя роль локомотива научпопа в стране.

Комиссия Академии наук по изданию научно-популярной литературы признала даже необходимым разработать некоторую инструкцию авторам научно-популярных произведений. «Разумеется, такая инструкция не может рассматриваться как рецепт составления научно-популярных книг», — спешит всех успокоить Е. Лихтенштейн. Но основные положения этой ме-

тодической разработки заслуживают того, чтобы упомянуть их хотя бы кратко.

Итак.

«Популярная литература должна быть строго научной. Забота о простоте изложения не должна приводить к упрощению тех научных вопросов, о которых пишет автор. Упрощая сложные вопросы, выдавая гипотезу за нерушимую истину, описывая одну гипотезу, замалчивая другие, популяризатор воспитывает у читателя примитивность мышления...

Научно-популярные книги должны не только сообщать факты, но и знакомить читателя с идеями, обобщающими выводами науки, открывать перед ним широкие перспективы науки в условиях социализма...

В хорошей научно-популярной книге должны быть слиты некоторые черты, свойственные научной работе и литературному произведению. Живость и увлекательность изложения, удачные сравнения, позволяющие найти знакомое в неизвестном, значительно облегчают восприятие научного материала. Легче всего завладевает вниманием читателя та книга, в которой есть элемент действия. Очень благодарны в этом отношении темы из истории науки и биографии великих ученых и изобретателей. По этим же причинам географические знания лучше всего передаются в форме рассказа о путешествиях...

Популярная книга должна разбиваться на небольшие главы, отчетливо очерчивая звенья повествования. В начале глав желательно давать краткое содержание их, а в конце — краткое резюме. Большие главы бывает полезно разбить на части подзаголовками. Весьма затрудняют чтение большие периоды и отсутствие достаточного количества красных строк (абзацев)...

Весьма полезно в научно-популярной книге дать рекомендательный список книг по соответствующему вопросу...

...Передовой наукой может быть названа только та наука, которая, как говорит товарищ Сталин, “не отгораживается от на-

рода, не содержит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой”». ¹⁹⁶

Эти слова И.В. Сталина как бы завершают некий исторический цикл в отношении власти к популяризации науки в обществе. Цикл, начало которому положил В.И. Ленин, написав 5 мая 1920 года в письме к М.Н. Покровскому: «т. Покровский! Мне случилось как-то беседовать с т. Луначарским о необходимости издания хорошего словаря русского языка. Не вроде Даля, а словаря для пользования (и учения) всех, словарь, так сказать, классического, современного русского языка (от Пушкина до Горького что ли, примерно). Засадить на паек человек 30 ученых или сколько надо, взяв, конечно, не годных на иное дело, — и пусть сделают... Ваш Ленин». ¹⁹⁷

Как бы там ни было, к 1941 году средний тираж одной научно-популярной книги достигал лишь 10 тысяч экземпляров. Не случайно, кстати, в инструкции «О расстановке книг в книжных магазинах» (утверждена дирекцией Книготоргового объединения государственных издательств, КОГИЗ, 13 июля 1938 года) рекомендуется следующая схема деления всего книжного ассортимента:

«п. 3.

I. Массово-политическая и социально-экономическая литература.

II. Военная литература.

III. Литература по народному образованию (учебно-педагогическая литература). Физкультура и туризм.

IV. Художественная литература. Литературоведение и критика. Языкознание. Искусство.

V. Детская литература.

VI. Сельскохозяйственная литература.

VII. Научно-техническая литература.

VIII. Литература по биологии и медицине.

IX. Литература на языках народов СССР и иностранных языках.

п. 8. При определении принадлежности книги сборного характера к тому или иному отделу (подотделу, группе) за основу принимается тематика книги (т. е. ее преобладающее содержание)». ¹⁹⁸

В общем, научпоп опять, как и в начале века, оказывался «размазанным» по другим книжным отделам. Мало того, даже в детальной расшифровке ассортимента отдела научно-технической литературы, к которому было бы логичнее всего приписать и научно-популярную, не предусматривалось места для научпопа. Для книг по хладотехнике, дирижаблестроению, канализации, швейно-трикотажной промышленности, противопожарному делу, по гужевому транспорту и проч., и проч. предусматривалось, а для научно-популярной литературы — нет.

И все-таки в 1939 году общий тираж научпопа в СССР подобрался к 1,3 миллиона экземпляров (без учета справочной и учебной литературы). Это составило, по названиям, 0,9% от выпуска всей технической книги в стране и 2,5% от всего тиража технической книги. ¹⁹⁹

Научно-популярное книгоиздательство и периодика в СССР явно набирали обороты. В 1940 году суммарные тиражи научно-популярной литературы в СССР подскочили до 13 миллионов экземпляров.

Казанская Ньютониана — 1943

Перед Великой Отечественной войной в СССР насчитывалось 220 издательств и около 5 тысяч полиграфических предприятий. Увы, с началом войны на восток удалось эвакуировать лишь часть из них. Полностью были утрачены типографские мощности на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, на Орловщине. Почти на порядок сократилось производство бумаги: 730 тысяч тонн в 1941 году, 166 тысяч тонн — в 1942-м. Есте-

ственно, что издание газет сократилось на 4300 названий (т. е. почти в 2 раза), а журналов — на 1500 (в 5,6 раза).²⁰⁰ Впрочем, книгоиздание сократилось также в разы. В целом по стране выпуск книг упал с 45 830 названий в 1940 году до 15 899 — в 1943-м.²⁰¹ Общепринятый в полиграфии параметр — объем произведенной продукции в печатных листах-оттисках — еще более показателен: в 1943 году он был в 4 раза меньше, чем в 1941-м.

Академическое книгоиздательство по названиям сократилось в 1943 году, по сравнению с 1941 г., в 2,6 раза (350 и 913 наименований соответственно).²⁰²

Динамика выпуска книг и журналов Академией наук в военные годы приведена в табл. 2.14. Для сравнения там же приведены данные по предвоенному и первому послевоенному году.

По некоторым годам есть данные по разделению общего объема печатной продукции на книги и журналы²⁰³: в 1941 году — 4945 и 2260 соответственно; в 1944 году — 1246 и 2500; в 1945-м — 3054 и 2500.

То есть уже в 1946 году по числу наименований книжных изданий Академия наук СССР превзошла уровень первого военного года. А по числу периодических изданий этот уровень был превзойден и того раньше — в 1944 году. «Поражает не только разнообразие тематических направлений — в массиве изданных работ были представлены все основные области науки и техники, — но и значительные для военных лет тиражи научно-популярных трудов, — не скрывает своего удивления директор издательства «Наука», член-корреспондент Российской академии наук Владимир Васильев. — Так, 50-тысячными тиражами выпущены такие разные по целевому назначению издания, как книга Гамалея Н.Ф. «Грипп и борьба с ним» и Вейгелина К.Е. «Отец русской авиации — Н.Е. Жуковский»...

Понятно, когда в 1942 году 25-тысячным тиражом издается «Очерк развития русского противогаза...». Но таким же тира-

Таблица 2. 14. Динамика выпуска книг и журналов Академией наук СССР

Годы	Число изданий (названий)	Объем, авт. л.		
		Всего	В том числе	
			книги	журналы
1940	913	12 773		
1941	578	7205	4945	2260
1942	350	2303		
1943	268	1937		
1944	496	3746	1246	2500
1945	570	5554	3054	2500
1941–1945, всего	2262	20 745		
1946	672	8601		

Источник: Лихтенштейн Е.С. Из истории научных изданий в СССР: Академическая типография — Изд-во Академии наук СССР// Книга. Исследования и материалы. — М., 1960. Сб. 3. С. 28–29, 45.

жом распространяются работы С.И. Вавилова (“Глаз и солнце...”) и... “История римской литературы” М.М. Покровского. И это в один из самых тяжелых периодов войны!»²⁰⁴

Основываясь на данных, приведенных в цитированной выше работе В.И. Васильева, легко подсчитать, сколько книг из 75 наименований серии «Научно-популярная литература» было выпущено тиражом в 10 тысяч экземпляров и больше (т. е. тиражами средними для предвоенных показателей издания научпопа). Оказалось, что таковых книг 22 — почти 30%! И это во время войны. И это научно-популярная литература.

Вот эти титулы:

Бась К.Л., Шишаков В.А. «Луна» (1941, 10 тыс. экз.);

Вавилов С.И. «Глаз и солнце. О свете, солнце и зрении» (1944, 20 тыс. экз.);

Бублейников Ф.Д., Щербаков Д.И. «Замечательные геологические явления нашей страны» (1941, 10 тыс. экз.);

Виноградов И.В. «Карты и атласы» (1941, 10 тыс. экз.);

Анисимов С. «Путешествия П.А. Кропоткина» (1943, 10 тыс. экз.);

Опарин А.И. «Возникновение жизни на Земле» (1941, 10 тыс. экз.);

Шмидт П.Ю. «Организм среди организмов. Жизнь и взаимные отношения живых существ» (1941, 10 тыс. экз.);

Гамалея Н.Ф. «Грипп и борьба с ним» (1942, 50 тыс. экз.);

Воронихин Н.П. «Растительный мир океана» (1945, 10 тыс. экз.);

Шишкин Б.К. «Как составить гербарий» (1941, 10 тыс. экз.);

Фигуровский Н.А. «Очерк развития противогАЗа во время империалистической войны 1914–1918 гг.» (1942, 25 тыс. экз.);

Сеченов И.М. «Рефлексы головного мозга» (1942, 10 тыс. экз.);

Вейгелин К.Е. «Отец русской авиации — Н.Е. Жуковский» (1942, 50 тыс. экз.);

Ярославский Е.М. «Биография В.И. Ленина» (1942, 10 тыс. экз.);

Ярославский Е.М. «О товарище Сталине» (1942, 10 тыс. экз.);

Вавилов С.И. «Исаак Ньютон (1643–1727)» (1945, 10 тыс. экз.);

Лурье С.Я. «Архимед» (1945, 15 тыс. экз.);

Хейфец Ф.А. «Первый Интернационал» (1941, 10 тыс. экз.);

Греков Б.Д. «Борьба Руси за создание своего государства» (1945, 15 тыс. экз.);

Покровский М.М. «История римской литературы» (1942, 20 тыс. экз.);

Ковалевская С.В. «Воспоминания детства и автобиографические очерки» (1945, 10 тыс. экз.);

Крылов А.Н. «Мои воспоминания» (1945, 12 тыс. экз.).

Но даже на фоне этого необъяснимого, казалось бы, влечения к научной популяризации в годы тяжелой войны несколько особняком стоит история с празднованием в Советском Союзе 300-летия со дня рождения Исаака Ньютона.

* * *

«Трудно сказать что-либо существенно новое вдали от родины Ньютона, не имея под руками подлинных документов и архивов о его жизни, после больших сочинений Брюстера, Био, Розенберга и Мора».²⁰⁵ Это отрывок из авторского предисловия к первому изданию книги академика С.И. Вавилова «Исаак Ньютон».* Тем не менее, несмотря на такую самокритичность автора, книга эта стала классической научной биографией сэра Исаака Ньютона на русском языке и переиздавалась еще три раза:

Вавилов С.И. Исаак Ньютон. — М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945. — 230 с. Второе издание, просмотренное и дополненное (1000 экз.);

Вавилов С.И. Исаак Ньютон (Научная биография и статьи)/ Академия наук СССР. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. — 294 с. (20 000 экз.);

Вавилов С.И. Исаак Ньютон: 1643–1727. — 4-е изд., доп. — М.: Наука, 1989. — 271 с., ил. — (Научно-биографическая серия) + *Гинзбург В.Л.* Несколько замечаний к биографии Исаака Ньютона; *Юшкевич А.П.* Математика в рукописном наследии Исаака Ньютона; *Вавилов С.И.* Ньютон и современность (21 300 экз.).

* Издательство Академии наук СССР, Москва—Ленинград, 1943. — 216 с., 3000 экз.

Эта же книга была помещена в третий том «Собрания сочинений» С.И. Вавилова (М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956). А кроме того, вавиловская биография Ньютона семь раз переиздавалась за границей — была переведена на румынский (1947), венгерский (1948) и немецкий (Вена, 1948 и Берлин 1951) языки.

Но нас сейчас будут интересовать обстоятельства подготовки именного первого издания этой книги. Выдающийся советский историк математики А.П. Юшкевич напишет об этом издании так: «В своей относительно небольшой книге... С.И. Вавилов с редким искусством сумел соединить *utile dulci*, увлекательность с серьезностью, популярность с научной глубиной. Его биография Ньютона — прекрасный образец научно-художественной прозы».²⁰⁶ Правда, Адольф Павлович в своей статье анализирует сущностный, содержательный аспект вавиловского труда и ничего не говорит об условиях, в которых он создавался. А они были очень нестандартными, порою даже драматичными.

* * *

«4 января 1943 года исполняется триста лет со дня рождения Исаака Ньютона, одного из величайших гениев точного естествознания, — с этих слов начинается предисловие к первому изданию вавиловской биографии Ньютона. — Направляя сейчас основные усилия на помощь нашей героической Красной Армии, Академия наук СССР не может пройти мимо знаменательной даты трехсотлетия со дня рождения одного из величайших творцов культуры — Исаака Ньютона. Академией наук создана особая комиссия по ознаменованию юбилея Ньютона. Настоящее жизнеописание составлено по предложению комиссии».

Во втором издании 1945 года, снабженным и новым предисловием, Сергей Иванович Вавилов дополнит сказанное: «Первое издание этой книги было опубликовано в самом на-

чале 1943 года... Книга составлялась в грозные дни сталинградской битвы, решавшей исход войны... с удовлетворением можно отметить, что на нашей родине, несмотря на напряжение исторических сталинградских дней, решавших ее судьбы, юбилей Ньютона праздновался широко и с большим единодушием. Помимо многочисленных торжественных заседаний в научных институтах, университетах и других учреждениях по всей стране, в юбилейные дни в СССР было издано пять книг, посвященных Ньютону, и среди них большой том статей, всесторонне анализирующих наследство Ньютона».

Об этих книгах речь пойдет ниже. Сейчас же можно отметить одну деталь: воспроизведенное в этом издании предисловие к первому, 1943 года изданию заканчивается уточненным местом и временем написания: *г. Йошкар-Ола. Ноябрь 1942 г.* Самый тяжелый период Великой Отечественной войны, а страна «широко и с большим единодушием» празднует юбилей Ньютона! Издается целая библиотечка, посвященная великому англичанину. Чего это стоило в то время — отдельная тема.

* * *

Судьба академического книгоиздания во время войны очень плотно переплетена с Казанью.

Уже 22 июля 1941 года в этот город были эвакуированы первые 11 академических институтов и две лаборатории из Москвы: Институт горючих ископаемых, Энергетический институт, Институт машиноведения, Институт химической физики, Институт органической химии, Институт общей и неорганической химии, Коллоидно-электрохимический институт, Биологическая лаборатория академика В.И. Вернадского, Институт теоретической геофизики... Также были эвакуированы и Институт физических проблем (ИФП, директор — академик Петр Леонидович Капица), и Физический институт (ФИАН, директор — академик Сергей Иванович Вавилов).

Расположились эвакуированные институты в помещении Казанского университета. «Небольшой физический корпус был отведен под три института, — вспоминает Л.В. Лёвшин. — Первый этаж был передан Институту физических проблем, второй — Ленинградскому физико-техническому институту; помещение физического практикума на третьем этаже было отдано ФИАНу».²⁰⁷

Эмоциональное описание условий, в которых приходилось работать академическим ученым в Казани, дает письмо С.И. Вавилова одному из ведущих сотрудников ФИАНа — академику Л.И. Мандельштаму. Вместе с большой группой престарелых и слабых здоровьем академиков Леонид Исаакович Мандельштам 16 июля 1941 года был эвакуирован из Москвы на курорт Боровое в Северном Казахстане. Оторванный от лабораторий колебаний и оптики, созданных по его инициативе, Мандельштам высказывает в письме Вавилону свое желание переехать в Казань. Ответ С.И. Вавилова от 25 апреля 1942 года красноречив и однозначен: «Казанские условия жизни и работы очень плачевные. ФИАН, расположенный в университете, почти не отапливается, работать приходится в шубах, в большой тесноте, с перебоями в воде и токе. Н.Д. Папалекси* не получил до сих пор даже фанерного угла... Для Вас же пребывание в Казани и работа в такой обстановке ничего хорошего не обещает. Квартирный вопрос и продовольственный находятся в Казани в состоянии, Вам, вероятно, известном».²⁰⁸

Но, судя по всему, и психологическая обстановка среди самих эвакуированных в Казань ученых была в то время не самая простая. По крайней мере С.И. Вавилов в том же письме к Мандельштаму специально отмечает: «Кроме того, необычайная концентрация физиков и вообще академических людей, создавшаяся в Казани, невыносима (по крайней мере для

* Академик, соавтор многих работ Л.И. Мандельштама и его друг. — *А.В.*

меня). На этой почве сплетни, ссоры, борьба уязвленных самолюбий и проч. разрастаются до невиданных размеров. От одного этого можно сбежать из Казани».²⁰⁹

Впрочем, тяжело было всем.

Можно себе представить, какая более чем серьезная нагрузка легла на Казанский университет. И все же в стенах его не прекращался учебный процесс, занимались студенты. Правда, с началом войны график обучения уплотнился существенно: Казанский университет перешел на трехлетнюю форму обучения, были отменены выходные и отпуска преподавательскому составу, нагрузка на преподавателя составила 42 часа в неделю. Летние каникулы сократили до одного месяца, зимние — до одной недели.²¹⁰ Не случайно 16 апреля 1942 года академик Сергей Иванович Вавилов внес в президиум АН СССР предложение об организации Комиссии содействия Казанскому государственному университету.²¹¹ Тем не менее только в 1946 году в университете был восстановлен восьмичасовой рабочий день, ежегодные оплачиваемые отпуска, воскресенье опять стало выходным днем.

В Казань же были переведены президиум Академии наук (30 сентября 1941 года там прошло его расширенное заседание) и академическое издательство. В 1941—1943 годах в Казани, на базе в основном Татполиграфа, Издательство АН СССР выпустило 46 изданий. И отдельная тема — казанская Ньюто-ниана.

«Я вспоминаю зиму 1942/1943 года, когда наша страна начинала оживать после великой победы под Сталинградом, — напишет в 1951 году один из крупнейших отечественных специалистов в области теоретической астрономии и небесной механики, профессор Наум Ильич Идельсон; он также находился в эвакуации в Казани, где работал в Институте теоретической геофизики АН СССР и одновременно заведовал кафедрой геофизики Казанского университета. — А как раз тогда надвигался на нас, если можно так выразиться, ряд великих

юбилеев: 400-летие смерти Коперника, 300-летие смерти Галилея и рождения Ньютона. Пройти мимо этих дат — значило бы признать, что мы все забыли, от всего отошли в годину войны. Но мы ничего не забыли и ни от чего не отошли.* Замечательное книгохранилище Казанского университета сыграло здесь самую существенную роль. Оно помогло нам организовать собрания, писать статьи и составлять сборники, посвященные памяти этих титанов прошлого. И как сейчас помню я слова Сергея Ивановича <Вавилова>: “Юбилеи пройдут — книги останутся”. Очевидно, он подразумевал под этим, что пока мысль не отображена окончательно в печатном выступлении, подлежащем широкой критике, до тех пор ничего еще не сделано вообще».²¹²

Здесь, пожалуй, уже самое время привести библиографию этой Ньютонианы, о которой говорил академик Сергей Вавилов. Это, так сказать, каноническое пятикнижие, посвященное Ньютону:

1. *Вавилов С.И.* Исаак Ньютон. — М.—Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1943. — 216 с. Тираж 3000 экз. (Встречаются два варианта переплета: серый и темно-синий);

2. Акад. *Крылов А.Н.* Ньютон и его значение в мировой науке (1643—1943). — М.—Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1943. — 40 с. Тираж 3000 экз.;

* Забегая немного вперед, отмечу, что ко всем трем юбилеям были подготовлены и выпущены академические сборники, с тех пор ставшие уже классическими. Сначала, в 1943 году, последовательно выходят сборники: «Галилео Галилей. 1564-1642» (под ред. акад. А.М. Деборина, М.—Л., 1943); «Исаак Ньютон (1643—1727)» (под ред. акад. С.И. Вавилова, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1943). Затем, уже после войны, — «Николай Коперник. 1473—1543» (отв. ред. чл.-корр. АН СССР А.А. Михайлов, М.—Л., 1947). Интересно, что последний сборник открывает статья профессора Н.И. Идельсона «Жизнь и творчество Коперника»; этот текст выходил и отдельной брошюрой: *Идельсон Н.И.* Николай Коперник. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1943. Тираж 2000 экз. Естественно, что для сборника 1947 года статья была заново отредактирована и дополнена.

3. Исаак Ньютон (1643–1727). Сб. статей к трехсотлетию со дня рождения/ Под ред. акад. С.И. Вавилова. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1943. — 440 с. Авторы статей: А.Н. Крылов, С.И. Вавилов, Н.Н. Лузин, С.Я. Лурье (2 статьи), Н.Г. Чеботарев, Г.Г. Слюсарев, И.А. Хвостиков, Н.И. Идельсон, Л.Н. Сретенский, А.Д. Дубяго, М.В. Кирпичев, Т.П. Кравец, Т.И. Райнов, А.М. Деборин, А.Д. Люблинская, Е.Г. Скржинская, П.М. Дульский. Тираж 3000 экз.;

4. *Кудрявцев П.С.* Исаак Ньютон/ Под ред. проф. А.К. Тимирязева. — М.: Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1943. — 144 с. Тираж 25 000 экз. (уменьшенный формат);

5. Исаак Ньютон (1643–1943). — Казань: Казанский авиационный ин-т, 1943. — 82 с. Тираж 350 экз. (меньший формат).

Как видим, три из пяти книг выпущены академическим издательством. Последняя работа заслуживает отдельного разговора. Во втором издании книги «Исаак Ньютон» (1945 год) в кратком аннотированном библиографическом указателе С.И. Вавилов напишет про этот сборник статей: «Небольшая книга с юбилейными докладами...», но это как раз тот случай, когда мал золотник, да дорог.

«Волнуясь, перелистываем мы сейчас книги времен <Великой Отечественной> войны. Они напечатаны на газетной бумаге, заключены в неокрашенные обложки, а часто вообще не имеют их. Строгое оформление ограничено средствами набора — заголовками, выделениями, иногда наборным орнаментом. Немудреные черно-белые рисунки на обложках воспроизводятся цинкографией, — отмечает один из самых авторитетных современных отечественных историков печатного дела и книговедов, профессор Евгений Немировский. — Основным элементом оформления книг военной поры становится обложка. Иллюстрации в первые военные годы редки».²¹³

Но вот этот аккуратный покетбук, как сказали бы сейчас, изданный крошечным тиражом в 350 экземпляров в Казани, в

типографии Татполиграффа при НКМП ТАССР, — самый настоящий маленький шедевр полиграфического искусства (5 печатных листов). Несмотря на неизбежный при карманном формате мелкий кегль, издатели (ответственный редактор С.В. Румянцев, технический редактор А.Т. Тухватуллин) сделали все возможное, чтобы чтение книги было комфортным: достаточно большие поля, много «воздуха», ясный антиквенный шрифт* (хотя местами и «побитый») и на удивление очень неплохого качества бумага. (Это чувствуется даже сегодня, спустя почти 70 лет после появления книги — стоит только взять ее в руки.)

Да, обложка и все типографские украшения книги — черно-белые. Но редакторы и тут нашли оригинальное решение сделать более привлекательный дизайн. Надпись на обратной стороне шмуц-титула сообщает: «Внешность издания, обложка и графические украшения на титуле и страницах 48 и 58 заимствованы из книги “Sir Isaac Newton, by V.E. Pullin, London, 1927”. Графика на страницах 7, 34, 35, 47, 58 и 82 принадлежат современнику И. Ньютона граверу E.I. Daudet». Это изысканный орнамент из миниатюрных арабесок.

Кроме того, книга содержит четыре миниатюрных портрета, вклеенных на отдельных листах: три — И. Ньютона (работы Дж. Торнхилла (1675–1734), Готфрида Кнеллера (1646–1723) и Дж. ван дер Бенка (1694–1739)) и портрет О. Кромвеля работы Питера Лели (1618–1680).

Не менее интересно не только книжное убранство этого издания, но и собственно содержание статей в нем.

Надпись на шмуц-титule вполне однозначно дает нам временную привязку: «Доклады, прочитанные на торжественном

* Термином «антиквенный шрифт» в полиграфии обозначается семейство шрифтов, для которых характерно специфическое чередование широких вертикальных и узких соединительных штрихов. Знаки антиквенного шрифта, даже в поздних образцах, которые сегодня использует полиграфия, копируют рукописную графику. — *Ред.*

заседании, посвященном трехсотлетию со дня рождения великого английского ученого ИСААКА НЬЮТОНА в Казанском авиационном институте 9 апреля 1943 года» (сохранена графика оригинала. — *А.В.*). Среди авторов — профессор М.М. Кусаков, «Жизнь и деятельность Исаака Ньютона»; П.М. Дульский, «Иконография Исаака Ньютона»; Б.М. Столбов, «Оптические работы Исаака Ньютона»; Л.Ф. Ракушева, «Философские взгляды Исаака Ньютона».

Однако только доклад Л.Ф. Ракушевой не имеет какой-то дополнительной датировки, поэтому мы можем предположить, что он впервые был сделан именно 9 апреля 1943 года. Временные рамки доклада М.М. Кусакова чуть-чуть более размыты: текст датирован самим автором «*апрель 1943 г.*». Статья Б.М. Столбова имеет авторскую датировку — «*март 1943 г.*». Статья П.М. Дульского, как следует из подстраничной сноски, — это «доклад, прочитанный 25 февраля 1943 г. в научной сессии Академии наук Союза ССР, посвященной 300-летию со дня рождения И. Ньютона» (с. 35). А в конце статьи и вовсе третья датировка: «*май 1943 год.*».

Так что статьи, помещенные в сборник, судя по всему, прошли тщательный и довольно длительный отбор. Интересную дополнительную информацию в этом отношении дает статья заслуженного деятеля искусств Татарской автономной ССР Петра Максимилиановича Дульского «Иконография Исаака Ньютона».

«В июне 1942 года я получил от юбилейной комиссии Академии наук Союза ССР по проведению празднования 300-летия со дня рождения Исаака Ньютона предложение выступить на сессии со специальным докладом, — пишет П.М. Дульский. — Темой моего доклада я избрал обзор портретов Исаака Ньютона, но как только я приступил к работе — обнаружилось, что в казанских библиотеках и художественных хранилищах материалов по данному вопросу не имеется. Мы предполагаем, что и в наших столичных библиотеках материалов тоже не най-

дется, так как он сосредоточен главным образом в Лондоне, в Кембридже и других крупнейших государственных и частных хранилищах Англии»...

Тут, заметим, П.М. Дульскому, возможно, просто чуть-чуть не повезло в его разысканиях в казанских библиотеках. Именно не повезло. Ведь Дульский был самым авторитетным знатоком не только творчества татарских живописцев и архитектуры Казани. В достаточно обширной библиографии²¹⁴ Петра Максимилиановича есть исследования, специально посвященные книговедению в Татари: *Дульский П.* Современная иллюстрация в детской книге// Труды и протоколы Педагогического общества при Казанском университете. Т. III. С. 156–158; *Дульский П.М.* Книга и ее художественная внешность (в связи с казанским книгопечатанием). — Казань: Библиогр. кружок «Друзей книги», 1921; *Дульский П.М.* Оформление татарской книги за революционный период. — Казань: Тат. науч.-исслед. экон. ин-т. Кабинет искусств, 1930. Но, не повезло...

Повезло мне. Я при подготовке этой работы наткнулся на интересный экземпляр одной библиографической редкости — первой биографии Ньютона на русском языке, изданной отдельной книгой: *Био Ж.Б.* Биография Ньютона/ (С портретом); пер. с фр. В. Ассонова (посвящается К.И. Карлгофу). — М.: Тип. Т. Рисе, у Мясницких ворот, д. Воейкова, 1869. — 111 с. (тираж не указан). Причем этот экземпляр находился именно в Казани.²¹⁵

На титульном листе экслибрис: «Из библиотеки профессора Д.И. Дубяго» (Дмитрий Иванович Дубяго (1849–1919) — профессор астрономии в Казанском университете и директор обсерватории с 1905 года; до назначения на эту должность был ректором Казанского университета). Здесь же, на титуле, овальный штамп: «Энгельгардтовская обсерватория Императорского Казанского университета». На фронтисписе — хорошего качества гравюра, предположительно, выполненная с известного портрета Исаака Ньютона работы Дж. ван дер Бенка.

(Этот же портрет, напомним, имеется и в сборнике Казанского авиационного института.)

Существовала и еще одна книга, которая, несомненно, присутствовала в то время в казанских книжных собраниях, — *Парфентьев Н.Н.* Значение творений Исаака Ньютона в истории развития математики, механики, физики, астрономии и философии наук. — Казань, 1927. Ее автора, Николая Николаевича Парфентьева, выдающегося математика, профессора, декана физико-математического факультета Казанского университета в двадцатые-тридцатые годы, считают одним из основателей казанской физико-математической школы в XX веке.²¹⁶ По какой-то изощренной прихоти судьбы Николай Николаевич скончался от болезни сердца как раз 22 января 1943 года, в самый разгар юбилейных мероприятий памяти Ньютона.

Как бы там ни было, другой на месте Дульского, возможно, счел бы «миссию невыполнимой» да и неуместной, все-таки на дворе июнь 1942 года. Но советское академическое сообщество проявило действительно «большое единодушие» в своем стремлении достойно отметить юбилей выдающегося англичанина. Надо думать, что не последнюю роль в этом сыграл тот факт, что председатель юбилейной комиссии АН СССР академик С.И. Вавилов был давним и страстным поклонником и знатком творчества Ньютона. В 1935 году он проводил специальные разыскания в итальянских и французских архивах и библиотеках в связи с поручением редактировать русское издание сочинений сэра Исаака.²¹⁷ Еще раньше, в 1927 году, в его переводе увидел свет один из главных трудов Ньютона — «Оптика или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света».²¹⁸

Ничего удивительного, что Дульский отмечает: «Желая оказать содействие в моей работе, Академия наук Союза ССР обратилась в ВОКС <Всесоюзное общество культурной связи с заграницей> с просьбой снести с Королевским общест-

вом в Лондоне и просить его выслать фото с лучших портретов Исаака Ньютона. В ответ на наше предложение был прислан ряд книг, но почему-то иллюстративный материал не был доставлен. Таким образом, нам пришлось использовать только тот материал, который у нас оказался под руками, и в этом нам значительно помог академик Сергей Иванович Вавилов, которому мы приносим глубокую благодарность» (с. 35).

Если отбросить обстоятельства военного времени, то отсутствие иллюстративного материала от Королевского общества действительно выглядит несколько странно. Ведь, например, еще в сборнике, опубликованном в Лондоне в 1927 году в связи с 200-летием со дня смерти Ньютона, имелся обширный очерк Д. Смита «Портреты Исаака Ньютона». В нем было дано описание собранной автором коллекции гравированных портретов Ньютона — около 140 уникальных образцов. Как бы там ни было, статья Дульского стала первой отечественной публикацией, посвященной иконографии Исаака Ньютона.

Интересно, что статья П.М. Дульского была также включена в фундаментальный (27,5 печатных листа) том энциклопедического формата: Исаак Ньютон (1643–1727). Сб. статей к трехсотлетию со дня рождения/ Под ред. акад. С.И. Вавилова. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1943. Правда, название статьи было при этом несколько изменено: «Портреты Исаака Ньютона» (с. 422–427). «Сборник дает почти всестороннее освещение научной деятельности Ньютона», — подчеркивал С.И. Вавилов.²¹⁹ (Для этого сборника и сам Вавилов дал статью «Эфир, свет и вещество в физике Ньютона», с. 33–52. Она подготовлена на основе доклада, который Вавилов сделал 25 февраля 1943 года на торжественном заседании памяти Ньютона в Казанском университете.)

Этот коллективный труд был отмечен и на родине Ньютона — в Англии. «Выдающийся вклад в литературу о Ньюто-не», — писал об этом издании авторитетный научный журнал

«Nature» в 1945 году.²²⁰ Но в этом, академическом, варианте статьи уже отсутствует рассказ Дульского о предыстории ее создания. К тому же в отличие от покетбука Казанского авиационного института в статье из академического сборника дано только одно портретное изображение Исаака Ньютона. Правда, оно не повторяет портреты, приведенные в покетбуке: гравюра Ридинга с портрета Питера Лели.

Но это еще не все хитросплетения казанской Ньютонианы.

Вспомним об экслибрисе на экземпляре книги Ж.Б. Био «Биография Ньютона» (Москва, 1869): «Из библиотеки профессора Д.И. Дубяго». А вот в юбилейный академический сборник статей «Исаак Ньютон, 1643–1727» включена статья сына профессора Д.И. Дубяго, тоже профессора — А.Д. Дубяго: «Кометы и их значение в общей системе ньютоновских “Начал”» (с. 235–263). Андрей Дмитриевич Дубяго (1903–1959) — известный советский астроном, основатель казанской кометной школы, уроженец Казани.

Тут уж волей-неволей убеждаешься, что даже слепому слушаю порою бывает присуще эстетическое чувство...

* * *

Читатель, наверное, уже обратил внимание, что в нашем рассказе о казанской Ньютониане очень часто возникает фигура академика С.И. Вавилова. Но в этом нет ничего удивительного. Сергей Иванович был настоящим библиофилом и занимался изучением трудов Ньютона более 20 лет. «Исследования С.И. Вавилова были в основном посвящены оптическим работам Ньютона и перекликались с трудами академика А.Н. Крылова, в которых изучались работы Ньютона в области математики, механики и астрономии. А.Н. Крылов и С.И. Вавилов заложили основы нового направления исследований в области истории науки, которое может быть названо ньютоноведением», — отмечает Лёвшин.²²¹

Ничего удивительного нет и в том, что академик С.И. Вавилов лично руководил эвакуацией в Казань Физического института. Именно по его настоянию в Казань была полностью перевезена богатейшая научная библиотека ФИАНа. В ее собрании имелись уникальные издания XVII—XIX веков, книги из личных библиотек с автографами известных ученых, прижизненные издания классиков физической науки и смежных наук, ценный рукописный фонд. Тогда это было крупнейшее в стране собрание литературы по физике.²²² «Библиотека Физического института была единственной академической библиотекой, почти полностью эвакуированной и открытой для пользования всем академическим учреждениям. Она принесла трудно оценимую пользу академии в Казани», — напишет Вавилов в 1945 году.²²³

И это не преувеличение. Так, например, в конце августа — первых числах сентября 1941 года московская часть президиума АН СССР принимает решение эвакуировать из Ленинграда пять учреждений: Астрономический институт, Пулковскую обсерваторию, Архив, Типографию АН СССР (включая шрифты) и Библиотеку Академии наук (БАН). По подсчетам директора БАН Яковкина, «все намечаемые к вывозу коллекции... требуют до 10 вагонов».²²⁴ Только так называемый бронированный фонд изданий Академии наук — 13 000 библиографических единиц — занял 500 ящиков. Однако эвакуировать БАН так и не успели — город попал в полную блокаду. Так что научная библиотека ФИАНа, вывезенная в Казань, оказалась действительно незаменимой для ученых. (Не будем, однако, забывать о богатом книжном собрании самого Казанского университета.)

Впрочем, пользовались академической библиотекой не только сотрудники институтов. Сергей Петрович Капица вспоминает, как он, тогда еще подросток четырнадцати лет, находясь в эвакуации вместе с отцом в Казани, увлекся астрономией. И эта его страсть подпитывалась из мощного академического источника: «В читальном зале Физического

института Академии наук была масса журналов, которые мне были вполне доступны».²²⁵

Между прочим, в связи с нашей темой будет любопытно еще одно свидетельство, касающееся казанского периода жизни Сережи Капицы. «Он удивительно серьезен и работоспособен, — сообщает в письме от 26 февраля 1943 года Ольга Алексеевна Стецкая, заместитель директора ИФП, Анне Алексеевне Капице, матери Сергея. — Он, например, самый аккуратный посетитель ньютоновской сессии. Так странно среди такой почтенной аудитории видеть серьезное детское личико, которое с неослабным вниманием слушает все доклады. Хотя некоторые доклады ему нравятся больше, другие меньше. Это не бойкость молодого человека, который чувствует, что ему, сыну крупного ученого, доступно все. Нет, это настоящий интерес. Поэтому он сидит скромненько, в последних рядах, немного нахмуренный, с опущенной от смущения головой».²²⁶

И, похоже, интерес к ньютоновской теме — это наследственное у Сережи Капицы. Ведь его дед, академик Алексей Николаевич Крылов, был автором первого перевода на русский язык ньютоновских «Математических начал натуральной философии» (1916 г.).²²⁷

Заметим, кстати, что 4 января 1943 года Академия наук отменила 300-летие со дня рождения Исаака Ньютона торжественным заседанием и в Московском доме ученых. Планировалось выступление с докладом и академика А.Н. Крылова — о значении Ньютона в мировой науке. Но в этот момент академик Крылов находился в Боровом и доклад читал другой академик — А.Ф. Иоффе.²²⁸ На том же заседании член-корреспондент АН СССР Торичан Павлович Кравец доложил о работе по изучению наследства Ньютона в России. А 16 января состоялось общее собрание академиков уже в Боровом, тоже посвященное ньютоновскому юбилею. На нем выступил с очень глубоким и в то же время доступным для понимания не-

специалистами докладом «Оптические работы Ньютона» академик Леонид Исаакович Мандельштам.²²⁹ По сохранившимся отзывам, этот доклад был сделан «с огромным подъемом и увлечением и произвел большое впечатление на слушателей».²³⁰ Таким образом, в некотором роде Мандельштам отбирал «хлеб» у С.И. Вавилова, считавшегося главным специалистом по оптическим сочинениям Ньютона.²³¹

Среди пяти книг, изданных в 1943 году в СССР к юбилею Исаака Ньютона, как мы помним, была и брошюра академика А.Н. Крылова «Ньютон и его значение в мировой науке (1643–1943)». Про нее тоже необходимо сказать несколько слов.

Сорокастраничное издание было подписано к печати 23 декабря 1942 года. Три тысячи экземпляров печатались в Казани, в типографии Татполиграфа при НКМП. Несмотря на свой скромный объем (2,5 п. л.) — это, по существу, синопсис двух важнейших работ Ньютона: «Математические начала натуральной философии» и «Оптика». А кроме того, академик Крылов умудряется дать краткий (кратчайший!) обзор развития работ по классической механике после Ньютона. Самая настоящая шпаргалка по истории науки, написанная академиком!

Но помимо всего прочего брошюра А.Н. Крылова дает повод сказать еще об одной замечательной особенности празднования ньютоновского юбилея в СССР в 1942–1943 годах. Особенность эта имеет отношение к характеристике всего научного сообщества Советского Союза в то время. Замечательно, что вся издательская программа, посвященная 300-летию Ньютона, не была работой просто ради галочки, публикация ради публикации. Так или иначе почти все изданные к юбилею Ньютона книги рецензировались и обсуждались (и не только в комплиментарном ключе) учеными. И это очень важный психологический аспект работы исследователя — установление обратной связи, это дает ощущение, что ты работаешь не

в пустоту. Не успела брошюра Крылова выйти из печати, как на нее появляется рецензия А.С. Предводителя.²³² «Небольшая книга акад. А.Н. Крылова читается легко и с большим интересом, — только некоторая конспективность ее оставляет известную неудовлетворенность у читателя, — пишет профессор Предводителев. — Недостаточно полно освещены труды Ньютона по оптике; в этой области, как известно, Ньютон сделал очень много, а его воззрения на природу света являются господствующими в современной физике».²³³

Предводителев, кстати, в своей рецензии на книгу А.Н. Крылова специально подчеркивает, что «биографический очерк в этой книге занимает примерно полторы страницы...». Но зато в этой брошюре А.Н. Крылов умудряется ввести в оборот для русскоязычного читателя такие биографические подробности из жизни сэра Исаака, которые потом будут благополучно кочевать по многим советским биографиям Ньютона. Вот, например, такая.

«С 1686 по 1696 год Ньютон по преимуществу занимался оптикой, а став начальником монетного двора, он говорил, что все его время есть “the king’s time”, и занимался наукой лишь урывками, главным образом теорией Луны. В 1712 году он потребовал от королевского астронома Фломстида его наблюдения Луны, а когда Фломстид отказался их выдать, Ньютон на заседании Королевского общества пришел в ярость и стал ругать Фломстида такими словами, которым позавидовали бы и лондонские докеры, виртуозы в этом деле. Единственные доступные для печати были “silly purru” («глупый шенок»), хотя Фломстиду было в это время 69 лет, а Ньютону — 70. Видимо, будучи начальником монетного двора, он для “поднятия производительности” прибегал к энергичному языку своих мастеров и подмастерьев» (с. 4).

Остается только добавить, что этот текст академика А.Н. Крылова был впоследствии воспроизведен полностью в цитиrowанном уже нами академическом томе «Исаак Нью-

тон (1643–1727). Сборник статей к трехсотлетию со дня рождения». Статья Крылова и открывала этот сборник (с. 5–32).

Но вообще-то это не единственная книга Крылова казанского периода, посвященная великому англичанину. «В то время он заканчивал работу над своими воспоминаниями и читал нам вслух только что написанное, — вспоминает С.П. Капица. — Часто не было электричества, только маленькие коптилки, при тусклом свете которых он, похожий на библейского старца, читал глуховатым голосом замечательную историю своей жизни, а мы сидели у его ног. Это было необычайно... Всю книгу он написал за три месяца. Рукопись до сих пор хранится у моего брата, написанная поразительно четким почерком. Прямо с этой рукописи, минуя машинописную копию, книга и набиралась тогда, в сорок третьем году в типографии Академии наук. “Мои воспоминания” — классический образец русской мемуарной литературы. Они написаны очень ясно, образно и живо».²³⁴ Первое издание мемуаров вышло в 1945 году. Нашлось в них место и эпизоду, относящемуся к работе над переводом с латыни на русский «Математических начал натуральной философии» в 1914–1916 годах.²³⁵

Выступая 26 сентября 1943 года на Общем собрании Академии наук СССР, академик Мандельштам дал очень образную характеристику А.Н. Крылову как историку науки. Цитата будет обширной, но, по-моему, она того заслуживает.

«В заключение я хотел бы совсем кратко коснуться астрономических работ Алексея Николаевича. Я позволю себе это сделать потому, что в них есть и физическая сторона, а также и потому, что они связаны с историей науки.

К ним я причисляю и изумительный перевод «Математических начал натуральной философии» Ньютона, который потребовал у Алексея Николаевича двух лет упорного труда по 6 часов в день. И неудивительно. Это не простой перевод. Вряд ли можно назвать ученого в мировой литературе, который так

глубоко изучил Ньютона, так проникся его творчеством, как Алексей Николаевич. Своими обширными комментариями к «Началам», представляющими как бы самостоятельный труд, Алексей Николаевич помогает и нам глубже проникнуть в гениальное творение Ньютона.

В истории астрономии, в истории физики Алексей Николаевич является основоположником нового направления, и не потому что он с исключительной глубиной изучил и усвоил великие творения Ньютона, Эйлера, Лапласа, Гаусса, и не потому что он обнаружил в ряде случаев ошибочность укоренившегося в науке понимания некоторых их высказываний, а благодаря какому-то особенному сплетению в его трудах исторического элемента с оригинальным творчеством.

Тот, кто изучил его перевод с дополнениями сочинения Эйлера “Новая теория движения Луны”, кто знаком с исключительно интересной реставрацией работы Ньютона об астрономической рефракции, в которой Алексей Николаевич восстановил, пользуясь только теми математическими средствами, которые были доступны Ньютону, ход его мыслей, кто учтет, наконец, перевод “Начал”, тот, я думаю, согласится с тем, что Алексей Николаевич должен считаться новатором в истории науки». ²³⁶

Существует и еще одна, малоизвестная сейчас, работа академика А.Н. Крылова, подготовленная им в Казани в 1943 году, в которой он обращается к творчеству Ньютона. Это сборник избранных лекций, читанных А.Н. Крыловым за 50 лет преподавания в Военно-морской академии, «Мысли и материалы о преподавании механики» (М.—Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1943. — 75 с. Тираж 5000 экз.). В этой небольшой книжке две главы посвящены разбору математических работ Ньютона: «О началах динамики» (глава IV, с. 38–49) и «О силах инерции и начале Даламбера» (глава V, с. 49–61). Причем последняя глава — это доклад, прочитанный академиком Крыловым в Математическом институте Академии наук СССР

26 декабря 1936 года (к 250-летию появления «Начал» Ньютона). «Главная задача этих “Мыслей”, — пишет Н.И. Идельсон, — в том, чтобы убедить современного преподавателя механики, что не существует более простого и в то же время более глубокого подхода к изложению основ теоретической механики, как насыщение этого изложения подлинными определениями, аксиомами, следствиями, законами, как они даны были Ньютоном, — не изменив в них, как сказано А.Н. Крыловым в другом месте, “ни единого слова, ни единой буквы”». ²³⁷

Наконец, надо сказать несколько слов относительно еще одной книжки в нашей Ньютониане — *Кудрявцев П.С.* Исаак Ньютон (М., 1943). Автор этого pocketбука — Павел Степанович Кудрявцев (1904–1975), один из самых известных советских специалистов по истории физики. Уже после войны, будучи заведующим кафедрой теоретической физики в Тамбовском педагогическом институте, он организовал курс истории физики. А за биографию Ньютона в 1944 году ему была присуждена ученая степень кандидата физико-математических наук.

* * *

В 1942–1943 годах Казань стала неформальным интеллектуальным эпицентром ньютоновских торжеств. Такой концентрации исследований, посвященных жизни и творчеству Исаака Ньютона, не было, пожалуй, нигде в мире. «Невиданная война заставила ограничить ньютоновские торжества в Англии, США и других странах, как можно судить теперь по дошедшим до нас иностранным журналам, — писал академик С.И. Вавилов. — Не появилось ни одной книги, посвященной Ньютону, юбилей был отмечен лишь немногими собраниями и небольшими журнальными и газетными статьями». ²³⁸ В Советском же Союзе, даже из блокадного Ленинграда, через линию фронта, транспортировались ценные издания для выставки,

посвященной 300-летию со дня рождения Исаака Ньютона: осенью 1942 года в Москву эти книги сопровождали ученый секретарь БАН СССР К.И. Шафрановский и сотрудник библиотеки Э.П. Файдель.²³⁹ Кстати, в предисловии к первому изданию книги «Исаак Ньютон» (1943) Сергей Вавилов отмечал: «Настоящая книга могла осуществиться только благодаря помощи М.И. Радовского, доставившего мне для работы необходимые книги из Ленинграда, Москвы и других мест. В наше сложное время это граничит с подвигом».

Под юбилей Ньютона, или, точнее сказать, пользуясь юбилеем Ньютона как символом, старались приурочить и сугубо организационные, внутриакадемические мероприятия, например, выборы в Академию наук СССР. Так, 10 августа 1942 года Н.Д. Папалекси пишет из Казани в Боровое Л.И. Мандельштаму: «По-видимому, в конце года отчасти в связи с юбилеем Ньютона предполагаются большие выборы в академию».²⁴⁰ Выборы и вправду состоятся, но только через год, в сентябре 1943 года, и пройдут уже в Москве.

Но, возможно, самое поразительное, что все эти юбилейные Ньютоновские торжества действительно были всенародными, а не монотонной чередой сугубо академических мероприятий. «Эту годовщину в тот тяжелый год войны, 1943-й, в СССР — в России отмечали широко, — свидетельствует выдающийся отечественный семиотик и лингвист, академик Вячеслав Всеволодович Иванов. — Школьником 7-го и 8-го классов я вместе с одноклассниками в Ташкенте, а потом в Москве, готовил доклады, сделанные на уроках физики о Ньютоне; мне в моих занятиях Ньютоном начиная с тех школьных лет и много позднее постоянно помогал друживший со мной физик М.Л. Левин, увлекавшийся историей науки и имевший в своей домашней библиотеке подобранные им книги о Ньютоне».²⁴¹

Интересно, что 1 июля 1944 года на имя С.И. Вавилова поступила телеграмма Дальневосточного управления Морского флота с просьбой выслать все свои печатные работы о Ньюто-

не. «Просим возможности незамедлительно прислать указанием возврата либо без такового виде книг статей оттисков всех ваших оригинальных переводных редакционных работ Ньютона особенно переписка Ньютона его биография оптику оптические лекции мемуар... Письмом сообщите подготовке выходе остальных сочинений переписки Ньютона предварительно послали двести (рублей. — *А.В.*) расходы пересылке сердечные пожелания здоровья Строчков», — телеграфировал в Москву, в ФИАН, руководитель Дальневосточного управления Морского флота.²⁴²

В чем была такая спешность, какие мероприятия на Дальнем Востоке задумывались в связи с именем великого англичанина — бог весть. Однако цитата из сборника, изданного Казанским авиационным институтом, судя по всему, действительно отражала реальное состояние общественного сознания в ту пору: «Советский народ всегда высоко чтит передовых представителей мировой культуры, лучшим из которых является Ньютон... работы Ньютона с особым вниманием изучаются в России. Все наиболее крупные сочинения Ньютона переведены на русский язык и таким образом стали доступными самым широким читательским кругам. Можно с уверенностью сказать, что ни в одной стране, не исключая даже, быть может, и родины Ньютона, не сделано столько для популяризации работ Ньютона, сколько сделано у нас в СССР».²⁴³

Между прочим, сегодня можно доказать, что эти слова С.И. Вавилова не просто эмоциональное высказывание, но математически доказанный факт. Современные методы статистического анализа полностью подтверждают правоту академика. Основание так говорить дает интереснейшее исследование группы ученых из Гарварда, Кембриджа и Массачусетского технологического института (MIT).

Авторы этого исследования отобрали из 15 миллионов оцифрованных на 2009 год во всем мире книг — это, кстати, около 4% всех когда-либо напечатанных книг, — 5,2 миллиона изда-

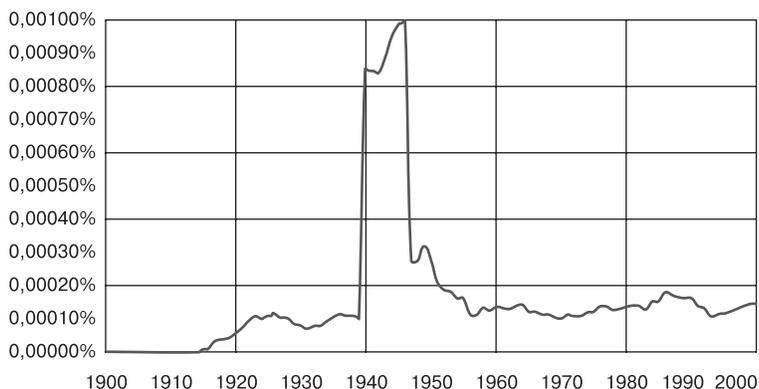
ний на английском, французском, испанском, немецком, китайском и русском языках. Затем на платформе самой мощной на сегодняшний день поисковой системы Google, была создана база слов Ngrams, включающая в себя около 500 миллиардов отдельных слов. Статистический анализ этого оцифрованного корпуса текстов проводится на основе алгоритмов Google. Временные рамки, доступные для статистической обработки, — 1800 — 2000-е годы.

Новый инструмент, получивший название Books Ngram Viewer, позволяет, например, проследить, как изменялась частота использования тех или иных слов, понятий, терминов; определить моменты их возникновения, распространения и затухания интереса к ним в обществе. Авторы исследования говорят даже о рождении новой науки — культуромики (culturomics), по аналогии с эконометрикой.²⁴⁴

Используя программу Books Ngram Viewer, легко определить, например, что скачок в частоте использования слова «Ньютон» в русскоязычных изданиях приходится как раз на 1940-е годы — 0,001% (рис. 2). Этот статистический пик выглядит как настоящая Джомолунгма! В англоязычном мире, наоборот, именно во время войны отмечается хоть и небольшой, но провал в частоте употребления слова «Newton» — меньше 0,0008% (рис. 3).

Внимательный читатель может заметить, что сам С.И. Вавилов в предисловии к творческой биографии «Исаак Ньютон» ставит местом написания другой город — Йошкар-Ола. Дело в том, что в Йошкар-Олу был эвакуирован из Ленинграда еще один институт, которым также руководил Вавилов, — Государственный оптический институт (ГОИ). Фактически Вавилов жил в это время «на два дома»: по воспоминаниям сотрудников ФИАНа, один-два раза в неделю он обязательно бывал в Казани. «Его ничто не могло остановить: ни переполненные вагоны, в которых нередко всю ночь приходилось стоять, ни томительные ожидания поезда, редко ходившего

Рис. 2. Частота употребления слов «Ньютон» в русскоязычных изданиях

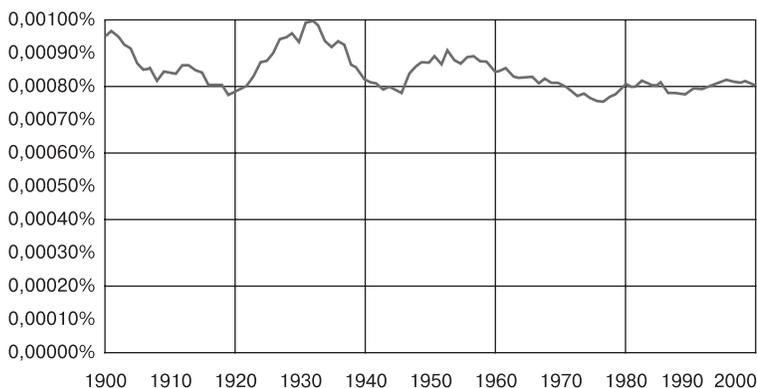

по расписанию и часами простаивающего на станциях или даже между ними, “набирая пары”». ²⁴⁵ 140 километров от Йошкар-Олы до Казани поезд проходил за 12 часов. Вавилов часто не мог из-за проблем с сердцем выдержать духоты в вагоне и весь путь проводил в тамбуре, где воздух был более свежим.

«Работа над биографией Ньютона, проходившая в “свободное время”, была, насколько я понимаю, работой для души, — вспоминал академик, будущий нобелевский лауреат по физике Виталий Гинзбург; в 1943 году он, сотрудник ФИАН, также находился в эвакуации в Казани. — Чувства и мысли С.И. Вавилова нашли, несомненно, отражение в самой книге, но особенно ясно они, по-видимому, выражены в предисловиях к первому и второму изданиям». ²⁴⁶

Как бы там ни было, очевидно, что вся предпечатная подготовка рукописей делалась именно в Казани, куда, как мы помним, было эвакуировано и издательство АН СССР. «Так благодаря С.И. Вавилову мы наполняли нашу жизнь в Казани глубоким смыслом и разнообразным содержанием. Именно в силу этого годы казанской эвакуации, несмо-

Рис. 3. Частота употребления слова «Newton» в англоязычных изданиях

тря на очевидные тяготы, запечатлелись во мне как одни из самых полноценных в моей жизни», — признается Наум Идельсон.²⁴⁷

Но уже 19 марта 1943 года «в связи с разгромом немецко-фашистских войск под Сталинградом и коренным переломом на фронтах Отечественной войны президиум АН постановил реэвакуировать институты и учреждения Академии наук в Москву».²⁴⁸ А к 11 ноября реэвакуация институтов и учреждений АН СССР в Москву завершилась. (Всего во второй половине 1943 года обратно в Москву было реэвакуировано 61 учреждение, в том числе 40 институтов и отдельных лабораторий.) Одним из первых, в ноябре, был переведен Физический институт; в мае 1945-го возвратился в Ленинград из Йошкар-Олы и Государственный оптический институт.

И все же феномен «казанской Ньютонианы» 1942–1943 годов до сих пор остается удивительным примером, если можно так сказать, интеллектуального сопротивления энтропии войны.

Но этому удивлению, хотя бы отчасти, находится свое рациональное объяснение.

Война и научно-популярная политика

Большинство исследователей относят сознательное, юридически оформленное выделение государственной научно-технической политики в самостоятельную специфическую отрасль управления национальным хозяйством именно к периоду окончания Второй мировой войны. Это вполне очевидно. Но не менее очевидно, что культурная матрица техногенной цивилизации стала отчетливо определять политическое поведение государств еще в начале XX века.

* * *

Согласно *технологической версии* возникновения Первой мировой войны, ее причиной послужило то, что дипломаты и руководители европейских государств не учитывали невероятную сложность мобилизационного расписания. Они вели свою дипломатическую игру, надеясь на то, что приготовления к войне обратимы. Но это не соответствовало действительности. Война фактически началась, когда были запущены графики и расписания перевозок военного времени. Поломать их, остановить, вернуть в исходное состояние было уже нельзя. *Техногенная матрица* воспроизводила совершенно необратимо первоначально заданные условия развития событий. Та сторона, которая захотела бы остановить начатую мобилизацию, оказалась бы перед хаосом. И в итоге — полная беззащитность перед противником, мобилизацию продолжившим. История Первой мировой войны буквально изобилует примерами, подтверждающими сказанное.

Российский историк, профессор Анатолий Уткин задается вопросом: «Готова ли была Россия воевать с индустриальным и научным чемпионом Европы?» — и приводит поразительный исторический факт: 6 августа 1914 г. началось огромное по масштабам перемещение германских войск. 550 поездов в день пересекали мосты через Рейн, более миллиона человек были перевезены в 11 тысячах поездов. «По мосту Гогенцоллерна

в Кельне на протяжении первых двух недель войны поезд шел каждые десять минут — шедевр военной организации».²⁴⁹

Именно поэтому лучшие умы генеральных штабов европейских стран направлялись в отделы железнодорожных перевозок. А мобилизационные расписания, увязывающие прибытие роты солдат на полустанок с подачей на него нужного числа вагонов, навсегда останутся одними из самых грандиозных плановых документов докомпьютерной эпохи.

Контрпример абсолютного игнорирования складывающейся техногенной матрицы мы находим в мемуарах Николая Андреевича Бородин — статистика, ученого-ихтиолога, депутата Первой Государственной Думы (1906 г.). В самом начале Первой мировой он был назначен в состав миссии техников военного дела и путейцев, командированных в Соединенные Штаты «для заказа и приобретения предметов военного снабжения». Добирались в Америку через Дальний Восток и Японию. Вот его описание ситуации, с которой миссия столкнулась во Владивостоке: «Нас возили для осмотра города и военных складов Владивостокского порта, — пишет Бородин. — Боже ты мой, что это представляло из себя! Горы хлопка, китайских бобов, снарядов, оружия и пр. По подсчетам провозоспособности Сибирской магистрали <Транссиб>, всего этого добра не перевести было в течение десятка лет. Спрашивается, зачем все это закупают и присылают, и продолжали закупать и присылать массу товаров для склада и хранения в этом самом перегруженном порту под открытым небом?»²⁵⁰

Вторая мировая война только окончательно проявила в мозгах политиков эту техногенную матрицу. Советские политики не стали исключением. 10 мая 1942 года в газете «Правда» публикуется статья «Оружие передовой науки — в помощь Красной Армии». Вот отрывок из этой газетной публикации.

«Современная война есть война моторов, война резервов. А моторостроение — это сложнейшая отрасль промышленности, связанная непосредственно с глубочайшей научно-

исследовательской работой, с теоретическими проблемами науки. Мотор — это сердце самолета, танка, автомашины. Горючее — его кровь. Побеждает тот, кто сделает мотор наиболее мощным, кто обеспечит непрерывный приток горючего. А это требует напряженной, оригинальной, новаторской работы мысли». Фактически перед нами — набросок философии технологической матрицы.

Сегодня уже очевидно, что политика сама по себе — это только продолжение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

«Многие из высших руководителей существующих правительств, корпораций и профсоюзов в значительной степени уже скорее номинальные фигуры, чем самостоятельные, энергичные правители, — отмечал еще в 1963 году Питирим Сорокин. — Политика, которую они проводят, свидетельствует о том, что значительная их часть стала просто исполнителями “безмолвных предписаний” современных научных открытий и изобретений. До 1940 года ни администрация Трумэна, ни Сталина, ни Эйзенхауэра, ни Хрущева, ни генералы и адмиралы, ни кто-либо из современных руководящих государственных и политических деятелей не имели ни малейшего представления об “атомных”, “водородных” и “космических” политиках, которые сейчас проводят все современные высшие руководители. В этом смысле современные руководящие государственные и политические деятели все более становятся просто номинальными фигурами исполнителей “безмолвных приказов” науки и технологии, передав им свои права распоряжаться научными экспертами, советниками и членами комиссий.

Такая тенденция знаменует угасание существующих в настоящее время правительств политиков, посредством политиков и для политиков и их замену в конечном счете “правительствами ученых и экспертов”».²⁵¹

Сказанное в полной мере относится и к советскому руководству. Возможно, и не осознавая этого, в описываемый

нами период оно действовало именно в рамках данной парадигмы. Техногенная матрица во время Второй мировой войны точно так же, как и в «революционные тридцатые» — годы индустриализации, требовала более или менее грамотных, адекватных складывающейся новой техногенной культуре исполнителей.

Все это заставляет еще раз повторить высказанную мною гипотезу: *интерес общества к науке слабо зависит от тиражей научно-популярной литературы*. Это именно промышленное развитие тянет за собой развитие системы научно-популярной периодики и литературы. Не наоборот.

* * *

Конечно, в военное время даже более или менее сохранившееся академическое книжное производство и периодика не могли обеспечить рынок достаточным количеством научно-популярных изданий. Но академическая научно-популярная серия и не была по факту лидером научпопа. Например, издательство «Молодая гвардия» с началом войны оперативно перереформировало свою знаменитую серию объемистых книг «Жизнь замечательных людей» в покетбуки серии «Великие люди русского народа». Вышло 26 книг. Среди прочих — биографии И.П. Павлова и Н.И. Лобачевского. Серия выпускалась тиражом 25–50 тысяч экземпляров.

Государственное издательство технико-теоретической литературы (Гостехтеориздат) за пять лет войны выпустило 223 названия книг тиражом 4,5 миллиона экземпляров. Среди сугубо фундаментальных научных монографий (например, «Аэродинамика пограничного слоя» Лойцянского, «Математические основания статистической механики» Хинчина, «Теория групп» Куроша) издательство приступило и к выпуску «Научно-популярной библиотеки». Среди авторов — крупнейшие советские ученые. В этой серии вышли книги:

Богоров «Подводный мир (жизнь в море)»;

Воронцов-Вельяминов «Происхождение небесных тел»;
Лункевич «Земля в мировом пространстве»;
Михайлов «Солнечные и лунные затмения»;
Полак «Как устроена вселенная»;
Субботин «Происхождение и возраст Земли»;
Обручев «Происхождение гор и материков»;
Малиновский «Строение и жизнь человеческого тела»;
Стекольников «Молния и гром»...

Общий тираж этих книг — 200 тысяч экземпляров.²⁵² Другими словами, в среднем единичный тираж книг «Научно-популярной библиотеки» составлял около 20 тысяч экземпляров.

Именно техногенная матрица определяет политическую логику, хотя и признаваться себе в этом политики или нет. Лучше, конечно, когда это делается сознательно. Как заметил известный английский астрофизик Стивен Хокинг, «если мы понимаем, что нельзя помешать науке и технике изменить мир, мы можем по крайней мере попытаться сделать так, чтобы эти изменения шли в правильном направлении». Простыми, но тем не менее очень эффективными методами пыталось направлять этот процесс и советское руководство. Причем в самые драматические периоды военных действий.

10 мая 1942 было принято решение о переводе президиума АН СССР из Казани в Свердловск. (Была образована также казанская группа президиума АН СССР; председатель — вице-президент Академии наук А.Ф. Иоффе.) Первое, что делает президиум АН СССР в Свердловске — организует Совет научной пропаганды. И это не было решение «для галочки». Только в июне-сентябре 1944 года совет организовал выезд 33 бригад ученых Академии наук в освобожденные районы и промышленные центры страны. Было прочитано 272 лекции (45% из них — технического характера).²⁵³ В 1945 году Советом по научно-технической пропаганде проведены два цикла Ломоносовских чтений: для студентов и учащихся старших классов

и для учеников ремесленных и железнодорожных училищ. Среди лекторов — академики С.И. Вавилов, Л.Д. Шевяков, Е.В. Тарле...

В 1943 году создается Лекционное бюро при Комитете по делам высшей школы. В его работе приняли участие крупнейшие ученые страны. По данным академика И. Артоболевского, за четыре года существования Лекционного бюро было прочитано около 10 тысяч лекций.²⁵⁴

14 декабря 1944 года в «Известиях» академик С.И. Вавилов публикует статью «Долг советской интеллигенции». Посвящена она была научно-просветительной пропаганде. Интеллигенция не заставила себя долго уговаривать.

Издательство Академии наук СССР в 1944 году выпускает в серии «Научно-популярная литература» следующие книги:

Г.Г. Слюсарев «О возможном и невозможном в оптике»;
акад. Н.В. Цицин «Дополнительные ресурсы на службу Родине»;

акад. Б.Д. Греков «Культура Киевской Руси» и «Киевская Русь»;

акад. Н.С. Державин «Племенные и культурные связи болгарского и русского народов»;

акад. А.Е. Ферсман «Воспоминания о камне».

Самый настоящий академический научпоп!

27 сентября 1944 года ЦК ВКП(б) издает постановление «Об организации научно-просветительской пропаганды». Констатирующая часть начиналась без всяких вводных: «ЦК ВКП(б) отмечает, что за последнее время партийные организации и наркомпросы союзных республик ослабили внимание к делу научно-просветительской пропаганды среди населения. Органы народного образования и научные учреждения не организуют чтение лекций на естественнонаучные темы для широких слоев населения. Издательства не выпускают популярной литературы, а журналы не печатают статей по естественнонаучным

вопросам. Отсутствуют наглядные пособия, кинокартины и радиопередачи на естественнонаучные темы.

ЦК ВКП(б) считает, что пропаганда естественнонаучных знаний среди масс приобретает в нынешних условиях особо важное значение в деле дальнейшего подъема культурного уровня широких слоев трудящихся и преодоления пережитков бескультурья, суеверий и предрассудков». ²⁵⁵

Обратите внимание, какой репертуар научной популяризации предлагал ЦК ВКП(б) в постановляющей части: «1. ...Основным содержанием научно-просветительской пропаганды должно быть материалистическое объяснение явлений природы, разъяснение достижений науки, техники и культуры. Среди населения, особенно в деревне, следует широко практиковать организацию лекций, проведение бесед и громкое чтение популярных брошюр и статей о строении вселенной, о происхождении солнца и земли, об основных астрономических явлениях, о возникновении и развитии жизни, происхождении человека, о строении человеческого тела, о происхождении и жизни растений и животных, о причинах болезней и борьбе с ними, о научных основах земледелия и животноводства, о мерах повышения урожайности и продуктивности животноводства, об энергии и ее использовании и т. д.

Лекции должны быть популярными и вместе с тем вполне соответствовать современному уровню науки. Лекции и беседы необходимо иллюстрировать наглядными пособиями, плакатами, диапозитивами, картами, экспонатами и т. п.» И, как следствие, пятым пунктом в постановлении значилось: «Обязать Наркомпрос РСФСР и ОГИЗ РСФСР организовать издание научно-популярных брошюр объемом в 1–2 печатных листа.

Поручить Наркомпросу РСФСР разработать план издания научно-популярной литературы в 1944 году и на 1945 год.

Обязать наркомпросы союзных республик снабдить все избы-читальни библиотечками массовой естественнонаучной литературы».

Не забыто было и самое массовое из искусств на тот момент — кино:

«...6. Обязать Комитет по делам кинематографии при СНК СССР разработать до 10 октября с. г. и внести на утверждение ЦК ВКП(б) план выпуска полнометражных и короткометражных фильмов на естественнонаучные темы. Организовать систематическую демонстрацию для населения научно-популярных полнометражных фильмов.

7. Обязать Наркомпрос РСФСР и Комитет по делам кинематографии при СНК СССР обеспечить в 1944—1945 годах выпуск наглядных пособий на естественнонаучные темы — диапозитивов, плакатов, карт, передвижных выставок, проекционных фонарей и т. п.»...

Другими словами, перед нами — один из инструментов государственной научно-технической политики (ГНТП), начавшей активно формироваться именно в 1943—1944 годах. Реализация этой политики неумолимо потребовала развития одного из инфраструктурных элементов ГНТП — системы научной популяризации. Не случайно уже в октябре 1945 года создается Государственное издательство культурно-просветительской литературы. Издательство специализировалось на выпуске книг по всем вопросам культурно-просветительской пропаганды. Тогда же организовано государственное издательство географической литературы — первое специализированное географическое издательство в нашей стране. В его репертуаре, помимо произведений классиков отечественной географии, и научно-популярная литература...

Событие, которое можно считать символическим завершением военной истории советского научпопа, произошло 7—10 июля 1947 года в Москве, в Большом театре. Здесь состоялось общее собрание членов-учредителей и действительных членов Всесоюзного общества для распространения политических и научных знаний (в дальнейшем — Общество «Знание»). Председателем Общества был избран президент Академии наук

СССР Сергей Иванович Вавилов. «Наше Общество должно быть проводником и посредником настоящей, высокой, передовой науки от специалистов к народу», — подчеркивал С.И. Вавилов.²⁵⁶ Его речь так и называлась: «Советская наука — народная наука».

Совет Министров СССР, по предложению С.И. Вавилова, передал Обществу Политехнический музей, журнал «Наука и жизнь» и Центральную политехническую библиотеку. За три с половиной года, что Вавилов был председателем Общества, в него вошло 300 тыс. членов! Но Вавилова это не устраивает: «Страна требует, чтобы Общество стало еще более массовым, чтобы число его членов росло, чтобы число лекций исчислялось не сотнями тысяч, а миллионами».²⁵⁷ Собственно, все к этому и шло. За этот же период было выпущено 2307 названий научно-популярных брошюр общим тиражом 99,5 миллиона экземпляров, прочитано 2 миллиона лекций, которые прослушали 200 миллионов человек²⁵⁸ — т. е. все население Советского Союза! Даже чуть-чуть больше...

В общем, если и было преувеличение в словах С.И. Вавилова о том, что «...советская наука становится все более доступной для масс, стремится к наибольшей простоте изложения и к распространению своих итогов среди широких кругов нашего народа»²⁵⁹, то это совсем незначительное преувеличение.

* * *

Беспрецедентное и, судя по всему, до сих пор не повторенное социальное достижение в истории цивилизации: население гигантской страны почти поголовно было охвачено научно-популярной пропагандой! Но самое поразительное — это было не одномоментное сверхусилие. Развитие научпопа шло по нарастающей.

В девятой пятилетке (1971—1975 годы) тиражи научно-популярной литературы составляли около 70 миллионов ежегодно.

Научпоп уже и на академическом уровне рассматривался в то время как вполне равноправный и равноценный, но в то же время автономный элемент в системе научной информационной коммуникации, в системе научной литературы в целом. «Было бы крайне важно понять, какие именно книги правильно относить к числу научных книг, и найти критерии, по которым их можно выделить из массы общей книжной продукции, — ставили себе цель авторы коллективной монографии «Научные коммуникации и информатика». — С более или менее значительными оговорками из числа научных книг и брошюр можно исключить научно-популярную литературу (половину которой составляют массовые издания по искусству, литературоведению и общественным дисциплинам), а также производственно-инструктивную литературу (подавляющее ее большинство составляют специальные виды технической литературы) и программно-методические издания (в основном брошюры специального назначения)».²⁶⁰

Хорошее представление о месте научно-популярного книгоиздания в СССР дают данные, приводимые в работе «Научные коммуникации и информатика» (см. табл. 2.15).

От научно-популярного книгоиздания не отставала и периодика. В 1974 году в СССР выходили 48 научно-популярных журналов. Всего же периодических научно-популярных изданий было 83 (см. табл. 2.16).

Как раз в 1974 году тираж, например, журнала «Моделист-конструктор» составлял 400 тысяч экземпляров. И это был еще не предел. Ежемесячный иллюстрированный научно-технический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина для пионеров и школьников «Юный техник» (основан в 1956 году) в 1978 году выходил тиражом 870 тысяч экземпляров!

Еще в совсем не таком уж и далеком 1981 году выпуск научпопа в Советском Союзе составлял 2451 название общим тиражом 83,2 миллиона экземпляров.²⁶¹ К середине 1980-х годов

Таблица 2.15. Распределение книг и брошюр СССР в 1974 году по категориям

Раздел целевого назначения	Названия книг и брошюр	В том числе по категориям		
		Книги	Платные книги и брошюры	Книги и брошюры группы «А»
Всего (в целом)	86 771	47 461	63 560	41 174
1. Собственно научная литература	14 490	9877	10 047	7372
2. Учебная литература для вузов	5442	4387	5066	3909
3. Официально-документальная литература	617	191	160	167
4. Справочная литература	5265	2302	2560	974
5. Научно-популярная литература	2392	1964	3102	2342
6. Производственная и инструктивная литература	29 764	10 889	20 414	7812
7. Программная и методическая литература	10 750	3854	5556	1682
Итого (по 7 разделам)	68 720	33 464	46 905	24 258

Примечание. К группе «А» в СССР относили издания, регистрируемые в основном выпуске «Книжной летописи», т. е. массовая политическая и научно-популярная литература, монографии, практические руководства и пособия, справочники, учебники и другая литература общего назначения. К этой группе не относится большинство официально-документальных, инструктивно-нормативных, программно-методических и информационных изданий специального назначения. Составлено автором на основе: Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Научные коммуникации и информатика. — М.: Наука, 1976. С. 206–207.

Таблица 2.16. Распределение периодических и продолжающихся изданий СССР (без газет) по разделам целевого назначения в 1974 году

Разделы целевого назначения	Число изданий	
	Всего	В том числе журналов
Всего	7124	1292
1. Собственно научные издания	2462	358
2. Научно-информационные издания	1276	135
3. Научно-практические и производственные издания	1403	318
4. Официально-документальные издания	69	–
5. Справочные издания	946	4
6. Научно-популярные издания	83	48
7. Инструктивно-методические издания	178	45
8. Издания других разделов	19	15
Итого (по 8 разделам)	6436	923
9. Массовые издания	688	369

Составлено автором на основе: Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Научные коммуникации и информатика. — М.: Наука, 1976. С. 221.

каждая двадцатая книга в СССР — научно-популярная. Причем половина тиража советских научно-популярных изданий приходилась на издательство научно-популярной литературы «Знание», созданное в 1951 году. «Знание» выпускало целую серию научно-популярных периодических изданий под общим названием «Новое в жизни, науке и технике». Поразительный факт: число подписчиков на издания этой серии в области естественных наук и техники в 1980 году превысило 1,3 миллиона.²⁶² А накануне распада СССР, в 1990 году, было выпущено 2268 наименований научно-популярной литературы ти-

ражом 218,3 миллиона экземпляров.²⁶³ И мы этим законно гордились.

И вдруг — бац!

В апреле 2007 года, согласно опросу Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ), две трети опрошенных россиян затруднились назвать хотя бы одну фамилию отечественного ученого. Среди видных российских ученых респонденты указали Сергея Королева (10%), Жореса Алферова (8%), Андрея Сахарова (6%), Святослава Федорова (3%).²⁶⁴

И такое снижение престижа науки и ученых (хотя, строго говоря, это не одно и то же) произошло за исторически кратчайшее время...

Но это уже другая история. История про страну, победившую научпоп.

Глава 3

СТРАНА, ПОБЕДИВШАЯ НАУЧПОП

В течение нескольких лет мне довелось вести семинар по научной журналистике в одном из высоко котируемых негосударственных университетов. Слушатели — студенты 5-го и 6-го курсов факультета журналистики и филологии. Для того чтобы определить общий уровень подготовки слушателей и понять, от какой печки танцевать, я проводил небольшое анкетирование — 8–10 вопросов из разных областей науки, требующих скорее показать свой кругозор и мировоззрение, чем глубину знаний тонких научных материй. Вопросы я все время варьировал, но два были неизменны: 1. «Как вы считаете: миф или реальность высадка американских астронавтов на Луну?»; 2. «Какую последнюю научно-популярную книгу вы прочитали?»

В моем распоряжении оказались 44 анкеты. Как распределились в них ответы, стоит рассказать.

«Книгу не помню. Читал журнал...»

На первый вопрос — «Миф или реальность высадка американских астронавтов на Луну?» — 23 студента (т. е. больше половины — 52,3%) однозначно ответили — миф. Твердо были уверены, что это реальное событие — 12 человек (27,3%). 9 слушателей дали развернутые ответы: «На реальность похоже больше» — 4 ответа; «Неопровержимых доказательств нет» — 2 ответа; «Нам показывают то, что мы хотим видеть» (т. е. надо думать, это ответ скептика); «Ответ не с научной точки зрения — верю»; «Вопрос веры».

А вот сводка ответов на второй вопрос — «Какую последнюю научно-популярную книгу вы прочитали?».

Вообще не читали или не смогли вспомнить, когда и что читали — 17 человек (38,6%). «Наука Каббала» — 2 ответа. По одному ответу удостоились: М. Веллер «Все о жизни», М. Семенова «Славяне», Дэн Браун «Код да Винчи». Встречались и более экзотические ответы: «10 лет назад прочла книгу о Солнечной системе»; «Учебник по физике. 11 класс»; «Концепции современного естествознания. Учебник»; «Человек без границ»; «Общаться с ребенком. Как?», «Психология влияния»; «Посмотрела знаменитый фильм о свойствах воды».

Дальше пошла «тяжелая артиллерия» — специальная литература: У. Эко «Как написать дипломную работу» (2 ответа), «Нефтегазовая промышленность России», А. Зеркалов «Этика Михаила Булгакова», А. Шопенгауэр «Мир как воля и представление».

Несколько человек оказались поклонниками научной фантастики: Аркадий и Борис Стругацкие «Понедельник начинается в субботу» (2 ответа), А. Ривазов «Одиночество 12». (Как мы видели в первой части книги, «Страна победившего наукопапа», и как будет видно из дальнейшего изложения, это вообще весьма устойчивая и не безосновательная традиция — отождествлять научную фантастику, science fiction, и научно-популярную литературу.)

Среди собственно научно-популярных изданий по разу были упомянуты: В.П. Эфроимсон «Генетика этики и эстетики», Б. Стайгер «Загадки пространства и времени», С. Хокинг «Черные дыры и молодые Вселенные».

Научно-популярные интересы остальной части студентов хорошо выразил один из респондентов: «Книгу не помню. Читал журнал...» Итак, научно-популярные журналы: «Что нового в науке и технике» (один ответ) и, наконец, лидер — «Вокруг света» (3 ответа).

Каких-то особенных комментариев, на мой взгляд, к этому мини-исследованию не требуется. Хотя вопросы возникают, например такой: почему современное российское общество не интересуется достижениями науки?

Типичный ответ на этот вопрос таков: «Вспомним — тираж журнала “Наука и жизнь” в старые добрые времена превышал 3 миллиона, журнала “Знание — сила” — миллион. А сейчас журнал «Знание — сила» счастлив, выйдя на тираж в семь с небольшим тысяч». Я процитировал заместителя директора Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН Георгия Малинецкого.¹ Очень характерное высказывание, когда речь заходит на такую экзотическую сегодня тему, как состояние рынка научно-популярной литературы в стране. Да, тиражи были миллионные. И не только этих журналов (см. табл. 3.1).

И все-таки, по-моему, не стоит преувеличивать (и тем более демонизировать) роль СМИ в формировании позитивного (или негативного) имиджа и престижа науки в общественном сознании. Эта тема, впрочем, требует специального рассмотрения. Нам же сейчас важно подчеркнуть другое. По-видимому, мы имеем дело не со случайным артефактом вырвавшегося наружу подсознательного. Ведь известно, что массовые стереотипы не могут существовать, не совпадая в принципиальных моментах с реальностью. И у такого способа социальной самоидентификации значительной части российских (да и западных тоже) ученых, наверное, имеются основания.

* * *

Согласно результатам общенационального опроса общественного мнения в США в 1989 году, в списке наиболее престижных профессий ученый занимал второе место после врача, опережая инженера, министра, архитектора, юриста, банкира, бухгалтера, бизнесмена.²

Таблица 3.1. Тиражи научно-популярных журналов в СССР и РФ

Журнал	Тираж в 1980-е годы, экз.	Тираж в 2000 году, экз.
«Наука и жизнь»	3 400 000	40 000
«Знание — сила»	700 000	5000
«Химия и жизнь»	300 000	5000
«Квант»	315 000	5000
«Природа»	84 000	1800
«Физика в школе»	185 000	15 000
«Химия в школе»	180 000	15 000
РЖ «Математика»	1330	103
РЖ «Механика»	1330	77

Источник: Доклад В.Г. Сурдина на заседании Астрономического общества, <http://rusref.nm.ru/indexpub303.htm>

Удивляет другое: и в 2005 году, т. е. спустя 16 лет, этот показатель престижности профессии ученого остался в США на том же уровне, ученые и врачи пользовались одинаково наибольшим уважением у 52% опрошенных; учителя — у 48%. Аналогичный опрос проводился в 2001 году и в странах ЕС. Вот его результаты: врачи — 71%; ученые — 45%; инженеры — 30%. (Данные любезно предоставлены Леонидом Гохбергом, директором Института статистических исследований и экономики знаний ГУ — Высшая школа экономики. — *А.В.*)

В СССР подобных социологических исследований, судя по всему, не проводилось (по крайней мере мне не удалось найти никаких ссылок на их результаты). Это и неудивительно. Достаточно сказать, что в Советском Союзе в 70–80-е годы прошлого века число научных работников составляло около полутора миллионов человек, а всего в сфере науки и научного обслуживания было занято 4,5 миллиона человек — почти 4% всех занятых в народном хозяйстве. С 1930 по 1980 год численность ученых в СССР удваивалась каждые 6–7 лет!³ Научная работа стала превращаться в одну из массовых профессий. В такой ситуации никому, даже социологам, не могло прийти в голову задавать «глупый» вопрос о том, какая профессия престижней — ученого или бухгалтера. Впрочем, и сама наука социология с 1929 по 1955 год была фактически запрещена. Термин «социология» мог быть употреблен не иначе, как в сочетании «буржуазная социология».

Принципиально иная картина — в современной России.

По данным Центра исследований и статистики науки Министерства образования и науки РФ (2005), из 13 оценивавшихся с точки зрения их престижности занятий в России профессия ученого оказалась на 11-м месте.⁴ И это не случайные артефакты статистической выборки...

Повторяю, такое снижение престижа науки и ученых (хотя, строго говоря, это не одно и то же для общественного сознания; но сейчас мы не будем вдаваться в эти тонкости) произошло за исторически кратчайшее время.

К началу 1970-х годов в отечественных академических и отраслевых институтах работало более 33% численности научных работников всех стран мира и существенно больше, чем в США: на 10 тысяч человек, занятых в народном хозяйстве СССР, приходилось около 100 научных работников, а в США — 71, в Великобритании — 49. На 10 тысяч рабочих и служащих, занятых в промышленности и строительстве СССР, приходи-

лось 234 научных работника, в США — 205, а в Великобритании — 116 человек.⁵

Но и тираж только одного американского научно-популярного журнала «Scientific American» в 1980-е годы тоже достигал 7 миллионов экземпляров в год (т. е. более 580 тысяч в месяц).⁶ В те же годы ежемесячный тираж другого «монстра» американского научпопа, журнала «Discover», составлял 750 тысяч экземпляров.⁷ То есть и американцам было чем гордиться в этом плане. Мало того, и сегодня тираж «Scientific American» остается примерно на том же уровне: 555 тысяч в США плюс 90 тысяч на других языках (данные на декабрь 2005 года).⁸

* * *

Таким образом, ситуация с процветанием научно-популярного жанра (научпопа) в СССР была отнюдь не уникальной. Он процветал (и процветает) всюду, где было (и продолжается) промышленное, индустриальное развитие экономики. Например, в тех же США в начале 1950-х годов тираж журнала «Collier's» подскочил до миллиона экземпляров сразу же после того, как в нем начала публиковаться серия статей «отца» американской практической космонавтики Вернера фон Брауна о перспективах исследования космоса с помощью ракет.

В США в 1972–1978 годах 52–60% опрошиваемых были убеждены, что наука приносит больше пользы, чем вреда; противоположной позиции придерживались от 2 до 5% американцев. (В Англии этот показатель был еще выше: в 1990 г. 76% опрошенных считали, что наука улучшает ситуацию в мире.)⁹ Подобный настрой общественного мнения остается на удивление стабильным. Опрос, проведенный в 1998 году в США, показал, что интерес к науке и технике среди американцев сейчас велик как никогда — 70% опрошенных заявили, что интересуются этими проблемами.¹⁰

Синхронизация показателей интереса к науке (причем позитивного интереса) на определенных временных отрезках в странах с различным политическим строем (США, ЕС и СССР) сама по себе очень любопытна. Я бы в связи с этим рискнул предположить, что *продаваемость (а вернее, покупаемость) науки* — это величина инвариантная для определенного типа (этапа) развития любого общества. Конкретно — для индустриального и постиндустриального этапов, вне зависимости от политического строя.

Вот, кстати, хорошее подтверждение сказанному. Газета «С.-Петербургские ведомости» от 17 декабря 1906 года сообщила своим читателям: «Газета «Petit Parisien» устроила анкету, обратившись с вопросом, кто самый великий гражданин Франции XIX века, и получила 15 миллионов откликов. Величайшим человеком признан Луи Пастер (1 138 425 голосов). Далее голоса подали за Гюго, Гамбетту, Наполеона I, Тьера, Карно, Дюма-отца, Ру, Пирмантье, Ампера...».¹¹ Обратите внимание: из десяти самых великих своих соотечественников французы назвали четырех ученых-естествоиспытателей (Пастер, Карно, Ру, Ампер). Да и президент Франции Адольф Тьер прославился не только как политик, подавивший Парижскую Коммуну (1871), но и как историк — один из создателей теории классовой борьбы и автор «Истории Французской революции».

Но ничего удивительного в таком выборе французов нет, если учесть, что все это происходило на фоне беспрецедентной в истории человечества промышленной революции — прежде всего в европейских странах и в США. Если до середины XVIII века национальный доход на душу населения, производимый почти на всей территории Земли, не очень отличался от местности к местности, то в ходе промышленной революции, начавшейся в Англии, ситуация кардинально меняется. В 1750 году территории, которые сегодня традиционно относят к «третьему миру», произвели валовой национальный

продукт, оцениваемый в 112 миллиардов долларов, а нынешние развитые страны всего — 35 миллиардов долларов (в долларах США 1960 года). Но уже к 1913 году объем производства ВВП составил 217 и 430 миллиардов долларов соответственно...¹²

В 1994 году соотношение расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки между США и странами Африки составляло примерно 54,3 : 1. Этот градиент НИОКР и стал определяющим для мирового политического развития.¹³ Логика технологической экспансии определяет логику экономическую и политическую. В 2003 году внутренние затраты на исследования и разработки в США и в России составили 284 584,3 миллиона долларов и 16 317,2 миллиона долларов соответственно.¹⁴ Соотношение — 17,4 : 1. Конечно, это втрое лучше, чем Африка в сравнении с США, но как-то не возникает желания гордиться таким «достижением». Увы, чтобы оставаться адекватным реальности, сравнивать отечественные показатели приходится с африканскими, в лучшем случае — с южноамериканскими.

Промышленные и научно-технические революции порождают интерес к науке в обществе. Как следствие — рост интереса к научно-популярному жанру, причем представленному в любых медиаформах. Отсюда, например, и еще один факт, (удивительный для сегодняшней России): согласно результатам недавнего опроса, Стивен Хокинг, английский космолог и астрофизик, — один из трех самых уважаемых современников для британских юношей от 16 до 18 лет.¹⁵ Символично, что и книга Хокинга «Краткая история времени» (1988) стала одной из самых успешных за всю историю научно-популярного жанра: 237 недель она оставалась в списке бестселлеров лондонской газеты «Sunday Times», общий тираж — более 10 миллионов экземпляров.

Все это, на мой взгляд, лишний раз подтверждает высказанную выше гипотезу: *интерес общества к науке слабо зависит*

от тиражей научно-популярной литературы. Мало того, рост аудитории научно-популярных СМИ не всегда гарантирует соответствующий рост престижа науки в общественном сознании.

«Всякие кварки и поля Янга–Миллса...»

Как это ни удивительно, но отсутствие прямой зависимости между ростом печатных тиражей и ростом престижа науки и научного сообщества было замечено практически сразу после рождения самой европейской науки в ее институализированном виде.

* * *

«Уже семнадцатый век незадолго до своего конца забил тревогу по поводу всевозрастающего количества печатных книг, — отмечает канадский социолог Маршалл Маклюен. — Первые надежды на великую реформу человеческих нравов благодаря книге сменились разочарованием».¹⁶ И далее Маклюен приводит цитату великого математика, механика, философа и дипломата Готфрида Лейбница. В 1680 году тот писал:

«Боюсь, мы еще долго будем пребывать в нашем теперешнем печальном состоянии путаницы и неразберихи, причем по нашей собственной вине. Я даже опасаясь, что люди, бесплодно истощив любопытство и не дождавшись от наших исследований никаких ощутимых результатов для улучшения своего благополучия, почувствуют отвращение к наукам и, придя в отчаяние, вновь впадут в варварство. И этому весьма способствует ужасающая масса книг, которая все продолжает расти. В конце концов этот беспорядок станет непреодолимым. Бесконечность числа авторов грозит им всем общей опасностью — забвением. Надежда на славу, воодушевляющая стольких людей в их трудах, вдруг угаснет, и быть автором станет позорным в такой же мере, в какой некогда это было почетным. В лучшем

случае писатели будут писать лишь небольшие книги, рассчитанные на кратковременный успех, которые будут служить только для того, чтобы ненадолго развеять скуку читателя, но вовсе не делу развития знания или чтобы заслужить признание потомков. Мне скажут, что поскольку так многие люди пишут, невозможно, чтобы все их произведения были сохранены. Я с этим согласен и вовсе не осуждаю напрочь те небольшие модные книжки, которые, подобно весенним цветам или осенним плодам, живут не более года. Если они хорошо написаны, то могут заменить дельную беседу и не просто разгонят скуку, но и послужат образованию ума и развитию речи. Часто их цель заключается в том, чтобы пробудить в человеке что-то хорошее, к чему стремлюсь и я, публикуя это небольшое произведение...»

Конечно, «надежда на славу» воодушевляет современных ученых ничуть не меньше, чем современников Лейбница. Но вот опасность забвения действительно стала сегодня для большинства ученых почти материализовавшейся угрозой. «Бесконечность числа авторов», о которой говорит Лейбниц, явлена нам в ощущениях: две трети научно-технических знаний и более 90% всей научно-технической информации, выработанной человечеством, было произведено в последние две трети XX века; современное поколение ученых составляет девять десятых суммарной численности людей науки, когда-либо живших на Земле.¹⁷

Времена меняются, меняются технологии (телевидение, например, сегодня с успехом конкурирует с тем, что Лейбниц называл «небольшие книги, рассчитанные на кратковременный успех, которые будут служить только для того, чтобы ненадолго развеять скуку читателя, но вовсе не делу развития знания»), но не меняются нравы читателей-зрителей...

В 1981 году шведские социологи провели специальное исследование, которое показало: «Обычные телевизионные программы приобретают для науки мало друзей, но скорее вво-

дят в заблуждение и отпугивают ее потенциальных сторонников».

Любопытно, что в том же 1981 году, 24 марта, профессор Сергей Капица, выступая на церемонии получения премии Калинги, учрежденной ЮНЕСКО за вклад в популяризацию науки, заявил буквально следующее: «...на телевидении мы не имеем возможности слишком глубоко вдаваться в детали, и нам приходится идти на широкие обобщения, намного более широкие, чем при обучении. Я хотел бы особенно подчеркнуть, что популяризация науки, какой бы полезной и стимулирующей она ни была, не может заменить систематического образования. Вместе с тем, помогая широкой аудитории зрителей сформировать свое собственное представление о научных вопросах, мы делаем то, чего нередко недостает при обучении. С другой стороны, наше представление об окружающем мире настолько быстро изменяется, что даже хорошо образованные люди не всегда успевают следить за движением науки. Для нас важен не столько уровень понимания, сколько общий интерес к окружающему нас миру, и именно этот интерес мы стараемся возбудить в наших передачах».¹⁸

Культовая фигура шестидесятых и семидесятых годов прошлого века, американский психолог Тимоти Лири, известный своими радикальными теориями и экспериментами с измененным сознанием, как будто специально заготовил свое объяснение этому феномену. Рассуждая о влиянии на человеческое сознание появившейся в 1970-х годах первой игровой телевизионной приставки «Понг» он замечает: «"Понг" был первой детской игрой, позволявшей двигать предметы по экрану телевизора. Движок в "Понге" — это почти что настоящий курсор, так что персональный компьютер можно смело считать прямым наследником этой игры. Появление феномена "Нинтендо" было не менее важным событием, чем изобретение Гутенбергом печатного станка. Это было новое поколение детей, которые выросли, зная, что можно влиять на происходящее на

экране. Мамаша с папашей, дети «бэби-бума», торчат на втором этаже в гостиной и пассивно смотрят новости или прайм-таймовые программы — точно так же, как в детстве они пассивно смотрели диснеевские мультики. А этажом ниже, в детской, их дети активно изменяют “картинку” на экране. “Чем они там занимаются?” — “Они уткнулись в свое долбаное Нинтендо! Вместо того чтобы сидеть тут и смотреть образовательные телепрограммы!” *Да не может быть никаких «образовательных телепрограмм»! Это сущий оксюморон. Способность изменять «картинку» на экране — вот подлинное могущество!»*¹⁹ (курсив мой. — А.В.).

* * *

А между тем до сих пор продолжают попытки отстаивания какой-то особой, привилегированной роли телевидения в деле просвещения, образования и досугового самообразования потребителей ТВ-картинки. «Наша точка зрения такова, — заявляет академик Международной академии телевидения и радио, генеральный продюсер ТРК «АСС-ТВ» (научно-популярное и просветительское телевидение) Ирина Лапина, — научно-популярные и учебные передачи развивались в одном направлении. И те и другие в идеале должны учить мыслить, воспитывать самостоятельность в усвоении новых знаний, учитывая специфику телевидения. Вездесущность телевидения обеспечивала научной и технической информацией такую аудиторию, какую не может собрать ни кинопросмотр, ни выставка новинок науки и техники, ни конференция».²⁰

Исследование «Основные тенденции и изменения предпочтений по использованию средств информации в России», проведенное корпорацией IBM совместно с российским холдингом «Ромир» в 2007 году, вполне подтверждает эмпирически сугубо качественную, казалось бы, гипотезу Тимоти Лири. В основе исследования — опрос более тысячи пользователей сети Интернет трех возрастных групп из Москвы, Санкт-

Петербурга и других городов России. В исследовании приняли участие 67% мужчин и 33% женщин с диапазоном доходов от 3000 рублей в месяц и разного социального положения. Почти 40% опрошенных предпочитают использовать телевизионные приемники для просмотра развлекательных программ, сериалов и кинофильмов. Чуть более 30% — для получения последних новостей. И только 2% респондентов обращаются к «ящику» в поисках конкретной информации. Но самое замечательное, что 26% респондентов предпочитают использовать «голубого друга» в качестве... *фона*. Появление именно этого, вполне уже оформившегося социального кластера, вселяет неожиданный исторический оптимизм — документально развенчан миф о всесии телевизионной коммуникации в деле промывания мозгов у широких народных масс. Монстр массовой пропаганды — классическое телевизионное вещание — на самом деле оказался колоссом на глиняных ногах.

Главный инструмент поиска специализированной информации, фактов и данных практически у всех пользователей Сети (94%) — поисковые системы. Однако бумажные энциклопедии и книги в 48% случаев были названы следующим по важности источником информации. На третьем месте (32%) — Википедия, за ней следуют газеты и журналы, радио и телевидение (28% и 19% соответственно).

Впрочем, о смерти ТВ говорить еще преждевременно. «Вряд ли традиционные медиа пострадают от Интернета, — считает профессор Государственного университета — Высшей школы экономики, заведующий кафедрой «Прагматика культуры» Александр Долгин. — Телевидение как высокоинформативный канал вряд ли постигнет судьба радио — стать фоном. Интернет — это мода, но она никак не угрожает визуальности».

Для России, по крайней мере пока, этот вывод абсолютно справедлив. Российская Федерация остается страной «телеви-

зионного смотрения». Так, опрос, проведенный фондом «Общественное мнение», показал, что основным каналом получения информации о событиях в нашей стране безусловно остается Центральное телевидение — его отметили в этом качестве 90% респондентов. Интернет по степени использования пока второстепенный информационный канал: его упомянули 9% опрошенных. Однако в Москве этот показатель составляет уже 36%.²¹

И все-таки, судя по всему, результаты исследования, проведенного компанией IBM, находят подтверждение из других независимых источников. Так, не менее любопытное исследование провело одно из крупнейших в мире рекламных агентств BBDO, которое задало примерно трем тысячам среднестатистических потребителей в 15 странах вопрос: «С каким телекоммуникационным устройством вам меньше всего хотелось бы расстаться?» Предпочтения большинства респондентов остановились на компьютере: 45% потребителей не смогли бы расстаться с ПК, и это больше, чем количество поклонников мобильных телефонов и телевизоров вместе взятых (31% и 12% соответственно).²²

* * *

Если согласиться с Тимоти Лири, что образовательные телепрограммы — это «суший оксюморон», то уже и не столь парадоксальным кажется такой факт: хотя по социологическим опросам в 1979 году 49% взрослых американцев проявляли интерес к науке и научной политике, лишь 25% понимали научную информацию, полученную из СМИ, на минимально приемлемом уровне.²³

Через тридцать лет ситуация не изменилась: в 2007 году 70% жителей США не способны понять статьи, которые публикует в разделе «Наука» газета «New York Times». К такому выводу пришел Джон Миллер, профессор Университета Мичигана, анализируя состояние систем научного образования (сообще-

ние агентства «Washington ProFile» от 22 февраля 2007 года). Чтобы попасть в категорию «научно-образованный», по мнению Миллера, человеку требуется понимать 20–30 фундаментальных научных концепций и терминов. Например, дать определение стволовой клетке, молекуле, нанометру, нейрону; правильно оценить, соответствуют ли истине высказывания: «лазер работает за счет фокусирования звуковых волн», «антибиотики убивают вирусы так же, как и бактерии», «первые люди жили вместе с динозаврами», «все растения и животные имеют ДНК» и т. д.

Но и по этому показателю современные россияне не слишком отличаются от американцев. Например, опрос среди российских студентов дал следующие результаты. Высказывание — «лазер работает за счет фокусирования звуковых волн» как верное оценили 20% опрошенных, затруднились с ответом 59%, и только 21% студентов ответили, что это неверное суждение (что и соответствует действительности). С оценкой высказывания «антибиотики убивают вирусы так же, как и бактерии», дело обстоит еще хуже: 53% студентов уверены, что так оно и есть; 29% — затрудняются с ответом; правильных ответов (неверное суждение) — 18%. Высказывание «Все растения и животные имеют ДНК» в российском варианте опросника было слегка изменено: «Обычные растения — картофель, помидоры и т. п. — не содержат генов, а генетически модифицированные растения — содержат». И тут 36% уверены, что так оно и есть; 41% — затрудняются ответить; и только 23% студентов совершенно справедливо считают, что это неверное высказывание.*

То есть все те же 70–80% населения, без разницы — в России или в США, не могут правильно понять основополагающие принципы и положения современной науки. И Россия, оказы-

* Данные опроса любезно предоставлены автору Ольгой Шуваловой, ведущим научным сотрудником Института статистических исследований и экономики знаний ГУ — ВШЭ.

вается, тоже отнюдь не «вываливается» из общецивилизационного процесса.

Опять же в цитированном выше опросе фонда «Общественное мнение» рейтинг тем, интересных нашим соотечественникам, возглавляют криминальная хроника и сообщения о происшествиях — 51%. В аутсайдерах новостных тем и сюжетов — компьютерные технологии (12%), наука (14%) и технические новинки (19%).

Все это, в предельном случае, заставляет даже говорить, что наука, которая поддается популяризации, отчасти уже и не наука (или еще не наука). Возможно, это — технология.

Ирина Лапина, книгу которой я уже цитировал, вполне откровенно и я бы даже сказал цинично декларирует цели научно-популярного ТВ: «Парадоксально, но факт: если с просветительством дела обстояли вполне достойно, то с научным популяризаторством — несравнимо хуже. Сколько издавалось книг, где была лишь заумь, полунаучная тарабарщина, густо присыпанная терминологией... Наша задача не “запудрить” мозги заумью, а напротив, сделать максимально ясным, прозрачным смысл свершения, “вписать” его в понятные всем координаты».²⁴

В общем, отсюда понятно, почему один из выдающихся математиков современности, академик Людвиг Фаддеев, например, однажды подчеркнул: «Мы отдаем себе отчет, что должны все-таки объяснять людям, налогоплательщикам, что мы делаем. Но нужно популяризировать те области науки, которые уже полностью понятны. Современную науку труднее популяризировать. Рассказывать про всякие кварки, струны, поля Янга–Миллса... получается нехорошо — с обманами».²⁵

«Всякие кварки, струны, поля Янга–Миллса...» — это, по-видимому, как раз то, что Ирина Лапина называет «заумь, полунаучная тарабарщина, густо присыпанная терминологией...»

«Мы, читатели газет, склонны называть наукой ловкость электрика или болтовню психиатра», — совершенно справедливо заметил в одном из своих интервью писатель Владимир Набоков.²⁶ Еще более радикален в вопросе коммуникации между наукой и обществом исполнительный секретарь Черноморской биотехнологической ассоциации Александр Голиков. Выступая на симпозиуме «Сельскохозяйственная биотехнология и общество» (15 марта 2007 г., Москва) он заявил: «Нельзя обращаться к научным фактам, потому что они просто не могут быть “переварены” людьми. Нельзя говорить с людьми на языке научных фактов; а адекватный язык еще не придуман нами. Обычный человек не имеет знания предмета как такового и не должен знать. Это нормально. Но он знает, чего он боится и чего он хочет получить... Практически невероятно, что СМИ могут служить к распространению научных знаний. Основа деятельности СМИ — получение прибыли. Отсюда — привлечение читателя. Рассказывать правду о генетически-модифицированных организмах, например, скучно и непонятно, а напугать легко. Нам надо придумывать, какой-то нормальный способ общаться с ними [со СМИ и публикой]».

Бунт «инертной агломерации»

Именно промышленное развитие тянет за собой развитие системы научно-популярной периодики и литературы. Не наоборот. Если кинуть ретроспективный взгляд, то очень показательно в этом смысле и предметное распределение периодических изданий, вышедших в 1913 году (табл. 3.2).

Совпадения между взрывным ростом интереса к научно-популярному жанру и уровнем научно-технического развития в тех или иных странах настолько многочисленны и очевидны, что можно, пожалуй, говорить о некоей социальной закономерности. Вот только несколько примеров.

Таблица 3.2 Распределение повременных изданий, вышедших в 1913 году, по предметам

№ в перечне из 121 наименования	Наименование предметов	Всего периодики (журналов и газет)
3	Сельское хозяйство	96
10	Технология	50
14	Справочные издания	31
23	Железные дороги	17
25	Промышленность	17
26	Пути сообщения	17
36	Естествознание	12
39	Социология	12
42	География	10

Источник: Статистика произведений печати, вышедших в России в 1913 г. — СПб., 1915. С. 111–113. Цит. по: Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). — М.: Самотека, 2008. С. 373–374.

* * *

В 1882 году в Нью-Йорке была открыта первая электростанция; в 1885 году в США использовалось 250 тысяч электрических лампочек, в 1902 году — 18 миллионов.²⁷ И практически параллельно, в 1845 году, начинает выходить (сначала в виде газеты) знаменитое научно-популярное издание «Scientific American». Уже к 1853 году оно имело тираж 30 тысяч экземпляров и в 1921 году окончательно превратилось в ежемесячный журнал.²⁸ 4 ноября 1869 года выходит первый номер ведущего научного журнала мира — британского еженедельника

«Nature». В 1872 году в США начинает выходить журнал «Popular Science», в 1888-м — «National Geographic». Но американцам этого явно недостаточно. 11 января 1902 года еще один «монстр» научно-популярной литературы увидел свет: «Popular Mechanics». Обратите внимание: в 1895 году в США было 4 (четыре) автомобиля, однако в 1896 году Генри Форд собрал свою первую машину, и американская нация встала на колеса! В 1909 году на заводах Форда произвели более 10 тысяч автомашин, к 1913 году в США насчитывалось 600 тысяч автомобилей, а к 1930-му — уже 23 миллиона. (Во всех остальных странах мира в 1930 году бегало по дорогам и бездорожью 6,9 миллиона автомашин.) Ничего удивительного, что с самого начала (и до сих пор!) одной из главных тем журнала «Popular Mechanics» были и остаются автомобили во всех их ипостасях.

Но опять мы можем отметить: эти процессы присущи не только американо-британскому миру. Почти идеальная синхронизация мощного индустриального и научно-технического развития с ростом тиражей научпопа наблюдается и в странах с совершенно разным политическим устройством. О чем и шла речь в главе «Страна победившего научпопа».

По данным опроса общественного мнения в США, проведенного институтом Гэллага в 2000 году, 71% респондентов поддержали увеличение федеральных расходов на научные исследования; 94% указали, что кандидаты на президентских выборах должны уделять внимание финансированию научных исследований и научного образования, причем 57% подчеркнули, что они должны уделять этому очень большое внимание.²⁹ Для сравнения: в 1994 году за поддержку науки из госбюджета высказались только 8% россиян.³⁰ Опрос, проведенный в 1990–1991 годах Институтом истории естествознания и техники РАН среди 800 человек (400 — случайная выборка, 400 — студенты технических вузов Санкт-Петербурга и Петрозаводского университета), показал: в Петербурге 56% опрошенных высказали мнение, что ученые больше думают о своих аб-

страстных проблемах, чем об интересах простых людей; 42,2% полагали, что ученые просто удовлетворяют свою любознательность за государственный счет.³¹

Впрочем, наука, научное сообщество, платит обществу (нам с вами) взаимностью. «Известно, что людская масса — это довольно инертная агломерация, и весь прогресс в истории человечества направляется 1–2% наиболее умных и инициативных людей», — заявил в 2000 году академик Николай Платэ.³² Тогда чего же требовать любви или хотя бы уважения к науке и ученым от этой «инертной агломерации»?

Ничего удивительного, что в современном российском обществе отрицательное или в лучшем случае настороженное отношение к науке, по-видимому, становится нормой. По крайней мере, и спустя девять лет после процитированного выше социологического опроса в другом исследовании были получены почти аналогичные результаты: у 58% опрошенных российская наука вызывала негативные ассоциации. (Исследование проводилось в 1998 году центром «Истина», в нем участвовали 209 студентов старших курсов пяти московских вузов технического, естественного и гуманитарного профиля.³³)

Научно-популярная литература (ее тиражи, в частности) — всего лишь своеобразный индикатор «температуры» общества по отношению к научно-технологической сфере. Даже еще в 1988 году на ежегодный Всесоюзный конкурс на лучшие произведения научно-популярной литературы поступило 400 произведений из центральных, республиканских и местных издательств как на русском, так и на других языках народов СССР. Дальнейшая динамика говорит сама за себя: 1989 год — на аналогичный конкурс поступило около 300 произведений; 1990 год — 250 произведений; 1991 год — около 100. «Это значительно меньше, чем в прошлые годы, — констатировала редакция журнала «Наука и жизнь». — Но жизнь продолжается, и есть надежда, что замечательная традиция не угаснет».³⁴ Увы,

это было последнее с тех пор упоминание о конкурсе на лучшие произведения научно-популярной литературы.

* * *

И кто-то еще думает, что если сейчас напечатать миллион экземпляров журнала «Знание — сила» (вместо нынешних пяти тысяч), то этот тираж будет продан?! Я очень сильно сомневаюсь. Мой скепсис подтверждают и данные социологической статистики.

Согласно опубликованному в декабре 2006 года исследованию «Левада-Центра», 37% россиян вообще не читают книг. Читают от случая к случаю 40%. Постоянно читают 23%. Только 4% респондентов имеют свои библиотеки. В 1996 году никогда или практически никогда не читали книги 18% опрошенных.³⁵ Наверное, здесь можно сделать поправку на то, что в 1996 году часть респондентов просто стыдились признаться, что они не читают книг. Через десять лет уже не стесняются. Что, впрочем, само по себе о многом говорит.

Мало того, если раньше жители России отдавали предпочтение толстым романам в твердом переплете, сегодня они склонны покупать поклетбуки в мягких обложках. Одна из главных тенденций — ориентация издательств на серийно-типовую литературу. Как правило, это дешевые книги в бумажном переплете.

Из тех, кто читает постоянно, 24% увлекаются женскими детективами, 19% — женской прозой, 18% предпочитают «русский боевик», 16% — историко-приключенческую классику, 14% — современную историческую прозу, 11% — русскую советскую классику. В нехудожественной литературе лидируют книги о здоровье (25%), издания по кулинарии (20%), книги по специальности (20%).

Но и эта ситуация, как оказывается, отнюдь не уникальна. Мало того, она, эта ситуация, судя по всему, архетипична.

«Установив все литературное дело на коммерческом основании, литературная промышленность преследует только одни денежные выгоды, гонится за большими барышами. Торгаши-издатели покупают только тот товар, на который существует большой спрос... При таком порядке вещей действительно ученый труд по предмету, положим, химии, физике, математике, даже истории, не найдет себе издателя, если нельзя рассчитывать на немедленный сильный сбыт», — отмечал в мартовском номере журнала «Современник» за 1862 год Н.В. Шелгунов.³⁶ Научные издания в XIX веке раскупались медленно, годы и годы.

Но и в этом социальные стратегии потребления печатной продукции в России ничем не отличаются от остального мира. В тех же США в шестидесятые-семидесятые годы прошлого века суммарный тираж «научно-популярных» комиксов только одного автора, Стэна Ли («Человек-паук» — это его произведение), составил 134 миллиона экземпляров. А ведь это был период, когда успешно осуществлялась программа высадки американских астронавтов на Луну.

Засилье комиксов, как видим, ничуть не помешало американской нации в осуществлении своих планов научно-технического развития. Мало того — и это, казалось бы, совсем удивительно! — писатель и философ Борис Парамонов (США) утверждает: «В Америке сейчас книг не читают...».³⁷ (Это смелое утверждение не просто метафора. По данным опроса «Associated Press — Ipsos», каждый четвертый житель США в 2006 году не прочитал ни одной книги. Вообще американцы осиливают в год в среднем не более четырех книг. В 2005 году этот показатель составлял 5 книг, в 1999-м — 10 книг. Среди любителей чтения доминируют женщины и пенсионеры; круг их интересов — популярная художественная литература.³⁸)

Но, кстати, «побочный» продукт программы высадки человека на Луну — изобретение в 1971 году первого персонального

компьютера; в 1980 году их совокупный парк в Соединенных Штатах составил 78 тысяч штук, в 1983-м — 1 миллион, а в 1985-м — 5 миллионов.³⁹ В июне 2008 года в мире работало более одного миллиарда компьютеров, сообщило агентство «Reuters» со ссылкой на результаты исследования, проведенного компанией «Gartner». Ожидается, что к 2014 году их количество удвоится.

Точно так же не мешает засилье комиксов сегодня и японцам занимать 2-е место в мире после США по количеству регистрируемых патентов — 26 096 (против 49 555 у американцев; при этом у японцев самый большой в мире темп роста количества патентов — 8,3% в 2006 году).⁴⁰ И это при том, что распространение и соответственно потребление комиксов (manga — так называется эта разновидность печатной продукции в Японии) приобрело характер социальной эпидемии: 40% изданий в Стране восходящего солнца — комиксы, 30% доходов издательств — от комиксов...⁴¹

Согласно статистике, в Восточной Германии в 2006 году 19% взрослого населения вообще не прочитали ни одной книги.⁴²

* * *

Россия, если судить по некоторым обобщенным признакам, находится в мировом социальном мейнстриме. У американцев, например, тот же — если не больший! — антисциентизм на бытовом уровне. В 2003 году 34% американцев считали «летающие тарелки» и привидения не выдумками, а реальностью (социологическое исследование Virginia Commonwealth University). И это вполне устойчивая черта американского национального характера. По данным опроса «Pew Research Center survey» (декабрь 2009 года), 24% взрослых американцев, считавших себя приверженцами христианской религии, верили в реинкарнацию (в бесконечное число перерождений после физической смерти), 25% верили в астро-

логические прогнозы; около 20% видели или ощущали присутствие привидений; 15% прибегали к услугам гадалок или медиумов.⁴³

В ноябре 2008 года английская газета «The Daily Telegraph» опубликовала результаты социологического исследования, проведенного в Великобритании. В нем приняли участие три тысячи человек. Оказалось, что 58% жителей страны верят в сверхъестественное. И это больше, чем верящих в бога — 54%. Около 25% опрошенных утверждают, что хотя бы раз в жизни сталкивались с паранормальными явлениями: видели инопланетян, НЛО или привидений. А 37% британцев заявили, что существование внеземных цивилизаций и призраков лежит в основе их системы убеждений.⁴⁴

У немцев та же картина: около 40% жителей ФРГ в 2006 году были убеждены в том, что инопланетные существа уже высадились на Землю (данные опроса, проведенного по заказу журнала «Reader's Digest Deutschland»)⁴⁵

Мы тоже не отстаем от Запада.

В октябре 2005 года ВЦИОМ опросил 1600 человек в 153 населенных пунктах 46 регионов России. В результате социологи констатировали: в приметы верят 21% россиян, в гороскопы — 9%, в колдовство и магию — 8%, в инопланетян — 6%.⁴⁶ По другим данным, вера в уфологические, астрологические, паранормальные мифологемы среди различных групп населения России достигает 80%.⁴⁷

То есть удельный, если можно так сказать, уровень «мракобесия» что в США, что в ЕС, что в России примерно одинаковый. И хотя мне не удалось пока найти соответствующих социологических данных о том, как обстояло дело с этим показателем в СССР, думаю, что он не отличался качественно от мировых трендов.

Короче, ну все вроде бы у нас — как «в цивилизованных странах»! И с чтением книг, и с покетбуками, и с верой в «зеленых человечков».

Вот уже и президент Российской академии наук Юрий Осипов заявляет: «Самое важное состоит в том, что общими усилиями мы устранили искусственное разделение ученых на светских и на церковных». ⁴⁸

Вполне логично, что и у нас наконец-то случился первый «обезьяний» процесс: 15-летняя петербургская школьница Маша Шрайбер в 2006 году в федеральном суде Адмиралтейского района Северной столицы предъявила свои претензии к Министерству образования и науки РФ, а заодно и к авторам учебника по общей биологии для старших классов. Маша была не согласна с безальтернативным преподаванием учения Дарвина.

Напомню, в США первый подобный процесс проходил еще в 1925 году: школьный учитель из городка Дейтон (штат Теннесси) был обвинен в незаконном преподавании дарвинизма...

Но мало того. В 2007 году были опубликованы результаты сравнительного международного социологического исследования. ⁴⁹ Респондентов в 30 странах мира просили ответить на вопрос: принимают ли они эволюционное учение? В лидерах оказались скандинавы: в Исландии, Дании и Швеции с теорией эволюции согласны соответственно 85, 83 и 82% населения. Предпоследнее место заняли США — лишь 40% населения не отрицают дарвиновское учение. Меньше только в Турции — 27%. Даже ближайшие «хвостовые» соседи США — Латвия, Литва, Болгария и Греция — имеют показатели близкие к 50%.

Любопытно, что аналогичный опрос был проведен фондом «Общественное мнение» и в России 9 августа 2007 года. Вопрос был сформулирован так: «Верна или ошибочна теория Дарвина?», и 38% отвечавших на него россиян (вопрос задавался только тем, кто сказал, что знаком с понятием «дарвинизм»), или 18% респондентов по выборке в целом, сказали, что данная теория в целом верна. Причем люди, получившие высшее

образование, не намного чаще остальных выражали убеждение в справедливости дарвиновской теории (42% от числа отвечавших на вопрос, или 36% от всех граждан, имеющих высшее образование). Что она ошибочна, заявили 30% (14% по выборке), а 34% (16% выборочной совокупности) не имели определенной точки зрения на этот счет.⁵⁰

Удивительно, но и по этому показателю мы идем с США, что называется, ноздря в ноздю. И даже, пожалуй, опережаем Турцию. Одно только различие: почему-то все это не мешает США успешно сохранять статус страны — мирового научного и технологического лидера, а нам, России, очень даже мешает. Остается только предположить, что, возможно, мы не индустриальная (в современном понимании) и тем более не постиндустриальная страна.

Тогда — какая же?

АО «Строительство пирамид»

В принципе вариантов предложено много. Например, такой: Россия — это традиционное общество.

«В обществе, которое интегрировано подобного рода механизмами, наука всегда глубоко чужеродна: любая проблемная ситуация переживается здесь либо как прямое повторение прецедента, с которым ранее уже сталкивались другие носители традиции, либо же как заведомо разрешимая при заданных ею ограничениях на средства и стратегию действия», — отмечает Андрей Игнатъев.⁵¹

Да, был период, когда интересы укоренения новой традиции потребовали культурной (уничтожение безграмотности) и промышленной (коллективизация, индустриализация) революций. Но это была, если можно так сказать, феодальная модернизация. «Сталин или Мао Цзедун обладали неограниченной реальной властью... однако источником легитимности для их политических решений всегда служил статус «мудрого учителя», авторитет теоретика и эксперта», — пишет Игнатъев.

И в этом смысле «традиционность» нисколько не противоречит промышленному развитию. «Традиционное общество может претерпевать весьма существенные структурные сдвиги, связанные с возникновением наукоемкой экономики, а также сопутствующими этому процессу изменениями с содержанием труда, которые с неизбежностью вызывают к жизни некоторые новые социальные группы со своими специфическими интересами (интеллектуалы — только одна из них и притом далеко не самая многочисленная). В то же время эта промышленная и социальная революция происходит в обществе, которое утверждает (хотя бы неявным образом и на уровне массового сознания) чисто консервативные формы культуры, стремится исключить сколько-нибудь значимые проявления «самомыслия» и потому самым естественным образом ограничивает личную или групповую свободу действия, следования частным интересам, подчиняет их авторитету традиции, давности, привычности, общепринятости».⁵²

Еще одно очень образное определение существующему в нашей стране обществу дал известный российский экономист, академик Юрий Яременко: «Строго говоря, речь не идет о явлениях экономических — скорее их следует осмыслять в терминах социологии... И нам трудно осознать, что наше общество было больше похоже не на Европу или Америку, а скорее на Древний Египет, где строительство пирамид являлось цементирующим элементом всей египетской цивилизации. Так и наша экономика в своем развитии не имела какого-то внутреннего смысла, а была лишь неким пространством для воспроизводства и расширения административных структур».⁵³

Любопытно, что аналогия между советской экономической системой и социальной системой Древнего Египта приходила в голову не только академику Яременко. «Знаменитые египетские пирамиды, — пишет известный американский экономист и социолог Роберт Л. Хайлбронер, — были построены не по-

тому, что некий предприимчивый подрядчик решил возвести их, а советские пятилетки не являлись результатом богатых традиций взаимопомощи или преследования каждым индивидуумом своих целей. И Советская Россия, и Древний Египет — это командные общества; если оставить в стороне политический аспект, их экономическое выживание обеспечивалось указами, спускавшимися сверху, и жестоким наказанием за их неисполнение».⁵⁴

Но еще раньше в том же духе высказывался выдающийся экономист XX века Джон Мейнард Кейнс. «Древний Египет был вдвойне счастлив и, несомненно, был обязан своим сказочным богатством тому, что в нем развивалось два таких вида деятельности, как сооружение пирамид и добыча благородных металлов, плоды этой деятельности не могли непосредственно удовлетворить нужды человека и не использовались для потребления, а следовательно, и по мере увеличения изобилия они не утрачивали своей ценности, — отмечал Кейнс в своем знаменитом труде «Общая теория занятости, процента и денег» (1935). — В Средние века строили соборы и служили панихиды. Две пирамиды, как и две панихиды по усопшим, вдвое лучше, чем одна; в случае с двумя железными дорогами от Лондона до Йорка это не так».⁵⁵

Наконец, Симон Кордонский, бывший начальник Экспертного управления Администрации Президента РФ Владимира Путина, вводит понятие *ресурсного государства*.⁵⁶ В ресурсном государстве нет товаров и денег в рыночном смысле, вместо них — ресурсы. Концентрация и распределение ресурсов составляет содержание государственной жизни в периоды, когда оно не строит рынок и демократию. Рыночное устройство с его атрибутами (право, демократия, свободные СМИ) появляется в России всякий раз, когда разваливается система сбора и распределения ресурсов. Когда появляется рынок и его атрибуты, государство неизбежно ослабевает, так

как представляет собой инструмент сбора и распределения ресурсов.

Но как бы мы ни называли, ни определяли и ни переопределяли статус российского общества, все случилось, как и предугадывал еще в 1962 году Маршалл Маклюэн: «В устной России отношение к технологии носит характер страсти, что также может помешать им воспользоваться плодами распространения письменной грамотности».⁵⁷

* * *

Наверное, это звучит одиозно: «...мы не индустриальная (в современном понимании) и тем более не постиндустриальная страна». Мне и самому чрезвычайно неуютно от этой мысли. Но у меня нет другого объяснения, почему «бездуховная Америка», над которой так самозабвенно иронизирует наш народный юморист Михаил Задорнов, страна, породившая сам феномен поп-культуры, продает в год книг и газет на 29 548 миллионов долларов (1-е место в мире); а мы, устранившие «искусственное разделение ученых на светских и на церковных», не входим по этому показателю даже в Топ-30 ведущих стран.⁵⁸

Мало того, устранение «искусственного разделения», о котором говорит президент Российской академии наук, не помогает не только в деле наращивания производства печатной продукции, но и в деле наращивания научного знания, чем мы привыкли всегда гордиться. По данным академика Юрия Третьякова, декана факультета наук о материалах МГУ им. М.В. Ломоносова, «вклад российских ученых в мировую нанотехнологическую науку за последние пять-шесть лет заметно снизился и составляет сейчас 1,5% против 6% в 2000 году».⁵⁹ Дело, видимо, все-таки в «материальном носителе» духовного содержания.

Сегодня даже в тех отраслях, которые в основном и формируют ВВП, уровень износа основных фондов закритический: в

нефтедобыче и электроэнергетике — 50%, в нефтепереработке и газопереработке — 75 и 80% соответственно.⁶⁰ В 2005 году для химической промышленности России система профессионально-технического обучения подготовила только 600 рабочих.⁶¹ (Ситуация конца двадцатых годов прошлого века!) И это при том, что химическая и нефтехимическая промышленность занимает 5-е место в структуре промышленного производства России — около 6% от общего объема. При таком раскладе нынешний пятитысячный тираж научно-популярного журнала «Химия и жизнь» (действительно одного из лучших в стране) скоро просто некому будет читать.

Очень похоже, повторяю, что мы утратили статус современного индустриального государства или очень быстро движемся в этом направлении. «Я, как и многие мои коллеги, считаю, что у нас в запасе осталось не более шести-семи лет до полного исчезновения советского научно-технического потенциала, и тогда придется начинать с чистого листа», — заявил, например, в начале 2007 года на заседании президиума Российской академии наук директор Института экономики РАН Руслан Гринберг.⁶²

Фэнтези — тоска по высоким технологиям

В такой ситуации Российскому государству бессмысленно вкладываться в повышение престижа научного труда и науки в общественном сознании. Это просто экономически невыгодно. Оно и не вкладывается.

* * *

Государство, может быть, и не понимает, но чувствует: раздувать общегосударственный пиар в отношении популяризации научных и технологических знаний, науки и техники — вещь абсолютно безнадежная и бесполезная для него, государства. Безнадежнее и бесполезнее даже, чем искать национальную идею. И это легко проиллюстрировать цифрами. Достаточно

Таблица 3.3. Тиражи ведущих научно-популярных журналов в СССР в 1980-е годы

Советские издания	Тираж, млн экз., 1980-е годы
«Наука и жизнь»	3,4
«Вокруг света»	3,0
«Юный натуралист»	2,6
«Техника — молодежи»	2,0
«Юный техник»	0,87
«Знание — сила»	0,7
«Химия и жизнь»	0,3
Итого:	12,87
Численность населения, млн человек	262
«Коэффициент притягательности» (K_n), человек/экз.	20,4

но проанализировать данные о тиражах ведущих научно-популярных журналов в разных странах на разных исторических отрезках. Скажем, в СССР и в России соответственно в 1980-е и 2000-е годы (см. табл. 3.3 и 3.4).

Для СССР я включил в этот рейтинг только те научно-популярные периодические издания (подчеркиваю — не научно-методические и/или научно-образовательные, как знаменитый «Квант», например, или та же «Физика в школе», а именно научно-популярные), которые имели тираж 100 тысяч экземпляров и более. В итоге если соотнести численность

Таблица 3.4. Тиражи ведущих научно-популярных журналов в Российской Федерации в 2000-е годы

Российские издания	Тираж, млн экз., 2000-е годы
«Вокруг света»	0,25
«GEO»	0,22
«National Geographic — Россия»	0,2
«Популярная механика»	0,12
«Компьютерра»	0,064
«Что нового в науке и технике»	0,061
«Техника — молодежи»	0,05
«Наука и жизнь»	0,044
«В мире науки»	0,015
«Юный натуралист»	0,014
Итого:	1,038
Численность населения, млн человек	145,5
«Коэффициент притягательности» (K_n), человек/экз.	140,2

населения бывшего СССР на тот период (262 миллиона человек) и суммарный тираж лидеров советского научпопа (12,87 миллиона экземпляров), мы получим некую условную величину, я назвал ее «коэффициент притягательности» научпопа (K_n):

$$K_n = 20,4 \text{ человека/экз.}$$

Физический, так сказать, смысл этого коэффициента можно интерпретировать следующим образом: примерно каждый 20-й человек в СССР был потребителем научно-популярной периодики. (Такой параметр выбран просто для удобства анализа; обратная «коэффициенту притягательности» величина — количество экземпляров, приходящихся на одного человека, — не слишком «презентабельно» выглядит на письме.)

Те же самые подсчеты, проведенные для России (табл. 3.4), дают $K_n = 140,2$ человека/экз. (Замечу только, что для России пришлось включить в рейтинг издания с тиражом 10 тысяч экземпляров и более; это вынужденная поправка на реалии отечественного рынка научно-популярных СМИ.) Таким образом, сегодня в нашей стране лишь каждый 140-й ее житель в той или иной мере интересуется научпопом.

Дальше совсем просто. В табл. 3.5 приведены данные и результаты расчетов для Соединенных Штатов за соответствующие периоды. Как видим, и там «коэффициент притягательности» подрос (т. е. ухудшился) примерно в 1,5 раза. Но это все-таки никак не сравнимо с ухудшением почти на порядок величины, которое мы наблюдаем для СССР/России.

Интересно, что и результаты по Великобритании за 2000-е годы дали результаты, аналогичные тем, что были в США: $K_n = 31,9$ (см. табл. 3.6). (К сожалению, мне не удалось найти данных по Великобритании за 1980-е годы; как ни странно, тут оказался бессильным даже Британский совет в Москве, сотрудники которого любезно предоставили мне информацию о тиражах научно-популярных изданий в 2000-е годы.)

Итак, СССР и США в 80-е годы прошлого века были практически на равных в деле издания научно-популярной периодики («коэффициент притягательности» соответственно 20,4

Таблица 3.5. Тиражи ведущих научно-популярных журналов в США в 1980-е и в 2000-е годы

Американские издания	Тираж, млн экз.	
	1980-е годы	2000-е годы
«National Geographic»	8,6	5,25
«Popular Science»	1,804	1,45
«Popular Mechanics»	1,64	1,2
«Discover»	0,7	0,85
«Scientific American»	0,192	0,575
«Wired»	–	0,645
Итого:	12,94	9,97
Численность населения, млн человек	235	300
«Коэффициент притягательности» (K_n), человек/экз.	18,2	30,1

и 18,2). Американцы сумели фактически сохранить этот уровень и спустя двадцать лет: их $K_n = 30,1$. Англичане тоже не отстают: $K_n = 31,9$. А вот в современной России, увы, «коэффициент притягательности» научпопа только 140,2.

И опять приходится констатировать: *тиражи научно-популярной литературы — это величина инвариантная для определенного типа (этапа) развития любого общества. Если общество находится в фазе индустриального или постиндустриального развития, то вне зависимости от политического строя притягательность научпопа везде примерно одинаковая.*

Таблица 3.6. Тиражи ведущих научно-популярных журналов в Великобритании в 2000-е годы

Британские издания	Тираж, млн экз., 2000-е годы
«Science»	0,637*
«Nature»	0,27**
Proceedings of the Royal Society Series:	
«Biological series»	0,0016***
«Maths., Phys. and Eng. Series»	0,0009
«National Geographic»	0,9
«Scientific American»	0,06
Итого:	1,870
Численность населения, млн человек	59,7****
«Коэффициент притягательности» (K_n), человек/экз.	31,9

* 159 312 (еженедельно);

** 67 437 (еженедельно);

*** 800 (24 выпуска в год);

**** 2002 г.

* * *

Все это, впрочем, не исключает спорадических, иногда с очень мощной финансовой поддержкой со стороны Российского государства, кампаний по реанимации тех или иных отраслей современной науки и технологий. (Экономист и науковед Сергей Кара-Мурза называет это явление анклавным технологическим развитием.)

Нечто подобное, кстати, происходит сейчас с так называемыми нанонаукой и нанотехнологией. Когда в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации, с которым Владимир Путин выступил 26 апреля 2007 года, нанотехнологии удостоились развернутого упоминания, это само по себе было воспринято обществом как форма легитимации темы. «Мною утверждена недавно стратегия развития nanoиндустрии, которая определяет главные приоритеты и организационно-правовые механизмы создания инфраструктуры соответствующей отрасли, — отчеканил президент. — С учетом федеральных целевых программ на это направление должно быть запланировано в федеральном бюджете около 180 миллиардов рублей. Обращаю ваше внимание: мы, по сути, открываем еще одно, сопоставимое с общим финансированием науки, направление — почти в таком же объеме! При этом важнейшим вопросом является создание условий для роста негосударственных инвестиций в развитие nanoиндустрии».⁶³

После таких заявлений сразу можно было ожидать всплеска научно-популярной и вообще издательской активности в этом направлении. Что не заставило себя долго ждать. В декабре 2006 года начал выходить новый ежемесячный журнал «Российские нанотехнологии» (тираж — 2000 экземпляров, 250 полноцветных полос). Библиография научно-популярных книг про нанотехнологии уже сегодня превышает несколько десятков названий. В крупных книжных магазинах Москвы под эту литературу отведены специальные стеллажи.

Другой хороший пример — отечественный сектор информационных технологий. Ежегодный рост здесь составлял до недавнего времени около 30%. В 2005 году объем отечественного ИТ-рынка составил 14,2 миллиарда долларов; рост по отношению к предыдущему году — 25,5% (исследование «Сценарии российского ИТ-рынка 2009», Лига независимых

экспертов в области информационных технологий, Linex). Ничего удивительного, что рынок научно-популярных, развлекательных, информационных и специализированных периодических изданий по ИТ-тематике практически не уступает европейскому ни по числу наименований, ни по суммарному тиражу.

Повторю в который уже раз на страницах этой книги: как только появляется промышленное развитие (или по крайней мере точки роста такого развития), сразу же появляется и сопровождающая его инфраструктура, издательская и популяризаторская в том числе. И самое главное — сразу же появляется потребитель на услуги этой инфраструктуры. Отсюда и тиражи научно-популярной литературы, компьютерной, обобщенно говоря, в данном случае. Причем это достигнуто как раз в основном за счет негосударственных инвестиций.

И опять же: стоило информационно-коммуникационным технологиям затормозить в своем развитии в результате глобального экономического кризиса, как это сразу сказало на рынке ИТ-научпопа.

По разным экспертным оценкам, в 2009 году общий объем падения рынка информационных технологий в России составил от 14 до 45%.⁶⁴ В некоторых сегментах падение достигло 70%.⁶⁵ И параллельно с этим стали закрываться компьютерные журналы: 15 декабря 2009 года вышел последний номер одного из самых интересных, умных, если угодно, из них — «Компьютерра» (журнал издавался 17 лет), в этом же году приказал долго жить футурологически-киберпанковский журнал «SYNC» (тираж 70 тысяч экземпляров, издавался ИД «Gameland») — «журнал для тех молодых людей, кто ценит свободу и стремится получить удовольствие от общения с техникой», как его аттестовали издатели. Еще раньше «схлопнулся» «Домашний компьютер». И это далеко не полный мартиролог..

Таблица 3.7. Выпуск книг и брошюр по целевому назначению в 2008 году

	Количество названий книг и брошюр	Общий тираж, тыс. экз.
Научные издания	20 772	10 111,0
Научно-популярные издания	1844	7620,0
Нормативно-производственные издания	2207	8835,4
Официальные издания	1361	8692,0
Учебные и методические издания	37659	243 917,9
Литературно-художественные издания	20138	154 243,5
Издания для детей и юношества	11296	149 763,8
В том числе:		
Научно-познавательные издания для детей и юношества	4891	78 742,8
Научно-познавательные издания для дошкольного возраста	3395	61 787,2
Научно-познавательные издания для младшего школьного возраста	493	5533,0
Научно-познавательные издания для среднего и старшего школьного возраста	604	6420,3
Научно-познавательные издания для юношества	17	146,4
Энциклопедии для детей и юношества	382	4855,9
Справочные издания	4177	26 909,7
Всего:	123 336	760 439,3

Источник: Официальный сайт Российской книжной палаты.
http://www.bookchamber.ru/content/stat/stat_2008.html

* * *

Вообще говоря, хотя по абсолютным показателям тиражей научно-популярной литературы в целом и научно-популярной периодики в частности современная Россия на порядки уступает и бывшему СССР, и промышленно развитым западным странам, но по репертуару (т. е. по количеству наименований) динамика положительная. Так, к 2000 году по названиям выпуск научно-популярных книг в 1,5 раза превысил уровень 1990 года.⁶⁶ Да и через восемь лет, в 2008 году, в России было зарегистрировано 123 336 названий книг и брошюр. До этого лучший российский показатель (2007 год) был на уровне 108 791 названия.⁶⁷ Распределение этих книг в 2008 году по целевому назначению представлено в табл. 3.7.

Как отмечают специалисты Российской книжной палаты, комментируя представленные в табл. 3.7 данные, «по количеству названий лидируют издания учебной и методической (37 659), научной (20 772) и художественной (20 138) литературы, причем в последнем разделе более половины названий приходится на издания для детей и юношества».

Показательно, что общее падение тиражей научпопа с успехом компенсирует рост объема продаж литературы в жанре фэнтези, т. е. попросту сказки времен биотехнологий и Интернета (7–8% от всего объема продаж литературы в России). При этом не забудем, что фантастика (science fiction) носит прежде всего когнитивный характер, тогда как фэнтези — жанр, рассчитанный на эмоции, даже на физиологическое возбуждение.

Эта тенденция отразилась даже на том, как самоидентифицирует свою «видовую» принадлежность современная российская научно-популярная периодика. (Сравните это с подобной же самоидентификацией отечественных СМИ в начале XX века — см. главу «Страна победившего научпопа»). Эволюционный дрейф такой самоидентификации я попытался представить в табл. 3.8.

Таблица 3.8. Самоидентификация современной российской научно-популярной периодики

Год начала издания журнала (или период выпуска)	Название периодического издания
1962	«Моделист — конструктор» Популярный научно-технический журнал
1965 (с 1997 г. выходит под названием «Химия и жизнь — XXI век»)	«Химия и жизнь» Научно-популярный журнал
1970	«Квант» Научно-популярный физико-математический журнал для школьников и студентов
1983–1993, возобновлен в 2003 году	«В мире науки» Ежемесячный научно-информационный журнал
1984	«Энергия: Экономика — Техника — Экология» Ежемесячный научно-популярный и общественно-политический иллюстрированный журнал
1990	«Наука и мы» Популярный научно-технический журнал
1992–2009 (с 2009 года выходил под названием «Сумма технологий»)	«Компьютерра» , Компьютерный еженедельник
1996	«Экология и жизнь» Научно-популярный и образовательный журнал
1997–2001	InterNet Ежемесячное приложение к Сети
2000–2004	Paradox («Парадокс») Ежемесячный иллюстрированный журнал — «Все тайны мироздания»

Продолжение таблицы 3.8

Год начала издания журнала (или период выпуска)	Название периодического издания
2002–2009	«Что нового в науке и технике» Ежемесячный научно-популярный журнал о высокотехнологичном образе жизни
2002	«Популярная психология» Интеллектуальный журнал
2002–2004	«Ломоносов» Современный мир науки — научно-популярный журнал
2003	«Популярная механика» Журнал о том, как устроен мир
2004	«Наука из первых рук» Познавательный журнал для хороших людей (Периодический научно-популярный журнал)
2005–2009	«SYNC» Синхронизация с будущим
2005	«Машины и механизмы» Научно-популярный журнал — «Все гениальное просто!»
2007	«Сверхновая реальность» Мир будущего прекрасен!
2008–2010	«Идея Икс» Мы делаем сложное понятным
2009	«Discovery» Ежемесячный научно-популярный журнал — «Познавая мир, открываем себя»
2010	«Иллюстрированная наука» (Science Illustrated)
2010	New Scientist Ежемесячное издание на русском языке
2011	Наука в фокусе Идеи. Открытия. Изобретения

Обратите внимание: с началом «нефтяного бума» на рубеже тысячелетий возникают и новые научно-популярные журналы. Эта граница маркируется едва ли не хронологически точно началом миллениума. Есть экономическое развитие — есть научпоп! Правило работает безотказно.

Однако новые игроки на рынке бумажной научно-популярной прессы явно не стремятся «связывать» себя путами принадлежности к этому жанру. Очевидно, что их принципом становится — «Как можно меньше определенности!». Иногда от жанрового определения «научно-популярный» журналы просто отказываются; иногда расширяют его своеобразным фирменным девизом (слоганом). Жанр научпопа как бы размывается.

Точно так же размывается сегодня и жанр научной фантастики. Некоторые литературные критики еще более категоричны: «Несмотря на обилие призов, вручаемых за фантастическую литературу («Роскон», «Интерпресскон», «Аэлита» и др.), уходящий [2009-й] год был отмечен полной компрометацией самого слова «фантастика», — уверен литературовед и критик Андрей Щербак-Жуков. — Уже в прошлом и позапрошлом году, услышав это «нехорошее», не принятое в приличном обществе слово, брезгливо кривились серьезные литераторы, а теперь от него отказались уже и издатели, которые сами же и сделали из него полное позорище. Они выхолостили из фантастики все, что хоть как-то могло напоминать художественность, и превратили в товарный знак. А теперь, когда он оказался скомпрометирован, от него отказались. В уходящем году книги всех лучших российских писателей-фантастов — и Михаила Успенского, и Евгения Лукина, и Андрея Лазарчука, и Марии Галиной — вышли без единого упоминания слова «фантастика». А для харьковчан Дмитрия Громова и Олега Ладженского, пишущих под псевдонимом Генри Лайон Олди, даже открыли специальную серию, в которой будут переиздаваться их старые, конечно же фантастические, романы, но уже без

упоминания «нехорошего» слова. В восьмидесятые годы фантастику называли «Золушкой от литературы», двухтысячные стали ее балом, на котором над бедняжкой надругались и сами же выставили за дверь, сказав, что не имеют дел с падшими женщинами...»⁶⁸

Они как будто сговорились — литературоведы и критики...

«Содержит ли теперь беллетристика какое-то неординарное знание и есть ли у читателя возможность приобщиться к нему? — вопрошает, очевидно риторически, Александр Кустарев. — Очевидным образом ближе всего к книге тайного знания научная фантастика. Но, к сожалению, этот род литературы теперь представлен очень специфическим и мало читаемым корпусом текстов, погребенным под гигантской свалкой “фэнтези”». ⁶⁹

Но это не только некий беллетристический фантазм, массовая писательская галлюцинация. Качественные ощущения литераторов подтверждаются и вполне количественными полевыми исследованиями социологов.

«Любовный роман, детектив и боевик, исторический (точнее — авантюрный, не отличающийся историко-научной достоверностью) роман и невысокого качества (лишенное идейной и стилистической оригинальности, вторичное по сюжетам, мотивам, etc.) фэнтези занимают ведущие позиции в читательских ориентациях последнего десятилетия... Изменения сводятся к следующему: ...переход от фантастики к фэнтези; преобладание в спросе серийной литературы, близкой к телевизионным образцам...», — отмечают исследователи-социологи Нина Селиверстова и Наталья Юмашева.⁷⁰ Эмпирической базой для этих выводов послужили данные анкетирования студентов московских вузов (декабрь 2006 года — февраль 2007 года; объем выборочной совокупности — 709 студентов, выборка целевая). Например, распределение ответов на вопрос «Если Вы читаете книги, то какие именно?» — представлено в табл. 3.9.

Таблица 3.9. Распределение ответов на вопрос:
«Если Вы читаете книги, то какие именно?»

Ответы	%
Детективы	28,7
Фантастику	35,5
Фэнтези	31,3
Исторические романы	29,0
Романы о любви	12,5
Русскую и зарубежную классику	53,5
Отечественную современную прозу	24,8
Переводную современную прозу	28,7
Поэзию	13,1
Научную, научно-популярную, религиозную литературу	12,3

Источник: Селиверстова Н.А., Юмашева Н.Д. Чтение в студенческой среде: опыт социологического исследования. — М.: РКП, 2009. (Московское книжное дело сегодня) С. 74.

Писатель Владимир Сорокин, говоря в одном из интервью о своем романе «День опричника» (кстати, сам писатель жанр этой книги определил как «фэнтези на тему о будущем России»), очень образно и точно, по-моему, оценивает ситуацию: «Мне кажется, что у нас существует просвещенный феодализм, помноженный на высокие технологии. Современные феодалы ездят не в каретах, а на шестисотых “мерседесах”. И хранят свои деньги не в сундуках, а в швейцарских банках. Но ментально они не отличаются от феодалов XVI века».⁷¹ (Замечу, что это, казалось бы, чисто беллетристическое определе-

ние иногда почти текстуально совпадает с вполне академическим; директор Института экономики РАН Руслан Гринберг, например, называет строй, который сложился у нас после 1991 года, «анархо-феодальным капитализмом»: «”Анархо” в том смысле, что «спасайся, кто может». А «феодальный» — в смысле капитализации финансовых потоков в соответствии не с общественными, а с партикулярными интересами». ⁷²⁾

* * *

И ведь не скажешь, что этот образ всего лишь метафора. По крайней мере, отношение нашего государства к науке и ученым действительно зачастую напоминает взаимоотношения средневекового феодала со своим придворным алхимиком или звездочетом: у соседа есть, пусть и у меня будет; денег много не просит, а там, — чем черт не шутит! — глядишь, и превратит ртуть в золото. А от звездочетов так и вообще прямая польза: гороскопы вещь в хозяйстве незаменимая...

Остается только повторить вслед за Даниелом Беллом: «Отношение к научному знанию определяет ценностную систему общества. Средневековая концепция естественного закона была концепцией “запрещенного знания”». ⁷³⁾

И все таки мифологическое, «фэнтезийное» мышление — это в некотором смысле обратная сторона общества, истосковавшегося по высоким технологиям, а не по высоким словам (о «стирании граней» и «покаянии»; «Каяться — не инновационную экономику создавать», — справедливо замечает Кирилл Мартынов⁷⁴⁾). Так, например, влияние биотехнологий, как и всех новейших технологий в целом, более 80% респондентов оценивают положительно и только 10% — отрицательно (1026 участников опроса в московском регионе, 1998 год). Влияние новейших технологий на качество жизни положительно оценили 82% опрошенных, отрицательно — 10%. Но вот уровень развития новейших технологий в России 42% опрошен-

ных считают низким, 40% — удовлетворительным и только 6% — высоким.⁷⁵

Впрочем, возможно, именно тоска по высоким технологиям, вполне ощутимая в общественном сознании, и составляет тот ресурс, используя который еще можно попытаться вернуться к действительно современному и динамичному социально-экономическому развитию. Это уже почувствовали люди, даже вроде бы далекие от формирования государственной научно-технической политики — книготорговцы и аналитики рынка медиа. «Пока не будет значительных инвестиций в науку, научно-популярные журналы не будут востребованы», — уверен гендиректор агентства «Медиамарк» Константин Исаков.⁷⁶

А за научно-популярной литературой и журналистикой дело не станет.

Примечания

Примечания к главе 1

¹ Слово о науке: Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты. Кн. вторая/ Сост., автор предисл. и введений к главам Е.С. Лихтенштейн. Изд. 2-е, исправл. и доп. — М.: Знание, 1986. С. 11.

² *Хогран Дж.* Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки/ Пер. с англ. М. Жуковой. — СПб.: Амфора, 2001. С. 109.

³ *Полухина В.П.* Больше самого себя. О Бродском. — Томск: ИД СК-С, 2009. С. 124.

⁴ *Кузьмичев И.К.* Литературные перекрестки. Типология жанров, их историческая судьба/ Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. С. 3, 25–26.

⁵ *Чернявская В.Е.* Интерпретация научного текста: Учебное пособие. Изд. 5-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 28.

⁶ *Кузьмичев И.К.* Указ. соч., с. 37.

⁷ Литературный словарь. — М.: ЛУЧ (Литературная учеба), 2007. С. 57.

⁸ *Шведова-Водка Г.Н.* Общая теория документа и книги: Учебное пособие. — М.: Рыбари; К.: Знания, 2009. С. 376–379.

⁹ *Чернявская В.Е.* Указ. соч., с. 30.

¹⁰ *Сенкевич М.П.* Литературное редактирование научных произведений. — М.: Высшая школа, 1970. С. 28.

¹¹ *Чернявская В.Е.* Указ. соч., с. 38–39.

¹² *Сенкевич М.П.* Указ. соч., с. 28.

¹³ *Черняк А.Я.* История технической книги. — М.: Книга, 1981. С. 23.

¹⁴ *Станков С.С.* Жизненный путь и труды Карла Линнея// Сб. Карл Линней. (К 250-летию со дня рождения.) 1707–1957. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 7–77.

¹⁵ Точное и краткое изложение оснований гальванизма (Париж, 1803). Цит. по: *Витковски Никола.* Сентиментальная история науки/ Пер. с фр. Д. Баюка. — М.: КоЛибри, 2007. С. 155.

¹⁶ Основные стандарты по издательскому делу: Сб./ Сост. А.А. Джиго, С.Ю. Калинин. — М.: ИД «Университетская книга», 2009. С. 117, 131.

¹⁷ *Черняк А.Я.* Указ. соч., с. 46.

¹⁸ Там же, с. 280.

¹⁹ Там же, с. 55.

²⁰ Цит. по: *Винокур М., Старобинская Н.* Первый русский научно-популярный журнал/ Техническая книга, № 11–12, 1939. С. 140.

²¹ Там же, с. 141.

Примечания к главе 2

¹ *Бехтерев В.М.* Автобиография. М.: Акц. изд. о-во «Огонек», 1928. С. 43.

² *Мекке Г.* По поводу пятилетнего плана// *Анналы экономической и социальной истории. Избранное/ Пер. с фр.* — М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007. (Сер. «Университетская библиотека Александра Погорельского».) С. 123.

³ *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. — М.: Россий-

ская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. (Сер. «Экономическая история. Документы, исследования, переводы».) С. 18.

⁴ *Рубакин Н.А.* Избранное. В двух т. Т. 1. — М.: Книга, 1975. С. 82–84.

⁵ Там же, с. 47.

⁶ *Черняк А.Я.* История технической книги. — М.: Книга, 1981. С. 82.

⁷ *Рубакин Н.А.* Указ. соч., с. 48.

⁸ *Маракуев Н.Н.* Ньютон, его жизнь и труды. — М.: Типо-Литография И.Н. Кушнерева и К°, 1885. 92 с. + (Галилей, его жизнь и ученые труды. 176 с.), конвюлют. (Сер. «Научно-популярная библиотека».)

⁹ *Белов С.В., Толстяков А.П.* Русские издатели конца XIX — начала XX века. — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. (Сер. «История нашей Родины».) С. 97.

¹⁰ *Бьянчи М.* Коллекционирование как парадигма потребления// Сб. Экономика современной культуры и творчество/ Пер. с англ. — М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2006. С. 117–130.

¹¹ *Рубакин Н.А.* Указ. соч., с. 49.

¹² Если быть точным, то в 1919–1920 годах Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов переиздал 22 научно-популярные книги Рубакина. Общий тираж этих изданий составил фантастическую даже по современным меркам величину — 1 420 000 экземпляров. Хотя полиграфическое исполнение этих книг было очень слабое, раскупались они моментально. С 1923 по 1928 год советскими издательствами было переиздано еще 23 научно-популярные книги Рубакина общим тиражом 166 тысяч экземпляров, а кроме того, было ввезено в СССР пять книжек Рубакина по естествознанию, изданных за границей тиражом 49 тысяч экземпляров. (См.: *Рубакин А.Н.* Рубакин (Лоцман книжного моря) — М.: Молодая гвардия, 1967. («Жизнь замечательных людей». Вып. 9 (437).)

¹³ В сентябре 1919 года провинция делала заявки на книги на 7433,6 тысячи рублей; получила же в итоге на 458,5 тысячи. (См.: Книга и культура/ Сб. материалов Третьей Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения «60 лет советской книги». — М.: Наука, 1979. С. 151.)

¹⁴ *Перископ*. Популяризация или вульгаризация. (О народных книжках Н.А. Рубакина)/ Книга и революция, № 3–4, сентябрь–октябрь, 1920. С. 69–72.

¹⁵ *Я.П.* Рецензии. Естественные науки/ Книга и революция, № 6, декабрь, 1920. С. 50.

¹⁶ Какие авторы научной литературы пользуются успехом у читателя-рабочего/ Красный Библиотекарь, 1925, № 4. (Цит. по: *Рубакин А.Н.* Указ. соч., с. 7.)

¹⁷ *Рубакин А.Н.* Указ. соч., с. 21.

¹⁸ Там же, с. 25.

¹⁹ Там же, с. 101.

²⁰ Там же, с. 27.

²¹ *Рубакин Н.А.* Среди тайн и чудес (с рисунками). — Петроград: Издательство Союза коммун Северной области, 1919. С. 155–156.

Эта книжка Рубакина после первого же издания подверглась жесткой обструкции. Так, в 1913 году в изданной «Союзом Михаила Архангела» книге «Школьная подготовка второй русской революции» статья, посвященная Рубакину, заканчивалась словами: «Рубакин — чистейший безбожник и анархист. Это, конечно, его дело. Но каким образом его книга “Среди тайн и чудес”, составленная для детей школьного возраста, разрешена к печати и распространению?».

²² *Рубакин А.Н.* Указ. соч., с. 31.

²³ *Рихман В.* Популяризация вплоть до сумбура/ Техническая книга, № 7, 1937. С. 87–88.

²⁴ *Горький М.* Что такое наука?/ Наука и ее работники, 1920, № 1. С. 3–6.

²⁵ *Elevato*. Какая-то невязка/ Книга и революция, 1920, № 2, август. С. 5–6.

²⁶ Там же, с. 7.

²⁷ *Черняк А.Я.* Указ. соч., с. 21.

²⁸ *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. — СПб.: Наука, 1998. С. 144–145.

²⁹ *Козлов Б.И.* Индустриализация России: вклад Академии наук СССР. (Очерк социальной истории. 1925–1963) — М.: Academia, 2003. С. 36.

³⁰ *Лапин В.В.* Петербург. Запахи и звуки. — СПб.: Европейский Дом, 2007. С. 139.

³¹ *Головин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне. — М.: Вече, 2006. (Сер. «Военные тайны России».) С. 38.

³² *Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А.* История Путиловского завода. 1789–1917/ Под ред. В.А. Быстрянского. — М.—Л.: Соцэгиз, 1939. С. 43.

³³ *Фонотов А.Г.* Россия: от мобилизационного общества к инновационному. — М.: Наука, 1993. С. 118.

³⁴ Библиограф, 1885, № 5, май. С. 102.

³⁵ Библиограф, 1885, № 4, апрель. С. 87.

³⁶ *Бутлеров А.М.* Как водить пчел. — СПб., 1885.

³⁷ Библиограф, 1885, № 9. С. 44.

³⁸ Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). — М.: Самотека, 2008. С. 355–356.

³⁹ Библиограф, 1885, № 12. С. 344.

⁴⁰ *Муратов М.В.* Продажа книг как культурная работа. Изд. 2-е, доп. — Ярославль: изд-во Ярославского кредитного союза кооперативов, 1919. С. 21.

⁴¹ Там же, с. 45–46.

⁴² Там же, с. 33.

⁴³ Там же, с. 47.

⁴⁴ *Блох М.А.* Среди книг и журналов/ Наука и ее работники, 1922, № 3–4. С. 60–61.

Макс Абрамович Блох (1882–1941) — личность вполне легендарная. Или, точнее сказать, знаковая для своего времени. Химик и историк химии; работал в Комитете по химизации народного хозяйства при Госплане СССР, а также в ряде издательств. Автор очень известной «Хронологии важнейших событий в области химии и смежных дисциплин...» (1940).

*«Ох! Ох! Ох! Макс Абрамыч Блох:
блоха среди ученых, ученый среди блох».*

Авторство этой ироничной эпиграммы ученая молва приписывала выдающемуся химику Николаю Семеновичу Курнакову (1860–1941). Впрочем, никаких доказательств этому нет.

⁴⁵ *Ольденбург С.* Работа Российской академии наук за последние три года. 1917–1919// Наука и ее работники, 1920, № 1. С. 7.

⁴⁶ *Побединский В.М., Игнатенко А.А.* Книгоиздательская деятельность Петербургского университета. 1724–1989/ Под ред. проф. Г.А. Тишкина. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 33–34.

⁴⁷ Наука и ее работники, 1921, № 3. С. 2.

⁴⁸ *Левениус Л.А.* Деятельность военных издательств в период восстановления народного хозяйства (1921–1928)/ В сб. «Книга и культура». — М.: Наука, 1979. С. 223.

⁴⁹ *Блох М.А.* Указ соч., с. 57–61.

⁵⁰ Книга и революция, 1920, № 1, июль. С. 59.

⁵¹ *Паперный В.* Культура Два. Изд. 2-е, испр., доп. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 121.

⁵² Наука и ее работники, 1920, № 1. С. 36.

⁵³ Наука и ее работники, 1922, № 3–4. С. 57.

⁵⁴ Там же, с. 56.

⁵⁵ Там же, с. 57.

⁵⁶ *Блох М.А.* Среди книг и журналов/ Наука и ее работники, 1922, № 5 (настоящий номер выпущен из типографии 20 января 1923 г.). С. 32.

⁵⁷ *Муратов М.В.* Указ. соч. С. 5.

⁵⁸ *Славская В.* Книга и революция/ Книга и революция, 1920, № 3-4, сентябрь-октябрь. С. 5.

⁵⁹ Там же, с. 5, 6.

⁶⁰ *Муратов М.В.* Указ. соч., с. 5.

⁶¹ *Рубакин Н.А.* Избранное. В 2-х т. Т. 1. — М.: Книга, 1975. С. 84–85.

⁶² Там же, с. 52.

⁶³ Книга в России, 1895–1917... С. 635, 641, 645.

⁶⁴ *Бородин Н.А.* Идеалы и действительность: сорок лет жизни и работы рядового русского интеллигента (1879–1919). — М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2009. С. 9.

⁶⁵ Там же, с. 8.

⁶⁶ Цит. по: Книга в России, 1895–1917... С. 638.

⁶⁷ Книга в России, 1895–1917... С. 650.

⁶⁸ Там же, с. 636, 650.

⁶⁹ *Муратов М.В.* Указ. соч., с. 19–20.

⁷⁰ *Постников С.П., Фельдман М.А.* Указ. соч., с. 251.

⁷¹ Слегка лукавит, надо думать, Иван Иванович. Он хорошо знает цену своим способностям. Вопрос только в том, когда их оценят. «Тов. Степанов! — пишет ему записку В.И. Ленин 19 марта 1922 года. — Сейчас кончил просмотр 160 страниц Вашей книги <речь идет о рукописи книги И.И. Скворцова-Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства», подготовленной по поручению Ленина>... от этой книги я в восторге. Вот это дело! Вот это — образец того, как надо русского дикаря учить *с азов*, но учить не «полунауке», а *всей науке*». (В.И. Ленин, КПСС о развитии науки/ Под общ. ред. К.М. Боголюбова. — М.: Политиздат, 1981. С. 191.)

Надо отметить, что эта книга И. Степанова действительно была событием неординарным по тому времени. Да и обстоятельства ее подготовки были неординарными. «Ввиду просьбы Ив. Ив. Скворцова (Степанова) прошу отменить его командировку и *сослать* его вместо этой командировки *в один из подмосковных совхозов*, на молоко, чтобы он в 1 — 1½ месяца, не отвлекаясь другими делами, кончил предпринятую им литературную работу», — пишет Ленин 21 октября 1921 года в письме в Оргбюро ЦК ВКП(б) (*Глухов А.Г. В свете солнца. Очерки о научно-популярных книгах.* — М.: Сов. Россия, 1977. С. 240.)

После того как в марте 1922 года книга была закончена, Ленин, в восторге от прочитанного, опять обращается в Секретариат ЦК с просьбой дать автору книги отдых, в котором он *«абсолютно нуждается»*.

Надо отметить, что первый тираж «Электрификации РСФСР...» разошелся так быстро, что уже в 1922 году выходит ее второе издание, а в 1925-м — третье, тиражом 10 тысяч экземпляров. «Ее, — считает советский историк книги Алексей Глухов, — с полным правом можно назвать первым популярным трудом по энергетике страны, поскольку до революции подобных работ не было. Это была вместе с тем первая научно-популярная книга для трудящихся первого в мире социалистического государства». (*Глухов А.Г. Указ. соч.*, с. 241.)

⁷² *Степанов И.* Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия/ Книга и революция, 1920, № 6, декабрь. С. 4–5, 8, 9.

⁷³ *Степанов И.* Указ. соч., с. 4.

⁷⁴ Книга и революция, 1920, № 6, декабрь. С. 60.

⁷⁵ Институты управления культурой в период становления. 1917 — 1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: Схемы/ Авт. коллектив, гл. ред. К. Аймермахер. — М.: Российская политичес-

кая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. (Сер. «Культура и власть от Сталина до Горбачева. Исследования».) С. 233.

⁷⁶ *Динерштейн Е.А.* Российское книгоиздание (конец XVII — XX в.): Избр. ст./ Науч. центр исслед. истории книжной культуры. — М.: Наука, 2004. (Книжная культура в мировом социуме: теория, история, практика). С. 339.

⁷⁷ *Степанов И.* Указ. соч., с. 4.

⁷⁸ Там же, с. 5.

⁷⁹ Институты управления культурой... С. 231.

⁸⁰ *Шомакова И.А.* Госиздат и проблемы оптимальной структуры советского издательского дела// Книга и культура. — М.: Наука, 1979. С. 130—131.

⁸¹ *Быстрянский В.* Государственное издательство и его задачи/ Книга и революция, 1920, № 1, июль. С. 4.

⁸² *Белопольский И.* Работа Государственного издательства в Петербурге за 1920 год/ Книга и революция, 1921, № 7, январь. С. 24—26.

⁸³ В.И. Ленин. Ответ на вопросы берлинского корреспондента американского информационного агентства Universal Service Карла Виганда. 18 февраля 1920/ Цит. по: *Колеров М.А.* На пути к лояльности: “Декларация трудовой интеллигенции” (1920)// Русский сборник. Исследования по истории России. Т. VI. Ред.-сост.: О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. — М.: Модест Колеров, 2009. С. 163—174.

⁸⁴ *Блох М.А.* Частные кооперативные научные издательства/ Наука и ее работники, 1921, № 6. С. 43—44.

⁸⁵ *Блох М.А.* Среди книг и журналов/ Наука и ее работники, 1922, № 1. С. 46.

⁸⁶ *Белов С.В., Толстяков А.П.* Русские издатели конца XIX — начала XX века. (Сер. «История нашей Родины».) — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. С. 118.

⁸⁷ *Степанов И.* Государственное издательство и ведомства, художественная литература и советские меценаты/ Книга и революция, 1921, № 7, январь. С. 2.

⁸⁸ Советская книга. Ч. I. Книга и книжное дело в первые годы советской власти. Указатель литературы. Вып. 2/ Сост. Т.А. Подмазова, Е.В. Бахтина, Л.А. Егорнова. — М.: Гос. библ. СССР им. В.И. Ленина, 1976. С. 27.

⁸⁹ Советская книга. Ч. I. Книга и книжное дело в первые годы советской власти. Вып. I. В.И. Ленин и книжное дело. Декреты советской власти о книге и книжном деле/ Сост. Т.А. Подмазова, Л.А. Егорнова, Л.И. Фурсенко. — М.: ВГБИЛ, 1976. С. 62.

⁹⁰ *Быстрянский В.* Государственное издательство и его задачи/ Книга и революция, 1920, № 1, июль. С. 3.

⁹¹ Советская книга. Ч. I. Книга и книжное дело в первые годы советской власти. Указатель литературы. Вып. 2... С. 11.

⁹² Советская книга. Ч. I. Книга и книжное дело в первые годы советской власти. Вып. I. В.И. Ленин и книжное дело... С. 60.

⁹³ Постановление Совета Народных Комиссаров о передаче библиографического дела в Р.С.Ф.С.Р. Государственному издательству/ Книга и революция, 1920, № 2, август. С. 90.

⁹⁴ *Глотов М.* На правильном пути/ Книга и революция, 1920, № 2 август. С. 7.

⁹⁵ *Черняк А.Я.* Указ. соч., с. 169.

⁹⁶ *Шомакова И.А.* Указ. соч., с. 120.

⁹⁷ Институты управления культурой в период становления. 1917–1930-е годы... С. 238.

⁹⁸ Книга и революция, 1920, № 1, июль. С. 63.

⁹⁹ *Подмазова Т.А.* О формировании специализированного издательства в первые годы советской власти (1917–1921)// Книга и культура. — М.: Наука, 1979. С. 143.

¹⁰⁰ *Рогачевская Л.С.* Развитие химической промышленности и рост смертности населения в СССР и Российской Федерации в 1960–1970-е годы// Историческая экология и историческая демография. Сб. научных статей/ Под ред. Ю.А. Полякова. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 85.

¹⁰¹ *Черняк А.Я.* Указ. соч., с. 135.

¹⁰² *Подмазова Т.А.* Указ. соч., с. 143.

¹⁰³ *Постников С.П., Фельдман М.А.* Указ. соч., с. 207.

¹⁰⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. — М., 1970. С. 120.

¹⁰⁵ Правда, 30 июля 1930 года.

¹⁰⁶ *Злотникова Ф.* Размышления у книжного прилавка/ Техническая книга, 1938, № 4, апрель. С. 132.

¹⁰⁷ *Бахтурина Г.И.* Издание научно-популярных книг по естествознанию в годы первых пятилеток (1928–1941)// Книга и культура — М.: Наука, 1979. С. 231.

¹⁰⁸ *Перельман Я.* Мои книги/ Техническая книга, 1937, № 2. С. 96.

¹⁰⁹ *Разгон Л.* Человек, написавший библиотеку// Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сб. второй. — М.: Советский писатель, 1962. С. 394.

¹¹⁰ *Рубакин А.Н.* Указ. соч., с. 124.

¹¹¹ *Осокин А.* Дайте книгу строителю!/ Техническая книга ударнику, 1932, № 4. С. 2.

¹¹² Перечисленные названия статей взяты из журнала «Техническая книга»: 1936, № 1, 2; 1937, № 5.

¹¹³ *Рязанов В.Т.* Указ. соч., с. 45.

¹¹⁴ *Фонотов А.Г.* Указ. соч., с. 134.

¹¹⁵ *Мекке Г.* Указ. соч., с. 119, 164.

¹¹⁶ *Бублейников Ф., Иноземцев И.* Научно-популярная литература/ Техническая книга, 1937, № 11. С. 23–24.

¹¹⁷ *Глухов А.Г.* В свете солнца. Очерки о научно-популярных книгах. — М.: Сов. Россия, 1977. С. 281.

¹¹⁸ О великом плане. Из письма Ромена Роллана т. Халатову/ Книга молодежи, 1932, № 7. С. 58.

¹¹⁹ *Глухов А.Г.* Указ. соч., с. 270.

¹²⁰ На ленинском пути. Политико-экономический двухнедельник Запсибкрайкома ВКП(б). — Новосибирск: Сибкрайком ВКП(б), 1931, № 1–2.

¹²¹ *Перцов В.* Человек в техническом очерке/ Техническая пропаганда, 1932, № 5–6. С. 80.

¹²² *Гапошкин Ф.* Какая научно-популярная книга нужна молодежи/ Книга молодежи, 1932, № 6. С. 51.

¹²³ *Элькина Д.* Технический минимум для рабочих тяжелой промышленности/ Техническая пропаганда, 1932, № 1. С. 8.

¹²⁴ *Айзенштат И.* Создать ассоциацию технической литературы/ Техническая книга, 1936, № 3, ноябрь. С. 115.

¹²⁵ *Яшин С.И.* Нет хороших книг по иностранной технике/ Техническая книга, 1936, № 2, октябрь. С. 22–23.

¹²⁶ В.И. Ленин, КПСС о развитии науки/ Под общ. ред. К.М. Боголюбова. — М.: Политиздат, 1981. С. 267.

¹²⁷ *Морозова С.Г., Иванова Е.А.* Утопии XX века: Проект Дворца техники СССР (По неопубликованным материалам). — М.: Политехнический музей, 2003. С. 13.

¹²⁸ *Морозова С.Г., Муравьева Т.А.* Дворец техники СССР и концепция «технической пропаганды» Н.И. Бухарина// Русская культура XX века на родине и в эмиграции: Имена. Проблемы. Факты. Вып. 2/ Под. ред. М.В. Михайловой, Т.П. Буслаковой, Е.А. Ивановой. — М., 2002. С. 173–185.

¹²⁹ Там же. С. 176, 179.

¹³⁰ Из записки т. Бухарина о техпропаганде/ Техническая пропаганда, 1932, № 5–6. С. 15.

¹³¹ *Мамедов Ш.Н.* Техническую литературу на рельсы марксистско-ленинского пути/ Горный журнал, 1932, № 3. С. 39–42.

¹³² *Клевенский М.* Техническая книга в 1936 г./ Техническая книга, 1937, № 1, январь. С. 24.

¹³³ Книга — строителям социализма/ Бюллетень Критико-библиографического института ОГИЗа// Техническая литература, 1932, № 1. С. 1.

¹³⁴ Техническая пропаганда, 1932, № 2. С. 12.

¹³⁵ Техническая пропаганда, 1932, № 5–6. С. 65.

¹³⁶ Техническая пропаганда, 1932, № 11–12. С. 22.

¹³⁷ Знание — сила, 1930, № 5, май.

¹³⁸ *Гринберг М.* Технический бой/ Молодая гвардия, ОГИЗ, 1931.

¹³⁹ *Семенов К.* Производственно-технические суды над машинами/ Техническая пропаганда, 1932, № 1. С. 34.

¹⁴⁰ *Бухарин Н.* Наши задачи/ Техническая пропаганда, 1932, № 1. С. 2.

¹⁴¹ *Бухарин Н.* За качество, за новую техническую общественность. (Речь на юбилейном вечере, посвященном десятилетию клуба им. Ф. Дзержинского 15 мая 1932 года)/ Техническая пропаганда, 1932, № 2. С. 4.

¹⁴² Что мы хотим от журнала «Техника — молодежи» (Письмо производственного молодежного актива завода «Красный путиловец»)/ Техника — молодежи, 1933, № 4. С. 65.

¹⁴³ Техника — молодежи, 1933, № 6, декабрь. С. 5.

¹⁴⁴ Техника — молодежи, 1934, № 1, январь. С. 67.

¹⁴⁵ *Прокофьев В., Михельсон С.* Растущим читателям — растущий журнал/ Техническая книга, 1937, № 9. С. 91.

¹⁴⁶ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947)/ Под ред. академика С.И. Вавилова. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 113. (На правах рукописи. Экз. № 16.)

¹⁴⁷ От редакции/ Наука и жизнь, 1934, № 1, октябрь. С. 2–3.

¹⁴⁸ *Черняк А.Я.* Указ. соч., с. 199.

¹⁴⁹ Впервые детская и юношеская техническая литература как совершенно новый вид технической литературы появилась в плане издательств ОНТИ на 1932 год. (См.: *Красноперов Н.* Техническая книга в 1932 году/ Техническая пропаганда, 1932, № 5–6. С. 15.)

¹⁵⁰ *Мещеряков Н.* Литература для всех/ Техническая книга, 1936, № 3. С. 20.

¹⁵¹ *Дорфман Я.* Техпропаганда в литературе и кино/ Техническая пропаганда, 1932, № 5–6. С. 83.

¹⁵² *Бухарин Н.* Наши задачи/ Техническая пропаганда, 1932, № 1. С. 2, 3.

¹⁵³ *Кан В., Лидин А., Неграш С.* В иных мирах. Из истории фантастической литературы. Т. I. — М.: Изд. А.В. Воробьев, 2009. С. 10.

¹⁵⁴ Там же, с. 218.

¹⁵⁵ http://ru.wikipedia.org/wiki/Amazing_Stories

¹⁵⁶ *Михельсон С.* Бледный и скучный журнал/ Техническая книга, 1937, № 12. С. 102.

¹⁵⁷ *Беляев А.* «Держи на Запад!» Фантастический рассказ// Знание — сила, 1929, № 11, ноябрь.

¹⁵⁸ *Мещеряков Н.* Указ. соч., с. 20.

¹⁵⁹ *Белов С.В., Толстяков А.П.* Указ. соч., с. 107.

¹⁶⁰ *Мещеряков Н.* Указ. соч., с. 20.

¹⁶¹ *Прокофьев В., Михельсон С.* Растущим читателям — растущий журнал/ Техническая книга, 1937, № 9. С. 92.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ *Михельсон С.* Бледный и скучный журнал... С. 102–103.

¹⁶⁴ *Мещеряков Н.* Указ. соч., с. 20.

¹⁶⁵ Техника — молодежи, 1936, № 6, июнь. С. 55.

¹⁶⁶ *Красноперов Н.* Техническая книга в 1932 году/ Техническая пропаганда, 1932, № 5–6. С. 13.

¹⁶⁷ Советская книга. Ч. 3. Книга и книжное дело в СССР, 1932–1945 гг. Вып. I/ Сост. Л.А. Егорнова, Г.И. Бахтурина. — М.: ВГБИЛ, 1982. С. 8.

¹⁶⁸ *Платонов В.А.* Как рабочий-автор должен писать техническую книгу: Брошюра для автора. — М.—Л.: Госхимтехиздат, 1932. (Серия рабочего-автора)

¹⁶⁹ В Культпропе ЦК ВКП(б)/ Коммунистическая революция, 1933, № 10. С. 96.

¹⁷⁰ *Мещеряков Н.* Указ. соч., с. 21.

¹⁷¹ Научно-популярная литература в 1938 г./ Техническая книга, 1938, № 1, январь. С. 23.

¹⁷² *Абрамов М., Михайлов А.* План выпуска учебников сорван/ Техническая книга, 1936, № 2, сентябрь. С. 37.

¹⁷³ Научно-популярная литература в 1938 г. С. 23.

¹⁷⁴ *Старцев И.* О чем говорят цифры/ Техническая книга, 1936, № 3, октябрь. С. 35.

¹⁷⁵ План научно-популярного отдела/ Книга молодежи, 1932, № 4. С. 60–61.

¹⁷⁶ *Бориль С., Лейтезен Ц.* Дайте хорошую научно-популярную книжку!/ Большевицкая печать, 1935, № 19–20. С. 44–46.

¹⁷⁷ Научно-популярная литература в 1938 г. С. 23.

¹⁷⁸ Техническая книга, 1936, № 3, октябрь. С. 19.

¹⁷⁹ *Грэхэм Л. Р.* Призрак казненного инженера: технология и падение Советского Союза/ Пер. с англ. А. Стручкова. — СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 74.

¹⁸⁰ Там же, с. 77.

¹⁸¹ *Бухарин Н.* Проблема нового инженера и техническая пропаганда (Вступительное слово на конференции ИТР по техпропаганде 22 ноября 1932 г.)/ Техническая пропаганда, 1932, № 14. С. 2.

¹⁸² *Горохов В.Г.* Социальная инженерия: Россия и Германия// Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций/ Отв. ред. В.М. Розин. — М.: ИФРАН, 2008. С. 69.

¹⁸³ Технический прогресс в СССР/ Техническая книга, 1939, № 11–12. С. 19.

¹⁸⁴ *Постников С.П., Фельдман М.А.* Указ. соч., с. 277.

¹⁸⁵ Там же, с. 197.

¹⁸⁶ Там же, с. 200.

¹⁸⁷ *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. — М.: ОГИЗ, Гос. изд-во полит. литературы, 1948. С. 27.

¹⁸⁸ *Бахтурина Г.И.* Указ. соч., с. 237.

¹⁸⁹ *Крылов А.Н.* О типографской работе Издательства АН СССР// Академик А.Н. Крылов. Воспоминания и очерки/ Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 775.

¹⁹⁰ *Лихтенштейн Е.* О научно-популярной литературе/ Техническая книга, 1939, № 2–3, февраль-март. С. 129–132.

¹⁹¹ Слово о науке: Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты. Кн. вторая/ Сост., авт. пред. и введений к главам Е.С. Лихтенштейн. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Знание, 1986. С. 10.

¹⁹² *Постников С.П., Фельдман М.А.* Указ. соч., с. 77.

¹⁹³ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922–1991/ 1922–1952. Сост. В.Д. Седаков. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 280.

¹⁹⁴ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947)/ Под ред. академика С.И. Вавилова... С. 241.

¹⁹⁵ *Бахтурина Г.И.* Указ. соч., с. 232.

¹⁹⁶ *Лихтенштейн Е.* Указ. соч., с. 131–132.

¹⁹⁷ В.И. Ленин, КПСС о развитии науки/ Под общ. ред. К.М. Боголюбова. — М.: Политиздат, 1981. С. 116.

¹⁹⁸ Основные положения и инструкции по книготорговому делу. — М.: КОГИЗ, 1939. С. 70–71.

¹⁹⁹ *Черняк А.Я.* Указ. соч., с. 308.

²⁰⁰ *Васильев В.И.* Войне вопреки... Академическая книга в истории Великой Отечественной войны. 1941–1945. — М.: Наука, 2005. С. 6.

²⁰¹ *Немировский Е.Л.* Большая книга о книге: Справочно-энциклопедическое издание — М.: Время, 2010. С. 945.

²⁰² *Васильев В.И.* Указ. соч., с. 7.

²⁰³ *Лихтенштейн Е.С.* Из истории научных изданий в СССР: Академическая типография — Издательство Академии наук СССР// Книга. Исследования и материалы. — М., 1960. Сб. 3. с. 28–29, 45.

²⁰⁴ *Васильев В.И.* Указ. соч., с. 21.

²⁰⁵ Из всех перечисленных авторов на русский язык была переведена только работа французского ученого Жана Батиста Био «Биография Ньютона». (Пер. с фр. В. Асонова. — М.: Типография Т. Рисе у Мясницких ворот, д. Воейкова, 1869.)

²⁰⁶ *Юшкевич А.П.* С.И. Вавилов как исследователь творчества И. Ньютона// Труды Института истории естествознания и техники. Т. 17. История физико-математических наук. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 66–89.

²⁰⁷ *Лёвшин Л.В.* Сергей Иванович Вавилов, 1891–1951/ Отв. ред. Н.А. Борисевич. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Наука, 2003. С. 199.

²⁰⁸ *Печенкин А.А.* Леонид Исаакович Манделъштам: исследование, преподавание и остальная жизнь. — М.: Логос, 2011. С. 255.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ *Мальшев С.Ю., Сальникова А.А.* Стиль жизни университетского человека в Казани: XX век// Социальная история. Ежегодник. 2008. — СПб.: Алтей, 2009. С. 92.

²¹¹ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947)/ Под ред. академика С.И. Вавилова. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 262. (На правах рукописи. Экз. № 16.)

²¹² *Идельсон Н.И.* Памяти С.И. Вавилова// Труды Института истории естествознания и техники. Т. 17. История физико-математических наук. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 127–136.

²¹³ *Немировский Е.Л.* Указ. соч., с. 942, 943.

²¹⁴ В списке печатных трудов П.М. Дульского 84 номера. Этот каталог его работ, изданный в количестве 150 экземпляра-

ров, можно найти в Российской государственной библиотеке: Список печатных трудов П. Дульского (на правах рукописи). — Казань, 1946. Статьи «Иконография Исаака Ньютона» и «Портреты Исаака Ньютона» в нем идут под номерами 73 и 74 соответственно.

²¹⁵ Библиофилам более известен конволют из двух книг: *Био Ж.Б. Галилей и Ньютон. Биографии/* Сост. и пер. В. Ассонова. — М.: Тип. Т. Рисе, на Садовой, вблизи яузской части, д. Медынцевой, 1871. — 132 + 111 с.

²¹⁶ *Лаптев Б.Л.* Николай Николаевич Парфентьев// Рассказы о казанских ученых. — Казань: Татарское книжное издательство, 1983. С. 20–27.

²¹⁷ *Лёвшин Л.В.* Сергей Иванович Вавилов, 1891–1951/ Отв. ред. Н.А. Борисевич. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Наука, 2003. С. 174.

²¹⁸ *Сэр Исаак Ньютон.* Оптика или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света/ Пер. с 3-го англ. изд. 1721 г. и примеч. С.И. Вавилова. — М.—Л., Госиздат, 1927. (Сер. «Классики естествознания», книга семнадцатая.) Тираж 3000 экз.

²¹⁹ *Вавилов С.И.* Исаак Ньютон/ Изд. 2-е, просм. и доп. — М.—Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1945. С. 225.

²²⁰ Nature, v. 155, 1945, № 3943, p. 618–619.

²²¹ *Лёвшин Л.В.* Указ. соч., с. 284.

²²² Фонд библиотеки ФИАН в январе 2009 года содержал 462 508 единиц хранения, из них 210 813 — на иностранных языках. (Данные предоставлены ученым секретарем ФИАН Н.Г. Полухиной.)

²²³ *Вавилов С.И.* Физический кабинет. Физическая лаборатория. Физический институт Академии наук СССР за 220 лет. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 66–67.

²²⁴ *Баженова Н.М., Леонов В.П.* Организация науки в блокадном Ленинграде/ Вестник Российской академии наук. Т. 79. 2009. № 12. С. 1117.

²²⁵ *Капица С.П.* Мои воспоминания. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 56.

²²⁶ Там же, с. 53-54.

²²⁷ *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии// Известия Николаевской морской академии. Вып. IV, V. — Петроград, 1915—1916. — с. 276—277. Пер. с лат. с пояснениями и примечаниями Флота генерал-лейтенанта А.Н. Крылова, заслуженного профессора Академии. Энциклопедический формат. (Тираж не указан.)

²²⁸ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947)/ Под ред. акад. С.И. Вавилова. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. (На правах рукописи. Экз. № 16). С. 271.

²²⁹ *Мандельштам Л.И.* Оптические работы Ньютона// Академик Л.И. Мандельштам. К 100-летию со дня рождения/ Сб. статей. Ред. колл. акад. А.М. Прохоров (председатель). — М.: Наука, 1979. С. 255—282. Работа эта вошла также в полное собрание трудов академика Л.И. Мандельштама.

Помимо публикации этого доклада Мандельштама в указанных книгах «Оптические работы Ньютона» были изданы в двух академических журналах: «Известия Академии наук СССР» (сер. физика, 9, 1945) и «Успехи физических наук» (М.—Л.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1946. — Т. XXVIII. Вып. 1. С. 103—129).

²³⁰ *Папалекси Н.Д.* Леонид Исаакович Мандельштам. Краткий очерк жизни и научной деятельности// Академик Л.И. Мандельштам. К 100-летию со дня рождения/ Сб. статей. Ред. колл. акад. А.М. Прохоров (председатель). — М.: Наука, 1979. С. 46.

²³¹ В Боровом, кстати, сложился своеобразный ньютоновский академический кружок. Тот же Мандельштам обсуждал с В.И. Вернадским некоторые аспекты ньютоновской физики и метафизики и, похоже, отшлифовывал в беседах с ним свой будущий доклад об оптике Ньютона. Сам Вернадский в сво-

их дневниках того времени часто пишет о Ньюtone (*Вернадский В.И.* Дневники. Июль 1941 — август 1943/ Сост. В.П. Волков. — М.: РОССПЭН, 2010. (Библиотека трудов академика В.И. Вернадского)). Вот несколько примеров. «Очень хорошо работал над логикой естествознания: думал и, мне кажется, несколько разобрался над Эйнштейновским и Ньютоновым пространством — в связи с реальностью: галаксии» (30.XI.1942); «Работал один над «Геологическим значением симметрии». О Ньюtone. Отвратительные чернила» (2.XII.1942); «Воспользовавшись случаем, зашел к Крылову и Зелинскому. С Крыловым — о Ньюtone <...>. Очень плохо устроили Крылова — в темной холодной комнате» (7.I.1943) и т. д. В итоге все эти размышления выльются у Вернадского в небольшой очерк «Исаак Ньютон» (1940—1944 гг.) — см.: *Вернадский В.И.* О науке. Т. I. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Отв. ред. акад. Б.С. Соколов, сост. Г.П. Аксенов, М.С. Бастрова, И.И. Мочалов, Г.А. Фирсова. — Дубна: Феникс, 1997.

²³² А.С. Предводителей — довольно заметная фигура в среде физиков в 1930—1940-е годы. В 1937 году он был назначен деканом физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и директором НИИ физики МГУ. Академик Л.И. Мандельштам еще в первой половине 1930-х годов отмечал, например, экспериментальные работы Предводителя (см.: *Печенкин А.А.* Леонид Исаакович Мандельштам: исследование, преподавание и остальная жизнь. — М.: Логос, 2011. С. 191).

²³³ *Предводителей А.* Книги к 300-летию со дня рождения И. Ньютона/ Под знаменем марксизма, 1943, № 1—2. С. 117—119.

²³⁴ *Капица С.П.* Указ. соч., с. 54—55.

²³⁵ *Крылов А.Н.* Воспоминания и очерки. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 227—228.

²³⁶ *Мандельштам Л.И.* О научных работах А.Н. Крылова// Л.И. Мандельштам. Полное собрание трудов. Т. III/ Под ред.

проф. С.М. Рыгова. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 268—290.

²³⁷ *Идельсон Н.И.* Указ. соч., с. 129.

²³⁸ *Вавилов С.И.* Исаак Ньютон/ Изд. 2-е, просм. и доп. С. 5.

²³⁹ *Баженова Н.М., Леонов В.П.* Организация науки в блокадном Ленинграде/ Вестник Российской академии наук, т. 79. 2009, № 12. С. 1119.

²⁴⁰ *Печенкин А.А.* Указ. соч., с. 260.

²⁴¹ *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 7: Из истории науки. Кн. 1/ Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ин-т теории и истории мировой культуры. — М.: Знак, 2010. С. 239. (Язык. Семиотика. Культура.)

²⁴² Архив академика С.И. Вавилова. Дело № 11. Телеграммы Дальневосточного управления Морского флота с просьбой выслать все свои печатные работы о И. Ньютоне. http://www.gas.ru/sivavilovarchive/2_actview.aspx?id=692

²⁴³ Исаак Ньютон (1643—1943). — Казань, Казанский авиационный ин-т, 1943. С. 5, 6.

²⁴⁴ Quantitative Analysis of Culture Using Millions of Digitized Books/ Jean-Baptiste Michel, Yuan Kui Shen, Aviva P. Aide etc. Электронный адрес статьи: <http://www.sciencemag.org/content/early/2010/12/15/science.1199644>

²⁴⁵ *Лёвшин Л.В.* Указ. соч., с. 204.

²⁴⁶ *Гинзбург В.Л.* Об этой книге/ В кн. *Вавилов С.И.* Исаак Ньютон: 1643—1727. — 4-е изд., доп. — М.: Наука, 1989. (Научно-биографическая серия.) С. 5—6.

²⁴⁷ *Идельсон Н.И.* Указ. соч., с. 129.

²⁴⁸ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947)... С. 272.

²⁴⁹ *Уткин А.И.* Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. — Смоленск: Русич, 2000. С. 36.

²⁵⁰ *Бородин Н.А.* Указ. соч., с. 192.

²⁵¹ *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени/ Пер. с англ., сост. и предисл. Т.С. Васильева. — М.: Наука, 1997. С. 80.

²⁵² *Назаров А.И.* Книга в советском обществе. Очерк истории книгоиздательского дела в СССР. — М.: Наука, 1964. С. 166–167.

²⁵³ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947)... С. 287.

²⁵⁴ *Артоболевский И.* Выдающийся популяризатор// Наука и жизнь, 1981, № 3. С. 21–22.

²⁵⁵ В.И. Ленин, КПСС о развитии науки/ Под общ. ред. К.М. Боголюбова. — М.: Политиздат, 1981. С. 379–380.

²⁵⁶ *Лёвшин Л.В.*, Указ. соч., с. 310.

²⁵⁷ *Артоболевский И.* Выдающийся популяризатор/ Наука и жизнь, 1981, № 3. С. 21–22.

²⁵⁸ Первые более или менее достоверные официальные данные о численности населения СССР были опубликованы лишь через три года после смерти Сталина: 200,2 миллиона человек в апреле 1956 года. (Источник: «Население & Общество», Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, № 70, март-апрель, 2003.)

²⁵⁹ *Вавилов С.И.* Предисловие// Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947)/ Под ред. академika С.И. Вавилова. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. (На правах рукописи. Экз. № 16. С. 12.)

²⁶⁰ *Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С.* Научные коммуникации и информатика. — М.: Наука, 1976. С. 206–207.

²⁶¹ *Баренбаум И.Е.* История книги: Учебник. — М.: Книга, 1984. <http://www.hi-edu.ru/x-books/xbook032/01/index.html?part-016.htm>

²⁶² Слово о науке: Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты. Кн. вторая/ Сост., автор предисловия и введения к главам

Е.С. Лихтенштейн. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Знание, 1986. С. 16.

²⁶³ *Есенькин Б.С., Майсурадзе Ю.Ф.* Книжный рынок России: 1990–2000 годы. Динамика, экономика, организация — М.: МГУП, 2001. (Книжный бизнес. Отечественный опыт.) С. 19–20.

²⁶⁴ <http://lenta.ru/news/2007/04/26/russians/>

Примечания к главе 3

¹ *Малинецкий Г.Г.* Вдоль или поперек?: <http://www.reflexion.ru/Library/Malinetsky.doc>

² *Кугель С.А., Майзель И.А.* Образ науки в общественном мнении/ Вестник Российской академии наук, 1992, № 11. С. 20–29.

³ *Арутюнов В.С., Стрекова Л.Н.* Социологические основы научной деятельности. — М.: Наука, 2003. С. 78.

⁴ *Данилевич Я.Б., Коваленко С.А.* Имидж ученого: современные PR-технологии в экономике знаний/ Вестник Российской академии наук, т. 75, 2005, № 1. С. 32–35.

⁵ Народное хозяйство СССР в 1971 г. — М., 1972.

⁶ *Порус В.Н.* Наука — средства массовой информации — общественность/ Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. — М.: Наука, 1986. С. 220.

⁷ Наука и жизнь, 1988, № 5. С. 29.

⁸ http://en.wikipedia.org/wiki/Scientific_American#_note-0

⁹ *Кугель С.А., Майзель И.А.* Указ. соч.

¹⁰ Наука и жизнь, 1999, № 2. С. 57.

¹¹ Цит. по: Поиск, 2006, № 52, 29 декабря. С. 16.

¹² *Иголкин А.А.* Источники энергии — экономическая история (до начала XX века). — М.: Ин-т рос. ист. РАН, 2001. С. 211.

¹³ Рассчитано по: *Ковалев Ю.Ю.* География мировой науки. — М.: Гардарики, 2002. С. 44.

¹⁴ Индикаторы науки. Статистический сборник. — М.: ГУ—ВШЭ, 2006. С. 278—279.

¹⁵ Поиск, 2007, № 5, 2 февраля. С. 16.

¹⁶ *Маклюен М.* Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры/ Пер. с англ. — Киев, Ника-Центр, 2004. Сер. «Сдвиг парадигмы». Вып. 1. С. 371—372.

¹⁷ *Добров Г.М.* Наука о науке. Изд. 3-е, доп. и перераб./ Отв. ред. Н.В. Новиков. — Киев: Наукова думка, 1989. С. 20.

¹⁸ *Капица С.* Мои воспоминания. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 211.

¹⁹ *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание/ Пер. с англ. Д. Борисов. — М.: Ультра. Культура, 2003. С. 38.

²⁰ *Лапина И.Ю.* Научно-популярное телевидение: Драматургия мысли. — М.: Аспект Пресс, 2007. С. 12—13.

²¹ Опрос «СМИ: предпочитаемые каналы информации» проводился в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Это были интервью 1500 респондентов по месту жительства 28—29 июля 2007 года. Статистическая погрешность не превышала 3,6%. http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0731/domt0731_2/d073121

²² Независимая газета, 7 августа 2007 г. С. 17—18.

²³ *Порус В.Н.* Указ. соч., с. 215.

²⁴ *Лапина И.Ю.* Указ. соч., с. 139, 141.

²⁵ *Сергеев А.* Показуха по науке. Инструмент выживания в условиях демократии/ Компьютерра, 2007, № 46, 11 декабря. С. 36—39.

²⁶ Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе/ Сост., предисл., коммент. Н.Г. Мельникова. — М.: Изд-во Независимая газета, 2002. Сер. «Эссеистика». С. 156.

²⁷ *Иголкин А.А.* Указ. соч., с. 206.

²⁸ http://www.sciam.com/mediakit/print/images/ww_editions.pdf

²⁹ *Арутюнов В.С., Стрекова Л.Н.* Указ. соч., с. 149.

³⁰ *Зимин Э.П.* Факторы отката сферы науки России/ Вестник Российского гуманитарного научного фонда, 1996, № 1. С. 235–247.

³¹ *Кугель С.А., Майзель И.А.* Указ. соч.

³² Цит. по: *Семенов Е.В.* Сфера фундаментальных исследований в постсоветской России: невозможность и необходимость реформы// Альманах: Наука. Инновации. Образование. Под ред. Е.В. Семенова. — М.: Изд. дом «Парад», 2006. С. 34.

³³ *Савельева О.О.* Российская наука глазами студентов/ Вестник Российской академии наук, т. 69. 1999, № 3, 1999. С. 203–208.

³⁴ «Наука и жизнь»: 1990 г., № 4, с. 109; 1991 г., № 10, с. 133; 1992 г., № 5–6, с. 50; 1993 г., № 2, с. 133.

³⁵ Каждый третий россиянин не читает книг. Но рынок растет. http://www.biblio-globus.ru/inter_analytics.aspx

³⁶ *Побединский В.М., Игнатенко А.А.* Книгоиздательская деятельность Петербургского университета. 1724–1989/ Под ред. проф. Г.А. Тишкина. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 21–22.

³⁷ *Пармонов Б.* Скучная история/ Независимая газета, 20 апреля 2007 г. С. 3.

³⁸ Читаем вместе. Навигатор в мире книг, 2007, № 8–9, август-сентябрь. С. 5.

³⁹ *Иноземцев В.Л.* On Modern Inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века// Постчеловечество. — М.: Алгоритм, 2006. С. 10–73.

⁴⁰ The Japan Times, Feb. 9, 2007.

⁴¹ *Лессиг Л.* Свободная культура/ Пер. с англ. — М.: Прагматика Культуры, 2007. С. 52.

⁴² *Мокроусов А.* Книга между компьютером и комиксом. <http://www.russ.ru/content/view/full/47185>

⁴³ *Britt Robert R.* Americans Believe in God, Astrology and Ghosts. <http://www.livescience.com/strangenews/etc/091210-americans-believe-god-astrology-and-ghosts.html>

⁴⁴ Для британцев инопланетяне оказались реальнее бога. 25.11.2008: <http://lenta.ru/news/2008/11/24/believe/>

⁴⁵ «Die Welt»: 40% немцев верят, что инопланетяне уже высадились на Землю. <http://www.newsru.com/world/29dec2006/chelovechki.html>

⁴⁶ ВЦИОМ: Россияне одновременно верят в бога, инопланетян и гороскопы. http://wciom.ru/no_cache/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/1947.html?cHash=bc2f64ac65&print=1

⁴⁷ *Ройфе А.Б.* Неомифологическая фантазия в фантастике XX века. — М.: ООО «Международный центр фантастики», 2006. С. 7.

⁴⁸ Поиск, 2003, № 47, 21 ноября. С. 3.

⁴⁹ Wired, 2007, № 5. Р. 61.

⁵⁰ Дарвин и дарвинизм. Опрос ФОМ. http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0732/domt0732_4/d073223

⁵¹ *Игнатъев А.А.* Ценности науки и традиционное общество/ Вопросы философии, 1991, № 4. С. 3–30.

⁵² Там же.

⁵³ *Яременко Ю.* Экономические беседы. Диалоги с С. Белановским — М.: Центр исследований и статистики науки, 1998. С. 27.

⁵⁴ *Хайлбронер Роберт Л.* Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи/ Пер. с англ. И. Файбисовича. — М.: КоЛибри, 2008. С. 21–22.

⁵⁵ Цит. по: *Хайлбронер Роберт Л.* Указ. соч., с. 350.

⁵⁶ *Кордонский С.Г.* Ресурсное государство: сборник статей. — М.: REGNUM, 2007.

⁵⁷ *Маклюен М.* Указ. соч., с. 332.

⁵⁸ Мир в цифрах — 2005. Карманный справочник/ Пер. с англ. — М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005. С. 80.

⁵⁹ *Третьяков Ю.Д.* Проблема развития нанотехнологий в России и за рубежом/ Вестник Российской академии наук, т. 77. 2007, № 1. С. 3–10.

⁶⁰ О государственной промышленной политике России. Проблемы формирования и реализации/ Рук. разработки акад. Е.М. Примаков, научн. конс. акад. В.Л. Макаров. — М.: ТПП РФ, 2003. С. 5.

⁶¹ *Кара-Мурза С.Г.* Императив перехода к инновационному развитию России: состояние на старте// Альманах «Наука. Инновации. Образование». Вып. 2/ Редколл., гл. ред. Е.В. Семенов. Министерство образования и науки РФ, Федеральное агентство по науке и инновациям, РИЭПП. — М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 225.

⁶² *Гринберг Р.С.* Пятнадцать лет рыночной экономики в России/ Вестник РАН, т. 77. 2007, № 7. С. 584–597.

⁶³ <http://president.kremlin.ru/text/appears/2007/04/125401.shtml>

⁶⁴ Страхи оказались преувеличенными, 31.12.2009. <http://www.astera.ru/interview/?id=74274>

⁶⁵ Российскому ИТ-рынку указали на его реальное место в нашей экономике. 31.12.2009. http://www.astera.ru/it_market_and_crisis/?id=74199

⁶⁶ Редакторская подготовка изданий: Учебник/ Под ред. С.Г. Антоновой. — М.: Логос, 2004. С. 73.

⁶⁷ Данные Российской книжной палаты. http://www.bookchamber.ru/content/stat/stat_2008.html

⁶⁸ «НГ ExLibris», еженедельное приложение к «Независимой газете», 2009, 24 декабря. С. 2.

⁶⁹ *Кустарев А.* О досужем чтении/ Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре, 2009, № 6. С. 4.

⁷⁰ *Селиверстова Н.А., Юмашева Н.Д.* Чтение в студенческой среде: опыт социологического исследования. — М.: Рос. кн. палата, 2009. (Московское книжное дело сегодня.) С. 23.

⁷¹ *Сорокин В.* Феодализм с высокими технологиями. Интервью газете «Der Standard», 11 декабря 2006 г. <http://www.inopressa.ru/standard/2006/12/11/14:49:51/sorokin>

⁷² *Гринберг Р.С.* Указ. соч., с. 592.

⁷³ *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования/ Пер. с англ. — М.: Academia, 1999. С. 59.

⁷⁴ Журнал «Пушкин», 2009, № 4. С. 77.

⁷⁵ *Попова Т.Е., Попова Е.В.* Биотехнология и социум. — М.: Наука, 2000. С. 91-95.

⁷⁶ <http://www.gipp.ru/opennews.php?id=16987>

Содержание

Глава 1

УРНА ЖАНРУ (Для начала)	3
1. Картина интегрального хаоса	5
2. «...К пользе и увеселению служащие»	15

Глава 2

СТРАНА ПОБЕДИВШЕГО НАУЧПОПА	19
1. «Сквозь термины — к звездам!»	21
2. Книжная заваль	46
3. «Госиздат не будет издавать макулатуры...»	60
4. Железная логика ревущих 30-х	82
5. Казанская Ньютониана — 1943	127
6. Война и научно-популярная политика	156

Глава 3

СТРАНА, ПОБЕДИВШАЯ НАУЧПОП	169
1. «Книгу не помню. Читал журнал...»	171
2. «Всякие кварки и поля Янга—Миллса...»	179
3. Бунт «инертной агломерации»	187
4. АО «Строительство пирамид»	196
5. Фэнтези — тоска по высоким технологиям	200

Примечания	217
-------------------	-----

Научно-популярное издание

Андрей Ваганов

**ЖАНР,
КОТОРЫЙ
МЫ ПОТЕРЯЛИ**

**Очерки истории отечественной
научно-популярной литературы**

Редактор Т. Репина
Корректор Н. Красикова
Компьютерная верстка и оформление И. Патрашкова
Обложка В. Блохин

АНО «Журнал «Экология и жизнь»
117292, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 52/27, помещение Б

Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон.
Печать офсетная. Печ. л. 15,5. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В.И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

В серии «Библиотека журнала «Экология и жизнь»
в 2012 г. также вышла в свет книга (научно-популярное издание)

К.Е. Левитин

НАУЧНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА как составная часть знаний и умений любого ученого

Книга адресована сразу трем аудиториям — будущим журналистам, решившим посвятить себя научной журналистике, широкой публике и тем людям, которые делают науку — ученым. По сути дела, это итог почти полувековой работы журналиста, пишущего о науке, и редактора научно-популярного и научно-художественного журнала, итог изучения способов передачи знаний между учеными разных специальностей и между научным сообществом и обществом.

Именно неумение людей науки выразить себя в понятной и интересной другим форме кроется одна из главных причин нынешней разобщенности науки и общества. Способность изложить свои мысли, пусть даже касающиеся самых сложных вопросов, так, чтобы не только ближайшие коллеги, но и любой иной человек мог уловить их смысл и значение, действительно необходима каждому ученому и, вообще говоря, всякому, кто хочет быть понятым окружающими его людьми, считает автор.

Книга иллюстрирована гравюрами Маурица Корнелиса Эшера — любимого художника автора.

Книги серии «Библиотека журнала «Экология и жизнь»

можно заказать

по тел./факсу (495) 319-9233

или по адресу 117648, Москва, а/я 28,

а также на сайте журнала <http://www.ecolife.ru>

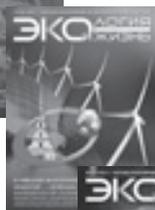
E-mail: ecolife21@gmail.com

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ЭКОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ

В журнале и на сайте журнала <http://www.ecolife.ru> представлены материалы по широкому кругу современных проблем экологии — от философско-теоретических и культурологических до практических проблем устойчивого развития.

Особое внимание уделяется экологическому образованию, воспитанию и просвещению. Материалы для практики преподавания содержатся в каждом из разделов журнала — «Экология. Человек. Общество», «Экономика. Управление. Инновации», «Образование для устойчивого развития», «Глобальные проблемы», «Регионы и города», «Здоровье и окружающая среда». В рубриках «Литературные страницы» и «Эссе номера» читателям предлагаются лучшие образцы художественной литературы и публицистики, посвященные человеку и его отношению к природе.

В рамках Федеральной целевой программы «Культура России» издается серия «Библиотека журнала «Экология и жизнь».

Информация о подписке размещена в почтовых каталогах «Роспечать», «Пресса России» и «Почта России», а также на сайте журнала <http://www.ecolife.ru>

Для контактов с редакцией:

тел./факс (495) 319-9233

e-mail: ecolife21@gmail.com

почтовый адрес: 117648, Москва, а/я 28

